

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

Сын
Красного Корсара
Последние
флибустьеры

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Эмилио Сальгари

**Сын Красного Корсара.
Последние флибустьеры**

«Азбука-Аттикус»

1908

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Сальгари Э.

Сын Красного Корсара. Последние флибустьеры / Э. Сальгари — «Азбука-Аттикус», 1908 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-16362-1

Эмилио Сальгари современники называли «итальянским Жюлем Верном». В юности, во время учебы в мореходном училище, он захлеб читал романы французского корифея приключенческого жанра, и в итоге последовал по стопам своего кумира, написав около двухсот романов и рассказов. И хотя автор никогда не покидал Адриатики, его романтические и благородные пираты избороздили все моря-океаны. Особой любовью у читателей пользуются его романы из цикла «Антильские пираты», в которых рассказывается о невероятных приключениях грозных корсаров, сеявших страх в испанских колониях на побережьях Южной Америки в XVI–XVII вв. В настоящее издание вошли два завершающих романа этого цикла: «Сын Красного Корсара» и «Последние флибустьеры», в которых вновь сталкиваются интересы великих держав и отважных разбойников Берегового братства. Морские баталии, слепящие краски южных островов, непримиримая месть, страсть, измены и подлинная любовь, – в этих романах Эмилио Сальгари вновь собрал все необходимые ингредиенты великой приключенческой литературы. Впервые на русском языке произведения сопровождаются полным комплектом иллюстраций итальянского художника Альберто делла Валле (1851–1928).

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-16362-1

© Сальгари Э., 1908
© Азбука-Аттикус, 1908

Содержание

Сын Красного Корсара	8
Часть первая	9
I	9
II	17
III	27
IV	37
V	46
VI	56
VII	64
VIII	80
IX	89
X	98
XI	108
XII	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Эмилио Сальгари Сын Красного Корсара Последние флибустьеры (сборник)

Иллюстрации Альберто делла Валле
Составитель Александр Лютиков

Серия «Мир приключений»

© А. Г. Москвин, перевод, 2018

© Издание на русском языке, состав, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Сын Красного Корсара

Часть первая

I

Маркиза де Монтелимар

– Господин граф де Миранда!

Слуга с угольно-черной кожей, наряженный в форменный камзол из голубого шелка с пущенными по гладкому полю большими желтыми цветами, громко выкрикнул эти слова, и они произвели сильное впечатление на множество гостей, заполнивших роскошно убранные залы маркизы де Монтелимар, очаровательной сеньоры, превозносимой в Сан-Доминго всеми искателями приключений, а также всеми чиновниками и офицерами, морскими и сухопутными.

Сразу же приостановились танцы, весьма оживленные до той поры. И дамы и кавалеры заторопились к дверям большого зала, словно их влекло непреодолимое любопытство увидеть вблизи этого графа, который за считанные часы, что он пробыл в Сан-Доминго, умудрился обратить на себя внимание многих.

Черный привратник едва успел приподнять богатую камчатную портьеру с длинной золотой бахромой, как объявленная персона появилась.

Это был очень красивый молодой человек лет двадцати восьми – тридцати, высокого роста, с тончайшими чертами лица, выдававшими аристократическое происхождение, горящими глазами глубокого черного цвета, черными же усами и белейшей кожей, крайне необычной для командира фрегата, плавающего под жгучим солнцем Мексиканского залива¹.

Этот странный и интригующий человек был одет, кто знает по какой прихоти, во все красное.

Именно такого цвета был камзол, красными были нашивки, штаны, нарядная фетровая шляпа с длинным пером, а также кружева, перчатки и даже высокие сапоги; из красной кожи были сделаны и ножны шпаги.

Граф, увидев перед собой стольких людей, внимательно рассматривавших его, слегка нахмурился, словно раздраженный их любопытством, потом вежливо снял шляпу, грациозно повел ею, прикоснувшись ее длинным пером к ковра, и слегка поклонился, продолжая удерживать левую руку на рукояти шпаги.

Маркиза де Монтелимар поспешила расчистить проход среди гостей и приблизилась к графу.

Не напрасно ее называли прекраснейшей вдовой Сан-Доминго! Это была роскошная уроженка Кастилии, еще молодая, так как не прожила на свете и двадцати пяти весен, высокая, стройная, гибкая, с миндалевидными лучезарными глазами, иссиня-черными волосами и белой, как алебастр, кожей – такой цветовой контраст присущ креолкам с берегов Мексиканского залива.

Муж ее, старый маркиз, всего несколько лет назад был убит в сражении с флибустьерами². Несмотря на свое вдовье положение, маркиза была одета в белое шелковое платье, украшен-

¹ Мексиканский залив – фактически в романе говорится не столько о Мексиканском заливе, сколько о Карибском море, к которому порой добавляется юго-западная часть акватории собственно Мексиканского залива. Иногда эта акватория называется также Большим заливом. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Флибустьеры – название морских разбойников, распространенное на островах Вест-Индии, побережьях Центральной и Южной Америки во второй половине XVII – начале XVIII в. От обычных пиратов отличались тем, что объединялись в своеобразное братство, центром которого был островок Тортуга (см. примечание к главе IV). Соединенными силами флибустьеры могли проводить крупные военные операции, смело вступая в сражения с испанскими кораблями и атакуя испанские

ное спереди мелкими изумрудами, тут и там искусно собранными в группы, а на белоснежной шее красовались две нитки калифорнийских жемчугов немыслимой ценности. Она остановилась перед графом, отвесив грациозный поклон, сопровождаемый очаровательной улыбкой, а потом, протянув гостю руку, сказала:

– Рада, что вы, граф, приняли мое приглашение.

– Маркиза, люди моря грубы, но они никогда не отклоняют приглашений, особенно в тех случаях, когда таковые исходят от столь прекрасной дамы, как вы.

Эти слова заставили нахмуриться не одно лицо; среди почитателей маркизы они вызвали неодобрительный шепоток.

А граф де Миранда резко обернулся, гордо опираясь левой рукой на рукоятку шпаги и подбоченившись правой, и громко сказал:

– Кажется, кому-то не нравятся мои слова. Так знайте, что мы, люди океана, умеем не только управлять судном; нанести противнику хороший удар – нам тоже под силу.

– Вы ошибаетесь, сеньор, – сказала маркиза. – Собравшиеся здесь весьма уважают людей, которые, несмотря на бури и прочие опасности, защищают нас от флибустьеров острова Тортуга³.

Никто не осмелился возразить, и лица прояснились. Один лишь капитан гранадских алебарщиков, ростом на добрую ладонь выше молодого графа, все еще не мог успокоиться.

– Сеньор, – сказала маркиза де Монтелимар, – вы не желаете предложить мне свою руку? Мне будет очень приятно опереться на сильную руку моряка.

– Который готов отдать свою шпагу, да и всю свою жизнь, в ваше распоряжение, маркиза, – ответил молодой красавец, дерзко поглядывая на гостей, выражавших некоторое недовольство предпочтением, которое молодая вдова оказала никому не известному капитану.

– Этого я не требую. Вы танцуете?

– Да, маркиза, но только на французский манер, поскольку я воспитывался в Провансе.

– Как это? Разве вы не испанец? Если не ошибаюсь, де Миранда – кастильский род?

– Чистокровный испанец, но мой отец женился на француженке и ребенком отдал меня на воспитание родителям моей матери.

– Мне и в самом деле показалось, что ваше произношение отличается от нашего.

– Моряки странствуют по разным краям, так что порой забывают правильный выговор родного языка. Вот и я очень долго жил в Италии.

– Ах вот почему вы так приятно говорите! О, Италия! Я тоже там бывала... Откуда же вы прибыли теперь?

– Из Веракруса, маркиза.

– Пережив по пути бог знает сколько приключений!

– Нет, маркиза, всего лишь один шторм да пару abordages с кораблями флибустьеров.

– Вы их потопили, надеюсь?

– Взял на буксир, пленив предварительно экипаж.

– А куда сейчас направляетесь?..

– Я остаюсь здесь защищать Сан-Доминго.

– Нам кто-то угрожает?

– Говорят, что буканьеры⁴ в союзе с флибустьерами готовятся напасть на этот город, но на своем пути они встретят сорок пушек моей «Новой Кастилии», и клянусь вам, маркиза, что я...

прибрежные города и крепости. Слово возникло из голландского «vrijbueter», буквально означающего «мастер добычи».

³ *Тортуга* – небольшой остров у северо-западного побережья острова Гаити; в наши дни известен под французским названием Тортю.

⁴ *Буканьер* – это французское слово произведено от индейского «букан», бытовавшего в Вест-Индии и обозначавшего человека, вялившего и коптившего мясо убитых на охоте животных, а также занимавшегося грубой выделкой шкур. Белые

Граф внезапно прервался и посмотрел вбок.

Капитан алебардщиков, тот самый, что незадолго до этого ворчал больше других, красивый мужчина лет сорока, высокий, как гренадер, с длинными усами, свисающими по-китайски вниз, остановился в нескольких шагах, словно желая подслушать их разговор.

Как только молодой моряк прервался, капитан поспешно отвернулся, нетерпеливо схватившись за рукоятку своей длинной шпаги, и столкнулся с дамой, пересекавшей в этот момент зал.

– Кто этот господин? – спросил граф, нахмурившись.

– Граф де Сантьяго, капитан алебардщиков Гренадского полка, – ответила маркиза де Монтелимар, улыбнувшись. – Он вас заинтересовал?

– Ничуть, сеньора. Мне кажется, он преследует нас, чтобы подслушать, о чем мы говорим.

– Он мой обожатель.

– А их, должно быть, немало у такой красивой женщины.

– О граф! – воскликнула маркиза, стукнув по руке своим богатым веером с золотыми пластинками.

– Он любит вас?

– Безумно. На прошлой неделе он заколол шпагой морского офицера, потому как подумал, что я отдала предпочтение этому несчастному лейтенанту.

– Ах, так капитан ревнив?

– Он удачливый дуэлянт, как это говорится, – добавила маркиза.

– Хотел бы я испытать хоть немного его умение, – с иронией проговорил граф.

– Остерегайтесь этого, сеньор де Миранда!

– Маркиза, вы полагаете, что такой человек, как я, боится этого капитана?

– Нет, граф, но мне было бы жалко...

– Чего?

– Если бы вас настигло какое-нибудь несчастье, – ответила маркиза, и голос ее, как показалось молодому человеку, невольно изменился от волнения.

Он отнял свою руку и удивленно посмотрел на маркизу.

– И вам, знающей меня всего каких-нибудь пять минут, – сказал он, – вам было бы неприятно, если бы со мной случилась беда?

– Я восхищаюсь такими смелыми и любезными людьми, как вы, граф.

У молодого человека перехватило дыхание, потом он сказал вполголоса:

– Странно... даже мой дядя...

Но он тут же прервался, прикусив губу.

– Что вы сказали, граф? – переспросила маркиза.

– Музыка и в самом деле великолепна, нам надо станцевать это восхитительное фанданго⁵.

– Как раз это и я хотела предложить вам.

– К вашим услугам, маркиза.

Танцы продолжились.

Дамы и кавалеры стремительно кружились в роскошных залах дворца Монтелимар, наэлектризованные дюжиной музыкантов, скрытых за неким подобием небольшого садика, который образовали два ряда пышных бананов. Огромные листья растения достигали золоченого потолка.

Граф встал рядом с маркизой, и они легко смешались с круговоротом танцующих.

буканьеры обычно были связаны с морскими разбойниками (флибустьерами), которым они продавали мясо, и нередко сами происходили из пиратов.

⁵ Фанданго – испанский парный народный танец, исполнялся под сопровождение гитары, кастаньет и сольного пения.

Некоторые из танцоров даже остановились, чтобы полюбоваться на очаровательного молодого человека и его не менее очаровательную партнершу, пораженные их легкостью и грацией.

Никогда прежде они не видели столь хорошо танцующего моряка.

Фанданго закончилось, и граф только что проводил маркизу к ее месту, когда позади себя услышал голос:

– Сеньор, вы, кто так хорошо танцует! Может быть, вы столь же хорошо умеете играть?

Молодой капитан «Новой Кастилии» живо обернулся и не очень-то удивился, увидев капитана алебардщиков Гранадского полка.

Мгновение граф его рассматривал, а потом ответил с некоторой долей иронии:

– Кабальеро⁶ должен уметь танцевать, играть и наносить удары шпагой, когда представится случай.

– Пока что я предлагаю вам только сыграть, – сказал капитан алебардщиков.

– Если вам это доставит удовольствие, я к вашим услугам, граф де Сантьяго.

– Как? Вы знаете меня? – изумился капитан.

– Так... случайно.

Немного побледневшая маркиза де Монтелимар поднялась с места.

– Граф де Сантьяго, чего вы хотите от графа де Миранды? – спросила она.

– Ничего иного, сеньора, кроме как предложить ему сыграть партию в карты, – ответил капитан. – Моряки предпочитают игры танцам, не правда ли, граф?

– Иногда, – сухо ответил молодой человек.

– И потом, вы уже станцевали с королевой праздника.

– Но если маркиза захочет сделать еще один тур, я немедленно откажусь от партии, которую вы мне предлагаете, что бы потом ни случилось.

– Вечер еще не подошел к концу, и у вас будет время подвигать ногами сколько хотите, – с тонкой иронией заметил капитан алебардщиков.

– Граф, не играйте, – сказала маркиза.

– О, это будет только одна партия! – ответил молодой моряк. – Есть такие развлечения, которые нравятся мореходам. Пойдемте, сеньор де Сантьяго.

Он галантно поцеловал руку маркизы де Монтелимар и последовал за угрюмым капитаном алебардщиков, сделав предварительно прекрасной вдове скрытный знак, словно говоря: «Не беспокойтесь обо мне».

Они пересекли просторный, залитый светом зал, где морские и сухопутные офицеры весело танцевали с самыми очаровательными сеньорами и сеньоритами Сан-Доминго, и вошли в маленькую гостиную, где дюжина офицеров, по большей части старых, играли и курили большие гаванские сигары, нисколько не интересуясь течением бала.

Обычные и двойные дублоны⁷ поблескивали на игорных столах, а кости и карты игроки бросали с завидной беспечностью, скорее наигранной, чем настоящей.

– Господин граф, – сказал капитан алебардщиков, – что вы предпочитаете: карты или кости?

Молодой капитан фрегата на мгновение задумался, а потом ответил:

– Кости, мне кажется, дают больше эмоций, чем карты. И это отлично подходит для людей военной профессии, привычных к шпаге и пушкам. Не так ли, сеньор де Сантьяго? Мы же не похожи на мирных владельцев плантаций сахарного тростника или индиго!

– Вы остры на язык, граф.

⁶ Кабальеро (исп.) – кавалер; дворянин.

⁷ Дублон – испанская золотая монета достоинством в два эскудо, чеканилась в 1566–1849 гг.; с 1684 г. (а это как раз время действия романа) вес ее составлял около 6,1 г золота.

– Это от соленой морской воды, – улыбнулся молодой человек. – Мы, люди моря, насквозь просолены ею.

– Тогда как мы, напротив, пропахли дымом, – ответил капитан алебардщиков.

– Почему?

– Потому что мы вечно живем в лесах, охотясь на буканьеров.

– И много вы убиваете этих негодяев?

– Уф! Порой случается, что кто-нибудь из них погибает от наших аркебуз⁸, но почти никогда такого не происходит от алебард нашей стражи. Едва эти мошенники слышат говор аркебуз, они убегают как зайцы, вместо того чтобы атаковать.

– Кто? Буканьеры или наши?

– Наши, граф!

– Они такие пугливые?

– Иногда достаточно одного хорошо укрывшегося в лесу буканьера, чтобы обратить в бегство наших алебардщиков. И заметьте, они никогда не отправляются в поход, если в отряде не наберется по крайней мере пятьдесят человек.

– Ну и храбрецы! – сказал граф де Миранда со слегка язвительной улыбкой.

– Карай!⁹ Хотел бы я вас увидеть на их месте!

– Я атаковал бы их, встав во главе своих матросов.

– Знаем мы, как отличаются команды наших галеонов! – насмешливо бросил капитан. – После первых же пушечных выстрелов они спускают испанский флаг и отдают негодьям с Тортуги все слитки золота, что находятся в трюмах.

– Ну, мои-то... – Граф де Миранда остановился, прикусив губу, словно он передумал высказать что-то, и перевел разговор на другую тему: – Ну, так будем мы играть, капитан?

– Для этого я вас и пригласил. Посмотрим, что приносит любовь – удачу или несчастье.

– Что вы хотите сказать?

Граф де Сантьяго, не отвечая, сделал знак черному слуге, одетому в шелковую ливрею, и приказал:

– Кости. Мы хотим играть.

– Сейчас принесу, господин граф.

И вскоре принес на серебряной тарелочке с тонкой чеканкой маленькую золотую чашку с двумя костями, выточенными из зуба морской свиньи¹⁰.

– Во что будем играть, сеньор граф де Миранда? – спросил капитан алебардщиков.

– Во что хотите.

– Следите за своими словами.

– Почему, сеньор граф де Сантьяго? – с наигранным безразличием спросил молодой человек.

– Карай!

– Карамба!¹¹ Богохульствуете, господин граф.

– Вы тоже, как мне показалось.

– О! Но я-то моряк! Впрочем, и вам никто не запрещает богохульствовать. И мореходы, и сухопутные люди временами полностью сходятся на этом... поле.

⁸ *Аркебуза* – гладкоствольное фитильное дульнозарядное ружье; появилось в первой трети XV в. В XVI в. аркебузами назывались легкие ружья малого калибра. К концу XVII в., когда происходит действие романа, аркебузы были вытеснены более совершенными ружьями – мушкетами, хотя само название «аркебуза» еще употреблялось для обозначения ружей вообще. Судя по всему, в романах Сальгари речь идет именно о мушкетах.

⁹ *Карай* (исп. *caray*) – крепкое словцо, передающее состояние неудовольствия, изумления и т. д. По значению примерно совпадает с русским выражением «Черт возьми!».

¹⁰ *Морская свинья* – животное из подотряда зубатых китов; прежде морских свиней включали в семейство дельфиновых, позднее выделили в особое семейство.

¹¹ *Карамба!* (исп. *caramba*) – Черт побери!

- Вы остроумны, граф.
- Случается.
- Во что играем?
- Я вам уже сказал: во что хотите.
- В живую шкуру?

Молодой человек с удивлением посмотрел на капитана:

- Не знаю, что это такое. Может быть, акулья шкура?

Капитан гранадских алебардщиков самым вызывающим образом уперся руками в бока, а потом серьезно сказал:

– Среди сухопутных воинов есть привычка разыгрывать плоть, когда они устают бросать золото на стол.

- То есть? – спокойно спросил граф де Миранда.
- Кто проиграет, тот вышибает выстрелом из пистолета свои мозги.
- Скверная игра!
- Зато очень интересная, потому что на кон поставлена жизнь.
- Я предпочитаю рисковать дублонами, – ответил молодой человек. – Это я нахожу более удобным.

- А когда денег больше нет?

– Тогда я покидаю игорный стол и отправляюсь спать в свою каюту. По крайней мере, так принято на море.

- Но не у нас!
- Черт! Неужели мы так различаемся, господин граф?
- Возможно! – сухо ответил капитан.
- У вас очень плохой вкус.
- Вы хотите оскорбить меня?
- Я? Ни в коем случае, капитан. Я пришел сюда играть, а не раздражаться и не скандалить.

Что бы тогда сказали про меня?

- Возможно, вы и правы.
- Так оставьте в покое шкуры, живые или мертвые, и будем играть на дублоны или пиастры¹². По крайней мере, из-за них нельзя ни продать себя, ни убить.
- Сколько ставите?
- Сто пиастров, – ответил молодой человек.
- Хотите разорить меня?
- Нет, поскольку я плохой игрок, сеньор де Сантьяго. А кроме того, мне не везет ни в карты, ни в кости.

– Зато вам везет с хорошенькими сеньорами, больше всего с маркизами. – Капитан был почти вне себя.

– В море мне попадались только корабли, а на них чаще всего я встречал корсаров, и уверяю вас, что поцелуев они мне не дарили. Напротив, на мои приветствия они отвечали зарядами крупного калибра, от которых мои люди обливались холодным потом.

- Но на суше-то вы с женщинами встречаетесь.

– Сеньор де Сантьяго, я пришел в эту гостиную поставить на кон несколько тысяч пиастров, а не заниматься болтовней. Вы должны бы знать, что моряки не любят много болтать... Сто пиастров?

- Идет! – ответил граф де Сантьяго, пренебрежительно махнув рукой.

¹² *Пиастр* (или испанский талер) – популярное название песо, испанской серебряной монеты весом 25 г. Однако часто это название применялось к золотым монетам вообще, в частности к эскудо, в котором содержалось 3,03 г золота. Таким образом, пиастр можно считать равным половине дублона.

– Хотите быть первым?

Капитан, не отвечая, взял золотую чашечку, перемешал в ней кости. А потом выбросил их на стол.

– Тринадцать! – сказал он. – Вот номер, который принесет мне удачу.

– Вы суеверны?

– Нет, во всяком случае, сердце мое екнуло от этого числа.

– Тогда вы умрете очень скоро, – засмеялся граф де Миранда.

– От чьей руки?

– Я никогда не считал себя вещуном.

– От руки соперника?

– Быть может.

– Не верю в это, потому что последнего из них я убил на прошлой неделе по одному лишь только подозрению.

– Очень уж вы быстры на руку, сеньор де Сантьяго.

– И она всегда будет такой, как только сожмет шпагу.

– Да и моя в таком случае не промедлит, – парировал молодой человек.

Капитан алебардчиков пристально посмотрел на него, словно хотел хорошенько понять смысл этих слов, а потом сказал:

– Ваша очередь.

Граф де Миранда взял в свои руки чашечку, встряхнул в ней кости и высыпал их на стол.

– Четырнадцать! Что за комбинация! – воскликнул он. – Черт возьми! Тринадцать и четырнадцать! Что означают эти два числа, таких близких?

Капитан алебардчиков провел рукой по нахмуренному лбу. Очевидное беспокойство отразилось на его лице.

– Что вы на это скажете, сеньор де Сантьяго? – спросил молодой человек.

– Что вы выиграли мою сотню пиастров.

– Это меня не волнует; я говорю о двух числах.

– Я тоже не предсказатель.

– Продолжим?

– Да, я хотел бы посмотреть, как сложится новая комбинация чисел. Предлагаю вам три попытки, по пятьсот пиастров каждая.

– Согласен, бросайте.

Капитан взял чашечку и, нервно перемешав кости, встряхнул их на столик.

Ругательство едва не сорвалось с его губ, а на лбу выступили капельки пота.

– Опять тринадцать! – выкрикнул он. – Уж не с дьяволом ли я играю?

– Действительно, я одет, как он! – по-прежнему отшутился граф де Миранда.

– Играйте, черт побери!

– Двенадцать! – вслух произнес молодой человек.

Капитан вздрогнул.

– Тринадцать находится между двенадцатью и четырнадцатью! – сказал он, стукнув кулаком по столу.

– Вы не находите все это странным, граф?

– В самом деле, над этим стоит подумать.

– Но фатальный-то номер у меня!

– Однако вы выиграли у меня пятьсот пиастров. Этой суммой может удовлетвориться даже капитан алебардчиков.

– Я предпочел бы потерять их, лишь бы выпало другое число.

– Ни я, ни вы не можем командовать костями. Продолжим.

Игра возобновилась, и граф де Миранда выиграл еще тысячу пиастров: ему выпало пятнадцать и семнадцать против четырнадцати и шестнадцати.

Капитан поднялся в плохом настроении, и в этот самый момент слуги объявили, что наступила полночь и праздник закончился.

– Завтра я отправлю вам на борт тысячу сто пиастров, которые вы у меня выиграли, граф, – сухо сказал сеньор де Сантьяго.

– Не торопитесь, – ответил молодой человек.

– Надеюсь, вы предоставите мне возможность отыграться.

– Когда захотите.

– Но только не здесь.

– Почему?

– В этом доме мне не везет.

– И нельзя вволю ссориться, не так ли, капитан? – с усмешкой спросил де Миранда.

– Может быть, – ответил капитан. – Доброй ночи, граф.

Сказав это, он вышел из гостиной и направился в зал, где дамы и кавалеры столпились подле маркизы де Монтелимар для прощания.

Командир «Новой Кастилии» задержался, прислонившись к дверному косяку.

Видимо, он ждал, пока гости разойдутся.

По выражению его лица было видно, что он озабочен не меньше графа де Сантьяго. Левой рукой он сжимал рукоятку своей шпаги и нервно подкручивал усы. Когда роскошный зал почти опустел, граф в свою очередь приблизился к маркизе, которая, казалось, уже искала его взглядом.

– Сеньора, – сказал он, поклонившись, – простите меня за то, что я не вернулся, чтобы еще раз протанцевать с вами, но я был вовлечен в очень трудную игру.

– С капитаном алебардчиков? – спросила прекрасная вдова с некоторой тревогой.

– Да, маркиза.

– Вы не поссорились с ним?

– Нисколько.

Маркиза облегченно вздохнула.

– Остерегайтесь его, господин граф, – помолчав, сказала она. – Это очень опасный человек.

Де Миранда стукнул кулаком по рукоятке шпаги.

– Когда со мной этот клинок, я не боюсь всех, вместе взятых, капитанов алебардчиков Испании, Франции или Италии! – гордо бросил он. – Маркиза, когда я смогу увидеться с вами? Мне нужно получить от вас очень важную информацию.

– От меня?

– Да, маркиза.

– Тогда завтра вы сможете позавтракать со мной.

– Завтра, – сказал граф, и по его лицу пробежала легкая тень, – может быть очень поздно.

– Вы рассчитываете так быстро уехать? Но ведь вы прибыли только сегодня утром.

– Верно, маркиза, но бывают такие случаи, когда не можешь распоряжаться собственным временем. Я могу остаться, но могу и сняться с якоря с минуты на минуту. Однако я не хотел бы покидать порт, пока не побеседую с вами.

– Но разве вы не прибыли охранять Сан-Доминго от нападений корсаров с Тортуги и буканьеров?

– Я не могу ответить на этот вопрос, маркиза.

– И тем не менее вы не должны исчезнуть так скоро. Вы ездите верхом, граф?

– Да, маркиза.

– Завтра состоятся петушиные скачки, и я бы желала, чтобы вы приняли в них участие.

– Почему?

– Наградой победителю будет мой поцелуй, и выигравший также должен поцеловать меня.

Граф де Миранда слегка вздрогнул.

– Что бы ни произошло, – сказал он, – я буду участвовать в скачках. Доброй ночи, маркиза, мы увидимся, потому что это необходимо.

Он поцеловал руку прелестной вдовы и вышел в сопровождении слуги-мулата, с трудом державшего тяжелый серебряный канделябр. В то же самое время последние гости покинули великолепный дворец Монтелимар.

II

Жестокий поединок

– Сегодня вечером бакан¹³ задерживается.

– Набей в трубку в два раза больше табака, мой дорогой Мендоса. Я загнал его туда на два пальца, и теперь тяга замечательная. Как ты думаешь, какая разница между ступенями этой церкви и ступеньками судовых настроек?

– На «Новой Кастилии» есть хотя бы что выпить, Мартин.

– Но там и бомбы сыпятся, Мендоса, а у испанцев они не менее грозные, чем наши.

– Не буду возражать, дружок, в любом случае там я чувствую себя лучше. По крайней мере, есть пушки, чтобы отвечать.

– А твоя драгинасса¹⁴ что, не считается? А пистолеты твои, может быть, заряжены табаком? Вечно ты ворчишь, Мендоса, как это и положено старому моряку.

– Однако скажи, Мартин, умеет ли ворчун так же хорошо работать шпагой и саблей.

– Если бы это было не так, сеньор ди Вентимилья, племянник знаменитого Черного Корсара, не выбрал бы тебя в сопровождающие.

– Ты всегда прав, Мартин. Музыка закончилась?

– Я ее больше не слышу.

– Тогда капитан скоро придет.

– Набей трубку.

– Тяга у нее как в камине.

– Ложись-ка и вздремни, если тебе хочется. Я посторожу.

– Ты смеешься надо мной, канонир. Старому моряку с «Молниеносного», служившему еще у Черного Корсара, заснуть в тот момент, когда молодому графу ди Вентимилье угрожает, возможно, опасность? Ты спятил, Мартин.

– Тогда набей в трубку три порции табака.

– Даже десять, если хочешь, лишь бы не закрывались глаза, лишь бы можно было защитить сына бедного Красного Корсара.

– Тише, Мендоса. Кто-то идет.

Двое мужчин, сидевших на широкой лестнице старой церкви, резко поднялись, держа руки на пистолетах, наполовину спрятанных в повязках из красной шерсти, укрепленных на боках.

Это были люди очень крепкого сложения, сильно различавшиеся по возрасту. Тот, кто звался Мендосой, прожил никак не меньше пятидесяти лет, другому едва ли стукнула поло-

¹³ Бакан – хозяин.

¹⁴ Драгинасса (*ит. draginassa*) – шутовское название длинной шпаги или большой сабли. Первоначально это было собственное имя одной из шпаг времен Ренессанса. Оно позаимствовано у Данте: похоже звали одного из дьяволов в «Божественной комедии» – Драгинаццо (Ад, песня XXI).

вина. Оба были среднего роста, коренастые, с огромными ручищами, могучей грудью и основательно посаженными бычьими спинами.

Только цветом кожи они различались. Тогда как у первого кожа всего лишь побронзовела на ветрах и солнце, второй был совершенно черный, да к тому же у него отсутствовала растительность вокруг губ и на подбородке.

– Идет? – спросил старший. – У тебя глаза получше моих. Я не такой дикарь, как ты, мой дорогой Мартин.

– Не ожидал я такого оскорбления с твоей стороны.

– Он отрицает свое родство с Вельзевулом¹⁵. Говорят ведь, что дьявол черный.

– Ты его никогда не видел, Мендоса.

– И даже никогда не стремился к этому, – ответил старший. – Ну, что там?

– К нам приближается мужчина.

– Это сеньор ди Вентимилья?

– Леопард я, что ли?

– Тем не менее и отец твой, и дед знавали этих чудесных зверей, когда жили в их краях.

В этот момент послышался легкий свист, потом человек быстрым шагом направился к церковной лестнице.

– Сеньор ди Вентимилья! – вскрикнули оба моряка, поднимаясь на ноги.

Это и в самом деле был граф де Миранда, или, лучше сказать, ди Вентимилья, племянник знаменитого Черного Корсара. Он шел, время от времени оглядываясь назад, словно боялся, что его кто-то преследует.

– Доброй ночи, храбрецы, – сказал он. – Какие новости, Мендоса?

– Не слишком хорошие, господин граф, – ответил старый флибустьер.

– Вы ничего не узнали о кабальеро Баркисимето?

– Мы расспросили больше двадцати человек и столько же упоили, но никто не мог нам сказать, где находится секретарь маркиза.

– Однако меня уверили, что он должен быть здесь, – сказал сеньор ди Вентимилья. – Только он может назвать имена тех, кто вынес позорный приговор Красному и Зеленому Корсарам, а после приказал повесить их.

– Похоже, этот негодяй почуял опасность и дал тягу? Вы же знаете, что у испанцев много шпионов.

– Это невозможно! Наш фрегат все считают испанским судном, отправленным для защиты города от возможного сюрприза со стороны буканьеров и флибустьеров, – возразил граф. – Если бы у них было хоть какое-то подозрение, нас бы уже атаковали стоящие в гавани галеоны и каравеллы. Вы не заметили ничего необычного в порту?

– Нет, господин граф. На торговые суда весь день грузили сахар и кофе, а военные корабли не снимались с якоря, – ответил Мендоса.

– И тем не менее я не чувствую себя абсолютно спокойным. Достаточно малейшей неосторожности – и нас разнесут в щепки пушки фортов и кораблей.

– Никто не совершит неосторожного поступка, граф. Команду на берег не выпускают, а я еще поставил часовых возле обоих трапов и даже приставил надежных людей к шлюпкам.

– Несмотря ни на что, я хотел бы уйти отсюда как можно скорее. Наша комедия долго продолжаться не может, а дело свое мне надо здесь уладить. Ах, если бы я смог увидаться с маркизой хотя бы на десять минут, это значительно облегчило бы поиски неуловимого кабальеро. Она должна очень хорошо знать о подлости, совершенной ее деверем.

Он помолчал немного, а потом добавил:

¹⁵ Вельзевул – одно из прозвищ дьявола в простонародной христианской традиции; испанцы называли флибустьеров слугами Сатаны.

– Не легла ли она спать? Что ж, проверим! Держите наготове шпаги, храбрецы, а также пистолеты.

– Вот уже три часа, капитан, как мы только и ждем случая подраться, – сказал Мартин.

– Следуйте за мной.

Убедившись, что на улице никого нет, они бесшумно пересекли ее и направились к дворцу Монтелимар, находившемуся неподалеку. Граф, не подходя к воротам, обогнул великолепный сад, огражденный железной решеткой, которая тянулась и вдоль торцов здания. Он взглянул вверх и заметил два освещенных окна.

– Она еще бодрствует, – прошептал граф.

Внезапно он вздрогнул.

Из неприкрытых окон до него донеслись нежнейшие звуки.

Кто-то во дворце играл на мандолине. Кто? Ясно, что не слуга и не горничная. Они бы не осмелились взять в руки инструмент, если бы маркиза отправилась почивать.

– Неужели она? – спросил себя граф.

Он повернулся к морякам, обнажившим свои длинные шпаги, дабы избежать всякой неожиданности, и сказал им:

– Придется перелезть через ограду.

– Для моряков это детские игрушки, – ответил Мендоса.

– Пойдем на абордаж, – сказал Мартин.

Граф ухватился за решетку, полез наверх, ловкий, как белка, перемахнул через зубцы и скользнул вниз, приземлившись посреди великолепной цветочной клумбы. Почти одновременно с ним спрыгнули в сад моряки.

– Нам предстоит схватка? – спросил Мендоса.

– Пока оставь в покое шпагу, – ответил граф ди Вентимилья. – Позже увидим, появится ли нужда в хорошей стали. Идемте, но без лишнего шума.

Они пересекли сад, стараясь не хрустеть гравием, которым были посыпаны дорожки, и остановились под освещенными окнами.

На мандолине продолжали играть сладчайшую сигнадилью¹⁶.

– Это может быть только маркиза, – пробормотал граф. – Эту сигнадилью играли сегодняшним вечером на балу, и маркиза пытается воспроизвести ее... Неужели мне так повезло?

Гигантский бомбакс¹⁷, высотой в добрых тридцать метров, с покрытым колючими наростами стволом, рос возле дворца, протягивая свои ветки почти к самым освещенным окнам и прямо над ними.

– Вот именно то, что мне нужно, – пробормотал граф. – Стойте здесь и ни о чем не думайте. Долго я не задержусь.

Он полез вверх по стволу, избегая наростов, чтобы не поранить руки, тогда как Мендоса и Мартин растянулись под деревом, почти полностью укрывшись в густой траве.

Сильному и ловкому молодому человеку хватило всего нескольких секунд, чтобы добраться до кряжистого сука, касавшегося одного из полуприкрытых освещенных окон.

Он взглянул через стекло.

Его взгляду открылся элегантный кабинет со стенами, увешанными гранадскими гобеленами, столь же элегантной была и его меблировка, хотя мебель стояла тяжеловесная, как это полагалось в те времена.

¹⁶ *Сигнадилья* (*ит. signadilla*) – справочники утверждают, что это слово придумал и всего пару раз употребил сам Э. Сальгари. Возможно, речь идет о сегидилье (*исп. seguidilla*), подвижном испанском народном танце-песне, появившемся в Кастилии, но с XVII в. распространившемся по всей Испании. Танец с песнями лирического или шуточного характера сопровождается игрой на гитаре, бандурриях, кастаньетах.

¹⁷ *Бомбакс* – речь идет о гигантской, или пятитычинковой, сейбе (она же – капоковое, шерстяное, шелковое или хлопковое дерево); родина сейбы – Южная Америка.

Комнату ярко освещали несколько свечей, вставленных в серебряный подсвечник.

Однако никого в комнате не оказалось, тем временем мандолина продолжала звучать.

Внимание молодого графа привлекло шелковое, усыпанное изумрудами платье, в котором маркиза появилась на празднике. Оно было брошено на маленький мавританский диван и поблескивало золотыми и серебряными искорками.

Граф уже готовился прыгнуть, когда услышал голос Мендосы:

– Кто идет?

Голос, который граф узнал сразу, ответил:

– Это я вас хочу спросить, мошенники: «Что вы здесь делаете?»

– Это мы-то мошенники?! – возмутился Мартин.

– Граф де Сантьяго! – процедил сквозь зубы сын Красного Корсара.

Он находился на высоте всего около четырех метров, а потому не раздумывая спрыгнул с дерева. Мендоса и Мартин, со шпагами в руках, стояли лицом к лицу с капитаном алебардчиков, тоже обнажившим клинок.

– Ба! – с издевкой протянул граф де Сантьяго. – Граф де Миранда упал откуда-то сверху! Вы, видимо, решили запастись плодами бомбакса? Уверю вас, они несъедобны и годятся только для выделки скверного хлопка.

– А вы пришли сюда собирать цветы, не так ли? – спросил покрасневший от гнева граф ди Вентимилья.

– Возможно, и так, но я их, по крайней мере, собираю на земле, тогда как вы ищете плоды возле окон и совершенно не задумываетесь о том, что можете лишиться жизни, если вдруг нога соскользнет с ветки. Жаль будет такого красивого молодого человека!

– Вы шутите, я полагаю, – сказал граф ди Вентимилья.

– А если и так? – спросил капитан.

– Полагаю, что здесь не место для шуток. Окна наверху освещены, а мне не хотелось бы, чтобы нас увидели.

– Маркиза де Монтелимар? – насмешливо бросил капитан. – Если эта персона вас волнует, мы можем поискать другое место, где нам никто не мешает. Мне знаком этот сад, и я знаю отличную лужайку, словно специально подготовленную для тех, кто желает скрестить шпаги!

– Вы меня вызываете?

– Понимайте как хотите, меня это не трогает.

– Где эта лужайка? – взбешенно спросил граф ди Вентимилья.

– Торопитесь умереть?

– Пока что я жив, сеньор де Сантьяго, и если ваша рука быстра, то и моя не отстанет.

– Вот и договорились, – все тем же насмешливым тоном продолжал капитан. – Только предупреждаю вас: не далее как на прошлой неделе я заколол соперника, порядком поднадевшего мне.

– Вы мне об этом уже говорили, и это не произвело на меня никакого впечатления. Я победил не одного капитана, и все они были испанцами, как и вы!

– Что вы сказали? – переспросил граф де Сантьяго.

Сын Красного Корсара прикусил губу, разозлившись на себя за неосторожно сказанные слова.

– Господин граф, – сказал капитан, – вы готовы следовать за мной до той лужайки? Там мы сможем спокойно потолковать и развлечься.

– Конечно! – ответил сын Красного Корсара.

– А эти люди? – Сеньор де Сантьяго указал на Мендосу и Мартина. – Они нам не мешают? Не вам, так мне?

– Что бы ни случилось, мои матросы не причинят беспокойства никому, даю вам слово чести.

– Этого мне достаточно. Пойдемте, господа. Может быть, вы для чего-нибудь и понадобится, – добавил он через несколько секунд с обычной насмешкой в голосе.

Капитан нырнул в пальмовые заросли, прошел сквозь них, все время сопровождаемый корсаром и двумя его матросами, и вышел на маленькую лужайку, заросшую особенно густой травой и окруженную со всех сторон роскошными пальмами.

– Вот то место, где можно свободно поговорить. – Капитан повернулся к графу ди Вентимилье.

– А также убивать друг друга, и никто не сможет вмешаться, не так ли, капитан? – спросил сын Красного Корсара.

Граф ди Вентимилье скрестил руки на груди и, глядя на графа де Сантьяго, освещенного лучами только что взошедшей луны, сухо произнес:

– Ну и что вы теперь хотите? Говорите быстрее, потому что я очень спешу.

– Карай! Вы слишком торопитесь навстречу смерти!

– Карамба! Кажется, вы слишком забыли кое о чем, господин капитан.

– О чем же?

– О том, что четырнадцать победило тринадцать.

– Хотите запугать меня?

– Нисколько. Мне, впрочем, рассказывали о вашей смелости.

– Покончим счеты, граф.

– Что вы желаете?

– Нанести вам хорошенький удар шпагой, – хрипло ответил капитан. – Когда соперник пересекает дорогу или бросает на меня тень, я посылаю его отдохнуть на кладбище Сан-Доминго.

– Вы жестоки.

– В этом вы скоро убедитесь сами, если не удерете.

– Что вы сказали, капитан? Я удеру от вашей шпаги? Я – дворянин, да к тому же человек, привыкший к войнам, милый мой болтун!

– *Rayos de dios!*¹⁸ Вы оскорбили меня! – завопил граф де Сантьяго.

– И вы меня.

– Я убью вас в первой же атаке!

– А может, в двадцатой?

– Вы смеетесь надо мной?

– Вроде бы, – ответил сын Красного Корсара, обнажая шпагу и принимая оборонительную позицию.

– Гром и молния!

– Молния и гром!

– Это слишком, граф де Миранда.

– А какая луна! Нам предстоит сражаться без факелов и фонарей. Господин капитан гранадских алебардчиков, я вас жду.

Граф де Сантьяго в свою очередь обнажил свою длинную шпагу, но вдруг, не становясь в позицию, сказал:

– Вы называли себя графом де Мирандой. Это на самом деле так?

– Я дворянин, и этого вам достаточно.

– Испанец?

¹⁸ Черт возьми! (исп.)

– Вас не должно интересовать, испанец я или нет. Впрочем, если захотите узнать мое имя, вы найдете его вырезанным на клинке моей шпаги... А теперь, капитан, довольно разговоров: я тороплюсь.

Они оба встали в позицию, а Мендоса и Мартин отошли чуть подальше в сторонку, обеспечивая дуэлянтам большую свободу действий. Граф ди Вентимилья повернулся спиной к луне, величественно выплывавшей из-за пальм и светившей прямо в лицо капитану.

Они испепеляли друг друга гневными взглядами, потом капитан, казавшийся более нетерпеливым, несмотря на свой возраст, сделал три-четыре финта, проверяя, не выкажет ли противник свое искусство.

Молодой капитан «Новой Кастилии» не шевельнулся. Он стоял твердо, как скала, со шпагой на изготовку, и внимательно следил за противником.

– Карай! – закричал алебарщик. – Я уже вижу, что вы хорошо владеете клинком, но посмотрим, как вы парируете вот эти ложные выпады.

Сеньор ди Вентимилья не ответил. Судя по проявленному им спокойствию, дрался он на поединке, конечно, не впервые.

– Я пробью эту стену из плоти и стали, – сказал капитан, постепенно выходивший из себя. – Вот отличный удар! Защищайтесь!

И он с молниеносной быстротой выбросил руку вперед, но граф столь же мгновенно, выведя кисть во вторую позицию, отвел клинок капитана.

– Карай! Ну и крепкая же у вас рука, сеньор де Миранда. Не ожидал подобного сопротивления. Но игра только началась, а луна зайдет не раньше рассвета.

И на этот раз сын Красного Корсара ничего не ответил.

Он внимательно следил за кончиком капитанской шпаги, который зловеще мерцал под лучами ночного светила.

– Вы не слишком любезны, граф, – сказал сеньор де Сантьяго, снова уходя в защиту. – Разве не известно вам, что теперь принято сражаться, обмениваясь любезными фразами?

Ответом сеньора ди Вентимилья был резкий удар, чуть не заставший капитана врасплох. Он едва успел парировать его в терцию, выиграв всего лишь какую-то долю секунды.

– Вот черт! – пророкотал капитан. – Здесь не любят шутить!

Он отступил на шаг, ощутив предварительно почву левой ногой, чтобы не поскользнуться, потом встал во вторую позицию и сказал:

– Я жду вас, граф!

Сын Красного Корсара, подозрительно проследив за его перемещением, поостерегся идти в атаку и ограничился плотной защитой, выставив шпагу вперед и угрожая противнику встречным ударом в грудь.

– Стало быть, вы не желаете атаковать, сеньор де Миранда?

– Я никогда не тороплюсь, капитан.

– Уже целых полминуты я жду вас.

– Можете ждать хоть полвека, если это вам нравится.

– Черта с два!

И в третий раз граф ди Вентимилья промолчал. Он молниеносно выбросил руку вперед, сделал два прыжка и неожиданно направил шпагу на соперника, нанеся укол прямо в середину груди. Если бы и этот выпад испанец отразил, можно было бы говорить о чуде, однако в шелковом камзоле зияла большая дыра.

– Карамба! Вы осмелели, господин граф, и пытаетесь застать меня врасплох, пока я с вами любезничаю. Еще пара сантиметров – и вы бы попали. В следующий раз не забывайте вытянуться как следует...

Фраза прервалась криком. Шпага сеньора ди Вентимилья снова рванулась вперед, и клинок более чем наполовину вошел в грудь капитана. Несколько мгновений раненый оставался на

ногах, держась левой рукой за шпагу графа, а потом тяжело рухнул на землю, обломив клинок. Пять дюймов¹⁹ сломанного клинка остались в его желудке на уровне четвертого левого ребра.

– Убит? – спросили одновременно Мендоса и Мартин, приближаясь к месту поединка.

Граф бросил на землю обломок шпаги и наклонился над капитаном, который корчился в жестокой агонии.

– Может, вы ранены не так тяжело, сеньор де Сантьяго, – сказал он, – и тогда мы сможем вас спасти.

– Нет, полагаю, я покончил счеты с жизнью, – ответил капитан. – Черт побери! Вы ловчее меня на руку! Умру я очень скоро и сожалею только об одном.

– О чем же?

– О том, что у меня не было времени отослать вам на борт тысячу сто пиастров, которые вы у меня выиграли.

– Да забудьте вы об этом. Скажите лучше, что мы сможем сделать для вас?

– Позовите слуг маркизы де Монтелимар. По крайней мере, я умру под кровом женщины... которую люблю и ради которой умираю.

– Позвольте сначала вытащить кусок клинка, застрявший у вас в груди.

– Так вы только быстрее убьете меня. Нет... нет... слуг... пошлите... скорее.

– Мендоса! Мартин! Позовите людей из дворца!

Моряки убежали, тогда как сеньор ди Вентимилья, растроганный сильнее, чем хотел бы казаться, приподнял голову капитана, чтобы тот не захлебнулся кровью. Прошло чуть больше минуты, и замелькали огни, на дорожках показались люди.

– Сеньор граф, – сказал сын Красного Корсара, – я должен оставить вас. Мне не хотелось бы, чтобы знали о том, что ранил вас я.

– Благодарю вас, – ответил капитан слабым голосом. – Если выживу, надеюсь получить у вас реванш.

– Когда вам будет угодно.

Он поднялся и быстрым шагом направился к решетке.

Мендоса и Мартин, известив слуг маркизы, удалились в свою очередь и перелезли через ограду. Когда слуги добежали до лужайки, капитан потерял сознание, но все еще крепко держался руками за обломок шпаги.

– Капитан гранадских алебардщиков! – воскликнул дворецкий маркизы, руководивший слугами. – Друг хозяйки! Быстро несите его во дворец!

¹⁹ Дюйм – старинная мера длины, равная 2,54 см.

Шпага сеньора ди Вентимильи снова рванулась вперед, и клинок более чем наполовину вошел в грудь капитана.

Четверо слуг крайне осторожно подняли раненого и перенесли его в комнату на первом этаже, где уложили на кровать, тогда как пятый слуга побежал разыскивать семейного доктора. В это время прекрасная маркиза де Монтелимар, набросив на себя домашний шелковый халат, быстро спустилась и встревоженно спросила:

- Бог ты мой, что случилось, Педро?
- Тяжело ранен...
- Граф де Миранда?! – побледнев, вскрикнула маркиза.
- Нет, сеньора, граф де Сантьяго.
- Капитан алебардщиков?
- Именно так.
- Выстрелом из пистолета?
- Жутким ударом шпаги; половина клинка до сих пор торчит в груди.
- Дуэль?
- Вроде бы.
- А что ранивший?
- Исчез, госпожа.
- И где же они устроили дуэль?
- В вашем саду.
- Этот человек всегда хотел кого-нибудь убить. Вот и получил свое. Кто же смог победить лучшую шпагу Гранадского полка? Кто? Но его ведь не убили, не так ли?
- Только потерял сознание, но я полагаю, что из этой переделки капитан не выберется.
- Позволь мне его увидеть.

Дворецкий отодвинулся в сторону, и она вошла в комнату, где находилось несколько слуг, обтиравших уксусной водой губы и ноздри раненого, пытаясь вернуть его в сознание.

Капитан лежал на кровати, раскинув руки, лицо его было мертвенно-бледным, лоб нахмурен. Из полуоткрытого рта вырывалось не дыхание, а продолжительный свист.

В груди его, вблизи от сердца, по-прежнему торчал клинок; никто не осмелился вытащить его из опасения обильного кровотечения.

Шелковый камзол в красную и голубую полоску, с крупными, обшитыми серебром петлицами, был разорван на несколько дюймов в длину, но ни одна капля крови не пятнала рубашку.

Обломок шпаги служил тампоном.

– Несчастный! – взволнованно прошептала маркиза. – Противник, нанеший ему такую ужасную рану, не может быть жителем Сан-Доминго, потому что все здешние мужчины испытывали страх перед шпагой этого человека... Педро, а доктора вызвали?

- Да, госпожа маркиза, – ответил дворецкий. – Он вот-вот должен подойти.
- Если он не появится немедленно, этот бедняга-граф умрет.
- Вот и он, я слышу шаги входящих людей.

Дверь отворилась, и появился старик, облаченный в черную шелковую одежду. Его сопровождал молодой человек с ящичком. Это были доктор и его помощник.

– Сеньор Эскобедо, – проговорила маркиза, направляясь навстречу старику, – поручаю вашим заботам графа де Сантьяго. Сделайте все возможное, чтобы вырвать его у смерти.

– О! Тот самый ужасный дуэлянт, маркиза? – спросил доктор. – Дело всегда принимает серьезный оборот, когда мы встречаемся с ранениями острием клинка. Ну-с, посмотрим.

Он наклонился над кроватью, тогда как его ассистент открыл ящичек с хирургическими инструментами. Доктор пристально посмотрел на раненого, все еще не пришедшего в себя.

- Рана серьезная, не так ли, сеньор Эскобедо? – спросила маркиза.
- Жуткая, маркиза, – ответил врач, скорчив гримасу и покачивая головой. – У его противника должна быть очень крепкая кисть.
- Спасти его надеетесь?

– Я не могу вам дать точного ответа, маркиза. Прошу всех выйти. Пусть здесь останется только мой помощник. Необходима срочная операция.

Маркиза, дворецкий и слуги поспешили освободить помещение.

– Зажим покрепче, Маурико, – сказал, когда они остались одни, доктор, поворачиваясь к помощнику.

– Хотите извлечь клинок, доктор?

– Его ни в коем случае нельзя оставлять в груди.

– А раненый не умрет сразу же после этого?

– Вот этого-то я как раз и боюсь. Острие должно было сильно задеть легкое... Приходит в себя, – сказал доктор, наклонившийся над раненым.

Капитан снова вздохнул, дольше, чем в первый раз, и захрипел, потом медленно поднял веки и уставился на доктора затуманенным взглядом.

– Вы... – забормотал он.

– Не разговаривайте, сеньор.

Губы графа искривила улыбка.

– Я... человек... военный, – прерывающимся голосом выговорил он. – Со... мной... все... кончено... Не... так... ли?

Доктор вместо ответа кивнул.

– Сколько... минут... осталось?... Скажите... Я... хочу...

– Вы можете прожить еще пару часов, если я не вытащу из вашего тела обломок шпаги.

– А если... вытащите?... Говорите!

– Тогда, сеньор граф, в лучшем случае несколько минут.

– Этого... хватит... чтобы... отомстить... Послушайте...

– Если вы будете говорить, то умрете еще раньше.

И снова улыбка навестила мертвенно-бледные губы капитана.

– Слушайте... меня... – сказал он, собрав последние силы. – На... клинке... нанесено... имя... моего... соперника... Я... хочу... знать... его... прежде... чем... умру...

– Но прежде надо вынуть обломок клинка.

Граф подал одобряющий знак.

– Вы этого хотите? – спросил доктор.

– Я... и... так... умру.

– Маурико, пинцет!

Помощник принес пару малюсеньких щипцов, пакет ваты и бинты, чтобы быстро остановить кровь, если она хлынет потоком из раны.

– Скорее, – прошептал граф.

Доктор захватил клинок щипцами и – с перерывами – вытащил его из тела. Граф, чтобы не закричать, крепко сжал зубы. Только по изменившемуся выражению лица да по выступившему на лбу липкому поту можно было понять, как он страдает.

К счастью, эта болезненная операция длилась всего несколько секунд, и сразу же вслед за ней из раны фонтаном вырвалась кровь, но помощник сейчас же остановил ее бинтами.

– Имя... имя, – лепетал граф угасающим голосом, – быстрее... умираю...

Доктор обер клинок от крови и увидел открывшиеся на стали буквы, над которыми была выгравирована маленькая графская корона.

– Энрико ди Вентимилья, – прочел он вслух.

Капитан, несмотря на крайнюю свою слабость и терзавшую его боль, приподнялся почти до сидячего положения и вскрикнул хриплым голосом:

– Вентимилья!.. Так... звали... корсаров... Красного... Зеленого... Черного... Кто-то... из... рода... Вентимилья!.. Измена!

– Граф, вы губите себя! – закричал доктор.

– Послушайте... послушайте... фрегат... который... прибыл... вчера... пиратский... Его... команда... одета... в красное... Спешите... к губернатору... сообщите... ему...

Заставьте... его... атаковать... корабль... Быстрее... Город... в опасности... Я... умираю... но... за... меня... отомстят... А-а-а!

Капитан откинулся на подушки. Он хрипел и на глазах бледнел.

Кровь сочилась сквозь корпию и бинты, заливая рубашку и камзол. Внезапно кровавая пена выступила на губах несчастного, потом веки медленно прикрыли уже угасшие глаза. Капитан гранадских алебардщиков умер.

– Учитель, – сказал помощник доктору, все еще державшему в руках кусок шпаги, – что вы теперь будете делать?

– Сейчас же пойду к губернатору, предупрежу его. Вентимилья были самыми жестокими пиратами в Мексиканском заливе. Один из их сыновей или родственников появился в этих водах. Беда нам, если мы его не поймаем!.. Не говори об этом ни с кем, даже с маркизой.

– Я буду нем, учитель.

– Ты пойдешь к полковнику и сообщишь о происшествии, надо перевезти бедного графа в казарму.

– А вы?

– Побегу к губернатору.

Он замотал кусок клинка в полотенце и открыл дверь. Маркиза де Монтелимар в сильном волнении ждала в соседнем зале вместе с дворецким и своими горничными.

– Ну что, доктор? – спросила она.

– Он умер, маркиза, – ответил Эскобедо. – Рана была ужасной.

– И он не сказал вам, кто его убил?

– Он не мог говорить. Должно быть, он дрался на дуэли, потому что шпаги в ножнах не было.

– А теперь?

– Еще до рассвета капитана перевезут в казарму или к нему на квартиру. Если его оставить здесь, люди могут подумать о вас плохое.

– Этого я и боюсь.

– Доброй ночи, маркиза. Я обо всем позабочусь.

III

Петушиные скачки

День спустя веселое общество, разодетое в пестрые, разноцветные костюмы, собралось в окрестностях грандиозного дворца Монтелимар. Там толпились чиновники, солдаты, плантаторы, моряки и крестьяне, хватало там и сеньор с сеньоритами в элегантнейших одеяниях, с грациозными мантами²⁰ на высоких прическах, хотя спектакль, которому вот-вот предстояло начаться, вроде бы не должен был сильно заинтересовать дам.

Речь идет о петушиных скачках, о которых маркиза уже оповестила графа де Миранду, а точнее – графа ди Вентимилью.

У испанских колонистов всегда были две сильные страсти: быки и петухи! Какое странное сочетание огромного, внушающего страх животного с жалким и безобидным пернатым!

И тем не менее не жалели денег ради обладания отменными птицами, особенно бойцовыми, которых воспитывали для петушиных боев, ставя на кон в этих варварских игрищах целые состояния.

Однако одним из самых любимых развлечений колонистов были петушиные скачки. Придумали ее, видимо, чтобы тренировать ловкость всадников, которым приходилось много вре-

²⁰ *Манта* (исп. manta) – здесь: шаль.

мени уделять охоте за беспрерывно угрожавшими городам буканьерами, великолепными союзниками флибустьеров. Остальные колонисты были заняты борьбой с морскими разбойниками.

Состязание выглядело очень простым, но оно вызывало живейший интерес у многочисленных зрителей, постоянно готовых побиться об заклад то ли на один пиастр, то ли на целую тысячу. А заключалось оно в следующем.

На прямолинейной дистанции выкапывали четыре-пять ям и в каждую сажали по петуху таким образом, что наружу выдавалась только шея. Бедных птиц присыпали песком или обкладывали камнями, стараясь не причинять им излишних мучений.

Всадникам, согласившимся принять участие в этой странной забаве, надо было на полном скаку подлететь к хохлатому пленнику, склониться до самой земли и подхватить одной рукой птицу.

Маневр предстоял нелегкий, потому что всадник рисковал вылететь из седла, а падение могло привести к серьезным повреждениям, хотя зрители встречали такой поворот скачек оглушительным хохотом. В награду победителю обычно разрешалось поцеловать в руку или же в щеку самую красивую сеньору среди присутствующих на состязаниях. Такова была испанская галантность, которой позднее, в восемнадцатом столетии, вздумалось подражать неотесанным янки.

На скачки явились четырнадцать всадников – все как один на маленьких, элегантных андалусийских лошадках. Они выстроились перед дворцом Монтелимар. Почти все были зелеными юнцами, сыновьями плантаторов или важных персон адмиралтейства. Все они страстно желали расцеловать щеки самой прекрасной вдовы Сан-Доминго.

Однако среди этих юнцов выделялся элегантнейший граф де Миранда, по-прежнему одетый в красное; он выбрал себе черного жеребца с горящими глазами, купив его тем же утром по дорогой цене. Увидев маркизу, появившуюся на мраморной парадной лестнице дворца, граф снял красную фетровую шляпу с длинным пером и, не покидая седла, поклонился.

Прекрасная вдова одарила его улыбкой и грациозным приветственным движением руки, а потом быстро прошла на некое подобие трибуны, воздвигнутой перед дворцом. Ее сопровождали дворецкий и горничные.

Четырех петухов усадили в ямы на расстоянии двадцати метров один от другого. Несчастные пернатые предпринимали отчаянные попытки освободиться из плена, вытягивая шею и кукарекая во все горло, но насыпанные в ямы камни удерживали птиц, не давая им убежать.

Двое полевых судей, оба отставные офицеры, заняли свои места с той и другой стороны от всадников.

Тем временем публика, собравшаяся уже в изрядном количестве, бойко делала ставки – по преимуществу на сына Красного Корсара, предпочитая его то ли за красивое лицо, то ли из какой-то иной необъяснимой симпатии.

Как бы ужаснулись эти люди, узнав, что ставят они на своего смертельного врага, на одного из тех страшных флибустьеров, которые поклялись разорить все испанские колонии в Центральной Америке!..

Судьи, тщательно осмотрев конскую сбрую, дабы не случилось какого несчастья, приблизились к помосту, где находилась маркиза.

– Готовы? – спросил один из них.

– Да, – в один голос ответили четырнадцать всадников, бросив взгляд на маркизу де Монтелимар.

– Пошли! – выкрикнул другой судья.

Лошади, почувствовав прикосновения шпор, подскочили и понеслись в неудержимом полете.

Сын Красного Корсара очень скоро возглавил скачку, держа в стремях только левую ступню, чтобы легче было нагнуться до земли.

Его вороной, выбранный с особым тщанием, преодолел дистанцию в необыкновенном порыве, опередив соперников на несколько метров.

Граф гарцевал так великолепно, что вызвал у зрителей настоящий взрыв энтузиазма. И мужчины и женщины отчаянно били в ладоши, когда он пролетал мимо, склонившись к шее скакуна и покачивая своим длиннющим красным пером. Так молодой всадник на ураганной скорости подскочил к первому петуху. Он наклонился к земле, крепко держась одной рукой за шею коня, и, ловкий, как арабский наездник, ухватил птицу, выдернул ее из ямки и торжественно взметнул вверх.

Он наклонился к земле, крепко держась одной рукой за шею коня, и, ловкий, как арабский наездник, ухватил птицу...

Мастерство всадника толпа одобрила единодушным криком восторга. Мужчины и женщины махали платочками, потрясали тростями и зонтиками, будто они присутствовали на кор-

риде²¹. Всадника в красном приветствовали словно одного из самых знаменитых эспадас²² в цирке Севильи или Гранады.

Граф свернул петуху шею и бросил птицу в группку попрошайек. Потом, доскакав до изгороди, отмечавшей конец дистанции, молниеносно развернул коня и пустился в обратный путь.

Тем временем преследовавшие его всадники, скакавшие плотной группой, почти догнали графа, но никому из них не повезло с птицей в этой первой гонке, и петухи по-прежнему оставались в своей тюрьме.

– Ну и растяпы эти кавалеристы! – пробормотал граф. – Видно, мне придется самому управляться с птицами. Это было бы очень скучно, если бы только победа не давала права поцеловать самую прекрасную женщину Сан-Доминго.

Он ослабил поводья и возобновил скачку, прищипывая правой ногой своего вороного и оставив левую ногу свободной, чтобы можно было нагнуться как можно удобнее.

Он был один, более тридцати метров отделяли его от галопировавших группой соперников, граф за несколько секунд добрался до второго петуха и выдернул его из ямки.

Уже не крик, а торжествующий рев приветствовал всадника.

– Да здравствует красный граф! – вопила толпа, исступленно отбивая ладони.

Другим всадникам тоже повезло: двое из них выдернули по петуху, однако победа осталась за графом, дважды добившимся успеха.

Он спрыгнул с коня, приблизился к улыбавшейся ему маркизе и положил ей на колени птицу, сказав:

– Сохраните ее на память обо мне, сеньора; когда я уеду, вы всякий раз будете вспоминать меня при взгляде на этого крикуна.

– Стало быть, вы хотите уехать? – спросила прекрасная вдова.

– Возможно, уже сегодня вечером меня не будет в Сан-Доминго, – ответил граф.

– В таком случае вы должны позавтракать со мной.

– Никогда не отказываюсь от компании сеньоры, особенно если она такая красивая и любезная, как вы.

– Ах, граф!..

Она поднялась, поприветствовала на прощание всадников, вытянувшихся в шеренгу перед открытым помостом, и стала медленно подниматься по величественной каменной лестнице, тогда как толпа зрителей постепенно рассеивалась.

Граф ди Вентимилья последовал вместе с дворецким и горничными за прекрасной вдовой.

Маркиза провела его через несколько богато украшенных и изящно меблированных залов и наконец ввела в столовую, не очень большую, но с обитыми красной замшей стенами и золоченым потолком.

В центре комнаты находился стол, сервированный золотыми тарелками, ложками, вилками и ножами. В великолепных серебряных вазах красовались самые разнообразные фрукты тропических краев.

Возле стола, одно подле другого, стояли два кресла.

– Господин граф, – заговорила маркиза, – сегодня у меня нет других приглашенных, поэтому мы можем поговорить свободно, как старые друзья.

– Благодарю вас, маркиза, за предупредительность.

– Я должна кое о чем спросить вас.

– Меня? – удивился корсар.

²¹ Коррида (исп. *corrida de toros*) – бой быков.

²² Эспадас – вооруженные шпагой тореро.

– Вас! – ответила маркиза де Монтелимар, на прекрасном челе которой появилась легкая морщинка.

– А если я скажу вам, что непременно хотел увидаться с вами и получить у вас кое-какие сведения, что вы на это скажете?

На этот раз пришел черед удивляться маркизе.

– У меня? Значит, вы знали меня, граф, еще до того, как бросили якоря в этом порту?

– Нет, я только слышал о Монтелимаре.

– О моем муже?

– Нет, о вашем девере, который много лет назад занимал пост губернатора Маракайбо.

– У мужа в самом деле был брат-губернатор.

– Вы когда-нибудь видели этого Монтелимара?

– Да, два года назад я познакомилась с ним в Пуэрто-Рико.

Беседу прервало пришествие четырех черных слуг, принесших на широких серебряных чеканных подносах еду и несколько корзин с запыленными бутылками.

– Давайте теперь позавтракаем, – предложила графу маркиза. – У людей моря, говорят, хороший аппетит, и я надеюсь, сеньор Миранда, что вы окажете честь моим поварам.

– Когда колокол звонит на обед, наши желудки, маркиза, всегда готовы. Если бы вы видели, как идут на приступ обеденного стола мои матросы!

– Хотелось бы посмотреть.

– Останься мы еще на несколько дней в порту, я имел бы честь принять вас на борту моего судна. К сожалению, весьма сомнительно, что завтра я еще буду здесь.

– Но вы же мне сказали, что присланы для защиты города от совместной атаки флибустьеров и буканьеров.

– Такой опасности больше нет, – слегка смутившись, ответил граф. – Мне сообщили, что несколько подозрительных судов, за которыми наблюдали в водах Хонайреса, ушли к югу. Сегодня же утром стало известно, что они удалились в сторону Тортуги. Я отправляюсь в эти широты, чтобы выяснить обстановку.

– И потопить эти корабли?

– Да, если удастся.

– Так ужасны эти флибустьеры!

– Маркиза, они идут на abordage как черти, а когда стреляют из ружей, то всегда попадают в цель.

Он взял бутылку, уже откупоренную слугами, и наполнил два бокала, провозгласив тост:

– За вашу красоту, маркиза!

– За ваш корабль, капитан! – ответила сеньора де Монтелимар.

Граф залпом осушил бокал и сделал знак чернокожим слугам выйти, после чего, глядя маркизе прямо в глаза, заговорил:

– А теперь, сеньора, если вы согласны, продолжим нашу беседу. Вы сказали, что познакомились со своим деверем в Пуэрто-Рико?

– Это правда, граф.

– Когда?

– Два года назад.

– Вы можете сказать, где он находится сейчас?

– В Пуэбло-Вейо... Так мне сказали. Я знаю, что там у него обширные плантации сахарного тростника.

– А! – нахмурился граф. – Ваш муж никогда не говорил вам о казни двух знаменитых корсаров, совершенной по приказу вашего девера? Не говорил ли он вам, что этих пиратов звали одного – Красный Корсар, другого – Зеленый Корсар и что оба они были итальянскими дворянами?

Маркиза опасливо посмотрела на графа, а потом ответила:

– Да, он мне часто говорил про тех двух корсаров, но был еще один, он потом погиб с дочерью герцога ван Гульда.

– Того звали Черный Корсар, – сказал граф, – того не повесили, как его братьев. Не можете ли вы назвать мне имена тех, кто выносил приговор и кто его исполнял?

– Нет, но об этом вам может сказать мой деверь. Я тогда была еще ребенком и не жила в Маракайбо. А теперь я хотела бы знать, почему вас так интересует столь давнее событие? Может быть, вы знали этих жестоких флибустьеров, много лет наводивших ужас на наши колонии по берегам Мексиканского залива?

– Это мой секрет, и я не могу его вам раскрыть, маркиза, – помрачнев, ответил сын Красного Корсара. – Вы сказали, что ваш деверь должен находиться в Пуэбло-Вейо, этого для меня пока достаточно. Здесь у вашего родственника должно быть имущество, а значит должны быть управляющий и секретарь.

– Вы говорите о кабальеро Баркисимето?

– Именно так, маркиза.

– Он и в самом деле находится здесь. Но с минуты на минуту он должен отбыть на галеоне «Санта-Мария» в Мексику. Думаю, он везет с собой большие деньги, собранные на плантациях моего деверя.

– Вы сказали – на «Санта-Марии»! – воскликнул граф, и живой огонек сверкнул в его глазах.

– Он сам мне об этом говорил три дня назад.

– Теперь я узнал даже больше, чем хотел, маркиза, благодарю вас за ценные сведения.

– Ценные?

– Более, чем вы думаете, – ответил граф.

– В таком случае, надеюсь, вы мне сообщите такие же.

– Ладно, вы сказали, что хотели бы узнать обо мне побольше. Говорите, сеньора, я сделаю все возможное, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

Маркиза немного помолчала, в свою очередь внимательно разглядывая графа, потом указала пальцем на шпагу корсара и произнесла:

– Вчера вечером, во время праздника, у вас не было этой шпаги. У той – другая рукоять. Почему вы сменили оружие?

– Вчерашнюю я потерял, когда садился в шлюпку, отправляясь на свой фрегат, – ответил корсар, краснея, подобно девушке.

– Или оставили в груди некоего человека, слишком докучавшего вам? – строго спросила маркиза.

Граф ди Вентимилья не мог не вздрогнуть.

– Сеньора, – с трудом проговорил он, – как истинный кабальеро, я не могу лгать. Признаюсь, что оставил кусок клинка моей шпаги в груди графа де Сантьяго, но, клянусь честью, не я начал распрю.

– Верю вам, граф. Капитан был человеком очень буйным и большим любителем поединков. Я даже боялась, что он будет поджидать вас, чтобы пустить в ход свою шпагу. Поразительно, что он сам получил смертельный укол.

– Почему, маркиза?

– Все его боялись, потому что знали, какой это опасный противник.

– Но, сеньора, я вышел из семьи превосходных дуэлянтов; многих уложили графы де Миранда, хотя и в честных поединках.

– И вы его убили!

– Я вынужден был защищать свою жизнь.

– В одиночку?

– Почему вы мне задаете этот вопрос?

– Мне сказали, что с вами было еще двое мужчин.

– Да, двое моряков, которые, подчиняясь моему приказу, только лишь присутствовали при поединке. Я ни в коем случае не позволил бы, чтобы они вмешались в дело, касающееся меня одного. Капитан был дворянином, а не каким-нибудь бандитом, на которого можно напасть втроем или просто застрелить из пистолета.

– А вы смелы! – воскликнула маркиза, разглядывая собеседника с восхищением. – Ни один забияка не посмел бы напасть на графа де Сантьяго.

– Из местных, возможно, – ответил граф. – Но я ведь родился не на здешних островах. Фехтованию меня учили испанские, французские и, наконец, итальянские мастера.

– Вы знаете, что вас подозревают?

– В убийстве капитана?

– Да, граф.

– Что тут сказать? Может быть, в Сан-Доминго двум кабальеро запрещено разрешать спор между собой при помощи шпаг?

– Я не говорю «нет», но ваш поединок проходил без свидетелей, и потом...

– Простите, маркиза, но там были мои матросы. А теперь продолжайте.

– Я хотела бы спросить, где вы приобрели шпагу, навсегда успокоившую капитана?

Граф поднялся и с беспокойством посмотрел на маркизу:

– Вы задали мне вопрос, который мог бы...

Он прервался, увидев входящего дворецкого.

– Что вам нужно? – спросила сеньора де Монтелимар, немного раздраженная этим неожиданным появлением.

– Простите, госпожа, – ответил дворецкий, – но в соседней комнате находятся два моряка. Они настаивают, что им срочно надо сообщить господину графу нечто важное.

– Белый и метис? – спросил капитан «Новой Кастилии».

– Да, господин граф, и еще...

– Продолжайте, – сказала маркиза.

– Внизу ждет капитан алебардщиков с двадцатью солдатами. Он желает осмотреть дворец.

– По какой причине?

– У него есть приказ об аресте.

– Кого?

– Господина графа, – немного поколебавшись, ответил дворецкий.

Граф подскочил и положил правую руку на рукоять шпаги.

– Им придется свести счеты с этим клинком! – крикнул он. – Скажите капитану алебардщиков, чтобы он подождал десять минут, пока маркиза де Монтелимар не закончит завтрак, а если капитан будет настаивать, прикажите своим людям поколотить его... Мендоса! Мартин!

Услышав призыв, моряки вошли в гостиную, оттолкнув в сторону бедного дворецкого и обнажая шпаги.

– Граф! – закричала сильно побледневшая маркиза. – Что все это означает?

– Сейчас я вам объясню, сеньора. Разрешите мне только сначала расспросить моих людей... Если не ошибаюсь, речь идет о жизни и смерти.

– Что вы такое говорите?

– Всего полминуты, маркиза. Говори ты, Мендоса!

– Господин граф, нас, кажется, готовятся схватить или, по крайней мере, хотят напасть на наш корабль, – ответил старый моряк. – Все галеоны и каравеллы несколько часов назад перегородили выход из порта, словно намереваясь помешать нам покинуть гавань. Видимо, кто-то выдал наш секрет.

– Что делает мой помощник?

– Сеньор Верра приказал зарядить пушки, подготовившись к обстрелу галеонов и каравелл, а потом обязал всех матросов вооружиться. Стоим мы только на одном якоре.

– Превосходно! Этот смельчак никогда не позволит застать себя врасплох. Ах, эти генуэзские моряки! Никто не может с ними сравниться.

– Граф! – вскрикнула маркиза. – О чем вы говорите?

– Еще немножко, сеньора, – ответил отважный молодой моряк. – Мендоса, все наши люди на борту?

– Все, капитан.

– Нас восемьдесят храбрецов, и мы вгоним в холодный пот тех, кто попыбует помешать нам выйти в море... А теперь ваш черед, сеньора де Монтелимар. Я победил в петушиной скачке, и вы должны мне поцелуй. Позвольте же мне почтить поцелуем ваши прекрасные руки. Это, конечно, будет первый и последний поцелуй, потому что, если только не произойдет чуда, через пару минут исчезнет последний граф ди Вентимилья, ди Роккабруна и ди Вальпента!

– Вы сказали: ди Вентимилья? – воскликнула маркиза.

– Да, сеньора, я сын того самого Красного Корсара, которого повесили ваши соотечественники!

Маркиза, в смятении чувств, помолчала несколько мгновений.

– Сеньор граф, – наконец заговорила она, – я не позволю арестовать у себя на глазах и вообще в моем дворце такого благородного человека, как вы.

– Что вы собираетесь сделать, сеньора?

– Спасти вас!

– Каким образом?

– Следуйте за мной, и побыстрее. Капитану алебардщиков скоро наскучит столь долгое ожидание.

Она открыла дверь гостиной и ввела троих корсаров в спальню, видимо в собственную, судя по богатству обстановки. Здесь она подошла к камину, прикрытому бронзовой плитой, украшенной богатой резьбой. Она дотронулась рукой до одного из украшающих плиту цветков и резко нажала на него. Плита тотчас дрогнула и раскрылась: за нею показались ступеньки, ведущие вверх.

– Это секретный проход, пробитый в толще стены, – объяснила маркиза, – о нем никто не знает. Он ведет в одну из маленьких башенок, выступающих над крышей. Поднимайтесь и ждите меня наверху.

– Поцелуй, маркиза, – сказал граф.

Очаровательная женщина протянула ему руку.

Корсар запечатлел на ней жаркий поцелуй и сразу же начал взбираться по лесенке, за ним следовали Мендоса и Мартин.

Маркиза задвинула плиту и прошептала:

– Бедный юноша! Убить такого достойного кабальеро? Нет, не хочу этого. Пусть он враг моей страны, но я спасу его, что бы со мной ни случилось. Я не хочу, чтобы пошли разговоры, будто кто-то из рода Монтелимар предал своего гостя.

Она закрыла дверь и вошла в гостиную, где уселась за стол и начала маленькими глоточками пить из чашечки шоколад, пытаясь казаться совершенно спокойной.

Мгновение спустя появился дворецкий, объявив о приходе капитана Пинсона.

– Пусть войдет, – ответила маркиза, попивая шоколад.

В комнату вошел, сняв шляпу, капитан алебардщиков, высоченный служака с огромными сидящими усами и очень живыми глазами.

– Чем обязана вашему визиту? – спросила, предлагая кресло, маркиза, оставшаяся внешне спокойной. – Надеюсь, вы не откажетесь испить чашечку шоколада. Я получила его из Гватемалы, из страны, где производят самый лучший шоколад в мире.

Капитан немного удивился:

– Простите, сеньора, за беспокойство, но меня послал губернатор.

– Арестовать меня? – спросила, улыбаясь, прекрасная вдова.

– Не вас, а того человека, который совсем недавно завтракал с вами.

– О, что вы говорите, капитан? – воскликнула маркиза, нахмурившись и резко поднимаясь. – Кого арестовать?

– Графа, одетого во все красное.

– Дворянина?

– Бандита, сеньора!

– Это невозможно!

– Этот человек – родственник тех самых Вентимилья, жестоких корсаров, которые вместе с Пьером Ле Граном, Лоренсом, ван Хорном и л'Олоне²³ разграбили столько городов на побережье Мексиканского залива.

– Боже мой! – вскрикнула маркиза, падая в кресло. – Вы не ошиблись?

– У нас есть неоспоримое доказательство, что это был в самом деле Вентимилья.

– Каким образом вы его смогли получить?

– На обломке клинка, застрявшем в груди графа де Сантьяго, было выгравировано имя его убийцы.

– Тогда вы уже уничтожили его фрегат?

– Пока еще нет, маркиза, – ответил капитан. – Мы подождем приступа до наступления ночи. Где же этот господин?

– Он уже ушел.

– Ушел? – побледнев, вскрикнул капитан.

– Он оставил меня полчаса назад, позавтракав со мной. Он сказал, что пойдет прогуляться в парке.

Капитан стукнул себя кулаком по кирасе.

– А если он увидел, как я прохожу за ограду? – спросил он себя, яростно накручивая свои усы. – Бежал! Но куда? Вероятнее всего, он где-нибудь спрятался... Диас!

На этот призыв в гостиную вошел сержант алебардщиков.

– Возьми десяток солдат и обыщи дворцовый парк. Возможно, корсар еще там.

– Сию минуту, капитан, – ответил сержант и быстро удалился.

– Сеньора маркиза, – сказал командир отряда, когда они снова остались одни, – мне приказано тщательнейшим образом осмотреть ваши комнаты.

– Выполняйте приказ, капитан, – ответила прекрасная вдова. – Только я уверена, что в моем дворце вы его не найдете.

– И тем не менее я уверен, сеньора, что смогу отыскать его где-нибудь, – возразил капитан. – Из города он не мог выбраться, потому что все выходы хорошо охраняются, попасть на свой корабль – тем более, так как мы послали на пристань несколько отрядов солдат, а его фрегат окружен галеонами и каравеллами. Пришло время покончить с этими Вентимилья, и мы это сделаем. Сеньора, я иду осматривать дворец.

²³ Пьер Ле Гран – французский пират нормандского происхождения, живший в XVII в. Получил прозвище Пьер Великий и стал первым буканьером, обосновавшимся на острове Буканья. Лоренс де Графф – пират, голландец по происхождению. Про Граффа известно мало, неизвестны даже его раса и точные даты жизни. Возможно, он был мулатом. Жил во второй половине XVII в. Николас ван Хорн (ван Дорн, ок. 1635–1683) – пират, голландец по национальности, служил тем не менее французскому королю. Франсуа л'Олоне (ок. 1635–1668) – прозвище знаменитого французского пирата, данное ему по месту рождения: Сабль-д'Олон. Настоящее имя – Жан-Давид Но.

IV

Охота на графа ди Вентимилью

Сын Красного Корсара поспешил по лестнице вверх. Его по-прежнему сопровождали Мендоса и мулат, которые отнюдь не казались слишком испуганными дурным оборотом дел.

Как и сказала маркиза, эта лестница была устроена в толще стены и, вероятно, служила для сокрытия сокровищ, дабы уберечь их от жадных лап флибустьеров и буканьеров, не раз уже грабивших Сан-Доминго. Лестница была такой узкой, что порой Мендоса, самый толстый из троих, взбирался по ней с большим трудом.

Подъем продолжался несколько минут, потом трое корсаров оказались в маленькой комнате или, лучше сказать, на чердаке, куда свет попадал через единственное окно, впрочем достаточно широкое, чтобы через него мог пролезть человек.

– Где мы? – задал вопрос граф.

– В каком-то совином гнезде, – ответил Мендоса. – Отсюда видны только крыши.

– Это должен быть один из четырех пинаклей²⁴, украшающих дворец, – сказал Мартин.

– Вот мы и стали соколами, приятель.

– Лучше стать соколами, чем повешенными, дорогой мой Мендоса, – парировал граф.

– Не буду отрицать, сеньор. Баскам, а я ведь по рождению принадлежу к ним, никогда не нравилась веревка, особенно если она сплетена испанцами, потому что тогда она опаснее всего, даже для людей нашего сорта.

– И тем не менее ты близкий родственник испанцев.

– Верно, капитан, только я никогда не жил с ними в согласии.

– А вот это, может быть, плохо, – сказал граф. – По крайней мере, ты мог бы попросить оставить нам свободный проход на корабль.

Мендоса хмыкнул, вырвав себе три или четыре волоска:

– Кастильцы не такие уж наивные. Они тут же схватили бы меня и повесили как самого страшного пирата на самой высокой мачте своего галеона.

– Тогда нам придется оставаться в этом ястребином гнезде, или совином, как ты выразился, пока маркиза не найдет способ выпустить нас отсюда.

– Вы не подумали, сеньор граф, что в трех метрах под нами – крыши.

– Что ты этим хочешь сказать, Мендоса? – спросил сын Красного Корсара, задетый высказыванием моряка.

– Что достаточно прыгнуть и спокойно убраться отсюда, прежде чем эти проклятые алебардчики покажут нам свои шлемы.

– Уйти по-воровски, даже не предупредив великодушную женщину, которая пыталась спасти нас? Где же твоя галантность, Мендоса?

– Когда речь идет о спасении шкуры, я не очень-то обращаю внимание на галантность, сеньор граф. Что делать! Я ведь всего лишь простой моряк.

– Тогда оставь крыши на потом, – посоветовал сын Красного Корсара.

– И я, и Мартин будем ждать, сколько вам угодно, сеньор граф. Вы хорошо знаете, что мы обожаем оружие и нам всегда нравилось ввязываться в драки. Как славно поработал я шпагой, когда плавал под командой вашего папаша!

– Молчи, Мендоса, – оборвал его изменившимся голосом граф.

²⁴ *Пинакль* – в романской и готической архитектуре так называлась разновидность башенок с квадратным или многоугольным основанием и остроконечным пирамидальным верхом, которые ставились на внешних выступах стен, на крыше, на ее гребне и в других местах внешнего контура здания.

– Вы правы, капитан: я всего лишь грубая скотина, ничем не лучше акулы, – ответил старый моряк.

Граф облокотился о подоконник и, тоскливо глядя вдаль, через настоящий лес колоколен и башенок пытался рассмотреть свой фрегат, стоявший на якоре возле самого входа в порт, но так и не сумел этого сделать.

Неописуемая тоска нашла на него, он изо всех сил напрягал слух, боясь услышать орудиную канонаду, оповещающую о начале атаки на его судно. В таком тревожном состоянии граф пробыл около получаса, очнулся он от возгласа Мендосы:

– Госпожа маркиза!

Сын Красного Корсара резко обернулся и увидел входящую на чердак прекрасную вдову, очень бледную и взволнованную.

– Вы, маркиза? – удивился граф, правда не так оглушительно, как его матрос. – О чем вы пришли рассказать нам?

– Что вас схватят! – хриплым голосом ответила сеньора де Монтелимар.

– Значит, они открыли наше убежище? – спросил граф, обнажая шпагу.

– Мой дворецкий сказал, что капитан алебардщиков отдал приказ обыскать крышу и башенки. Если они вас найдут, немедленно арестуют.

– Это будет нелегко сделать, сеньора, – спокойно проговорил корсар.

– Вы меня не поняли, граф.

– Наоборот, я вас отлично понял.

– И вы хотите ввязаться здесь, на крыше, в потасовку с двумя десятками алебардщиков, капитан которых пользуется репутацией очень храброго человека?

– Ну нет, маркиза. Сразиться всегда найдется время.

– Что же тогда? – спросила испуганная прекрасная вдова.

– Мы убежим, прежде чем они доберутся сюда, – ответил граф.

– Как?

– Боже мой, да ведь это очень просто, маркиза. Сначала спрыгнем на крышу дворца, потом найдем первое попавшееся слуховое окно и спустимся.

– В таком наряде?

– Костюм я сменю, – улыбнулся корсар. – В одно мгновение я могу стать плантатором, крестьянином, портовым грузчиком, матросом или кем-нибудь в том же роде.

– И куда вы пойдете?

– Откуда мне знать? Разумеется, не на борт моего фрегата. Это было бы все равно что броситься в волчью пасть.

– Вы уверены, что выберетесь из города, сеньор граф?

– Не сомневаюсь в этом.

– У меня есть поместье в Сан-Педро, в шести лигах²⁵ от города.

– Отлично.

– Я немедленно пошлю туда дворецкого; он предупредит управляющего, и тот вас примет.

– Хотите приютить нас на своей вилле?

– Хочу спасти вас, – взволнованно ответила маркиза.

– Мы принимаем ваше предложение, маркиза, проживем в деревне, – сказал сын Красного Корсара совершенно спокойно. – Там отдохнем от морских трудов.

– А ваш корабль?

²⁵ Испанская лига равнялась 5572 м.

– С ним все будет лучше, чем вы думаете. Там, на борту, находится мой помощник, который не боится противостоять огню. Мы сможем увидаться, маркиза, хотя бы для того, чтобы поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали?

– Обещаю.

– В Сан-Педро?

– Да, граф.

– Прощайте, сеньора, мы исчезаем.

Граф снял шляпу, приветствуя даму, потом забрался на подоконник и прыгнул вниз, расколов при этом три или четыре черепицы. Мендоса и Мартин последовали за ним.

– Держитесь, друзья, – сказал граф, еще раз приветствуя прильнувшую к окну маркизу. – И главное, не шумите.

– Держитесь, друзья, – сказал граф, еще раз приветствуя прильнувшую к окну маркизу. – И главное, не шумите.

Они обнажили шпаги и отправились в путь, пригибаясь, чтобы быть менее заметными людям, которые могли бы увидеть их из окон. По счастью, с тыльной стороны дворец был защи-

щен длинным рядом строений, что обеспечивало беглецам скрытный проход на протяжении шестисот – семисот метров.

– Ба! – вдруг вскрикнул граф и даже остановился. – Мне не раз рассказывали, что моему дяде, Черному Корсару, также случилось как-то спастись бегством по крышам и он вышел целым и невредимым из этой переделки. Почему бы удаче не улыбнуться и его племяннику? Ну, увидим!

Они спустились на крышу другого дома и возобновили свой путь. Так они прошли около пятисот метров без каких-либо признаков тревоги, без каких-либо неприятных инцидентов. Потом они остановились перед слуховым окном, оно было закрыто только деревянной решеткой.

– Вот прекрасное убежище, – сказал граф.

– Как бы оно не стало ловушкой, капитан! – возразил Мендоса. – И потом, мы же не знаем, куда оно ведет.

– Ясное дело – в дом.

– И я так думаю, сеньор граф, но в доме-то живут люди, и неизвестно, как они нас примут.

– Увидев человека в красной одежде, они примут меня за самого дьявола, – рассмеялся молодой человек, – и разбегутся. В этом я уверен. Мартин, ломай решетку.

– Мигом, капитан, – ответил могучий мулат. – Дело это недолгое и нетрудное.

Он ухватился обеими руками за среднюю перекладину, уперся коленом в стену, резко потянул решетку на себя. Удивительно, что он не свалился при этом с крыши вместе с решеткой. Хорошо еще, что сзади него встал Мендоса, готовясь поймать Мартина.

– Может, ты хочешь крутануть сальто прямо на улицу? – спросил баск. – У тебя плохой вкус, дружище.

– Тише! – оборвал его граф, просунувший голову в слуховое окно. – Мне кажется, что там кто-то храпит.

– Черт побери! – проворчал Мендоса, почесывая затылок. – Вот теперь дело начинает принимать серьезный оборот.

– Идите за мной.

– Нет, капитан, позвольте пройти мне первым.

Но было уже поздно. Корсар спустился в скудно обставленную полутемную комнатку, в ней были только кровать, шатающийся столик да пара стульев, на которых лежали кираса и солдатская одежда.

– Я предпочел бы, чтобы в этой конуре жила красивая девушка, – буркнул баск.

Граф приблизился к кровати, держа шпагу на изготовку, чтобы в случае надобности незамедлительно пустить ее в ход. Хозяин комнатки блаженно спал, почти полностью укрывшись простыней.

– Если бы можно было улизнуть, не разбудив его! – вполголоса сказал граф. – Мендоса, не торчит ли в замочной скважине ключ?

– Не вижу.

– Может, мне и дверь высадить? – спросил Мартин, на цыпочках продвигаясь вперед.

– Тогда он проснется.

И в этот самый момент хозяин комнаты, у которого, наверное, как у хорошего солдата, был легкий сон, внезапно очнулся и сел на кровати, потом, заметив непрошенных гостей, быстро перекатился на другую сторону кровати, схватил шпагу и разразился громким криком:

– Ах, мошенники! Грабить солдата? Не позволю!

Он смело бросился на трех корсаров, и в тот же момент у него вырвался крик ужаса:

– Дьявол! Может, я все еще сплю?

Представьте себе сына Красного Корсара в подобном одеянии. Нет ничего удивительного, что его принимали за беса в те времена, когда все были суеверными, а в особенности – испанцы.

– Не дьявол я, – успокоил его граф, – а скорее его близкий родственник.

– Значит, вы – человек, подобный мне, и пришли сюда, чтобы испугать меня и ограбить, – сделал вывод солдат, устрашающе размахивая своей длинной шпагой. – Вон отсюда! Или я изрублю вас, как кур!

– Эй, не кричите так громко, а то можете потерять язык, – сказал граф. – Прежде всего сообщу вам, что я не вор, а кабальеро и мне совершенно нет нужды в ваших тряпках.

– Тогда чего же вы хотите?

– Всего лишь вашу одежду, разумеется не задаром. Во сколько вы ее оцениваете?

– Для чего она вам?

– Стоп, приятель! У меня нет привычки рассказывать свои секреты первому встречному.

– А после? Вы еще чего-нибудь хотите?

– Да, ключ от двери, чтобы выйти отсюда.

– Вернетесь тем же путем, каким пришли, сеньор родственник дьявола, – ответил солдат. – С таким человеком, как Баррехо, не шутят!

– Я еще не закончил, – продолжал граф с обычным спокойствием.

– А, так вы еще чего-то желаете? Вы ненасытны, мой дорогой сеньор!

– Я не хочу ничего иного, кроме как опять уложить вас в постель и заткнуть рот, чтобы помешать вам преследовать нас и кричать.

– Клянусь всеми акулами Бискайского залива, это уже слишком! – заорал солдат. – Сейчас я вам покажу, как гасконец нанизывает на шпагу воришек!

– А, так вы гасконец? – спросил граф. – Говорят, что ваши соотечественники храбры, но и очень хвастливы.

– Я покажу вам, как раскалываются черепа! – в бешенстве орал солдат.

– Не лучше ли сначала нанизать на ноги штаны? – иронически бросил корсар. – Вы что, не замечаете, что стоите в одних кальсонах?

– Даже и без них, в одной рубашке, гасконцы умеют убивать!

И с легкостью пантеры он перепрыгнул через кровать, напав на корсара. Натиск его был стремителен, но он почти сразу вынужден был остановиться, поскольку спутники графа подняли пистолеты.

– Вы хотите убить меня? – спросил он, быстро отступив на пару шагов назад.

– Дружище, – сказал корсар, – в другое время я предложил бы вам выйти прогуляться до кладбищенской стены и там помериться силами со мной. К несчастью или, скорее, к счастью для вас, я не могу терять ни секунды. Или вы продадите мне свою одежду, или – клянусь честью – я застрелю вас. Ну же! Помиримся и расстанемся добрыми друзьями. Предлагаю вам двадцать дублонов.

Солдат аж подскочил:

– Вы так щедро платите за мою жалкую одежонку! Можно подумать, что вы либо принц, либо сколотили состояние в Мексике.

– Да нет, я всего лишь граф и никогда в жизни не видел мексиканских рудников. Так вы принимаете мое предложение?

– Клянусь всеми громами Бискайи! Я был бы полным кретином, если бы отказался от такой суммы. На двадцать дублонов я куплю две новехонькие формы, так что мои товарищи лопнут от зависти.

Граф достал пузатый кошелек и выложил из него на край стола двадцать золотых монет.

– Дарю вам еще и свою шпагу, сеньор граф, – сказал гасконец, который буквально пожирал деньги глазами.

– Предпочитаю собственную.

– Попробуй лучше подарить нам какую-нибудь бутылку, если она у тебя есть, – вмешался Мендоса.

– У меня есть агуардьенте²⁶, какого не пьют даже в Веракрусе.

– Вытаскивай его, приятель. У нас у всех есть один недостаток: нас всегда мучает жажда.

Возможно, оттого, что мы много дышим соленым воздухом.

– И у меня такой же недостаток; сейчас достану бутылку!

Он опускал двадцать дублонов в ободранный ящик один за другим, чтобы насладиться звоном золота, потом вытащил бутылку и стаканы. Пока он разливал водку, граф, оказавшийся почти такого же сложения, как и гасконец, быстро переоделся в военную форму. Закончив с одеждой, он выпил свой стакан, а потом обернулся к гасконцу и сказал:

– А теперь позвольте связать вас и заткнуть рот. Когда спустимся, мы скажем кому-нибудь, что с сеньором Баррехо произошло несчастье, люди придут и освободят вас.

– Вы очень любезны, сеньор граф, но я предпочел бы обойтись без платка во рту.

– Искушения так опасны. Вам может разонравиться сделка, и, как только мы выйдем, вы закричите: «Держи вора!»

Гасконец высокомерно покачал головой в знак отрицания и отдал себя в руки моряков. У Мендосы и Мартина, как у всех людей их профессии, всегда были при себе веревки. В несколько секунд они надежно связали солдата, засунули ему в рот кляп и повалили хозяина комнаты на кровать.

– Всего хорошего! – несколько иронично сказал баск.

Гасконец шевельнулся, пытаясь ответить, но тут же застыл в неподвижности, словно внезапно заснул. Сын Красного Корсара надвинул шлем на лицо, чтобы его не узнали, открыл дверь ключом, который ему дал гасконец, и спокойно спустился по длинной лестнице, сопровождаемый матросами. Они вошли в старый четырехэтажный дом с истертыми ступенями и потемневшими стенами; здесь, определенно, жили простолюдины. Уже у выхода на улицу, в дверях, они столкнулись со старой негритянкой, несшей на курчавой голове большую корзину, полную бананов.

– День добрый, сеньор Баррехо, – сказала она, увидев корсара.

– Ошибаетесь, добрая женщина, – ответил граф. – Я друг сеньора Баррехо. Кстати, как только сможете, поднимитесь к нему на чердак. Мне кажется, что бедняга неважно себя чувствует.

Сказав это, он переступил порог и скорехонько удалился, все так же сопровождаемый двумя флибустьерами. Их легко было принять за моряков, торопящихся на родной корабль. Улица была почти пустынной, потому что жители всех испанских городов с побережий Мексиканского залива имели привычку прекращать с полудня до четырех часов дня все свои дела и предаваться сладкой дреме.

– Мартин, ты знаешь город как свои пять пальцев, веди нас к порту, – сказал граф, когда они оказались посреди садов.

– Мы не так далеко от него – не дальше чем в двух выстрелах из аркебузы, – ответил мулат.

– Мне непременно надо увидеть, как они окружили мой фрегат.

– Но мы же не можем добраться до него, не вызвав серьезных подозрений, – заметил осторожный Мендоса.

– Знаю, и это меня беспокоит. Как связаться с моим помощником? Вот в чем вопрос. Не сомневаюсь, что он сможет отыскать проход среди галеонов и каравелл, а потом спокойно взять курс на Тортугу. Однако необходимо, чтобы я оказался на борту судна, прежде чем секретарь сеньора де Монтелимара отправится в Мексику.

– Возможно, мне повезет, – сказал Мартин. – Мулата не очень-то будут подозревать, а вы знаете, что я плаваю как рыба, если не лучше, и могу долгое время плыть под водой.

²⁶ *Агуардьенте (исп.)* – крепкий алкогольный напиток.

– Мне это очень хорошо известно, – ответил граф. – И как раз поэтому я тебя выбрал.
– Значит, мне будет нетрудно незаметно войти в море и добраться до фрегата.

– Тебя могут заметить и убить. Отданы очень строгие распоряжения, которые должны перекрыть мне путь на борт или воспрепятствовать отправить на фрегат какое-нибудь сообщение.

– Не беспокойтесь об этом, капитан, – ответил мулат. – Испанцы хитры, но я-то не глупее их.

– Увидим, – заключил разговор сеньор де Вентимилья, казавшийся очень озабоченным дурным оборотом, какой принимали дела.

Они быстро шли, минуя сады и маленькие банановые плантации и благоразумно держась вдалеке от редких домиков, разбросанных здесь и там.

Через четверть часа они оказались в виду рейда, выйдя в почти безлюдное место.

Граф резко остановился и что-то забормотал, сжимая кулаки.

– Дело серьезное! – сказал Мендоса.

И оно в самом деле было таким.

Четыре галеона, то есть крупных корабля, предназначавшихся в основном для перевозки в Европу драгоценных металлов, добытых в мексиканских и центральноамериканских рудниках, да к тому же еще пять каравелл, оставили свои якорные стоянки и собрались у выхода из порта, расположившись в две линии: более мощные галеоны – впереди, гораздо более слабые, с малочисленными экипажами, каравеллы – позади них.

Посреди рейда в полном одиночестве стоял фрегат графа, великолепное трехмачтовое судно, удлиненное и узкое, вооруженное двадцатью четырьмя бортовыми орудиями и двумя крупнокалиберными кулевринами в укрытии на полубаке.

На пристани, заваленной товарами, прохаживались многочисленные алебардчики, внимательно наблюдая, насколько можно было заметить, за торговыми судами и рыбацкими лодками, очевидно получившими приказ не сниматься с якоря.

– Как из этой ловушки выберется лейтенант? – спросил себя граф, одним взглядом оценив ситуацию. – Что ты об этом скажешь, Мендоса?

– Я скажу, сеньор граф, что сеньор Верра достойно выйдет из этой переделки, да еще и даст жестокий урок галеонам и каравеллам, – ответил старый флибустьер. – У него хватает и огненных жерл, и людей, не знающих страха в сердце.

– Верно, но... – начал сын Красного Корсара, покачивая головой.

– Вы знаете, сеньор граф, как испанцы боятся флибустьеров. Их считают сынами дьявола.

– Не стану отрицать, Мендоса.

– А в таком случае вы еще увидите, какие чудеса может сотворить ваш экипаж, ведомый сеньором Веррой! Разве лигурийцев не признают лучшими моряками в мире?

– Но пушечное ядро может убить самого храброго человека в мире.

– Только не флибустьера, – возразил Мендоса. – Особенно когда у него в руках хорошая аркебуза или же он приставлен к пушке.

Корсар улыбнулся, но видно было, что его не слишком убедили слова старого флибустьера.

– Давайте поищем тень, – сказал он, помолчав. – В этих широтах солнце очень жаркое.

В полусотне шагов от них, возле утеса, круто спускающегося к рейду, росли величественные бананы с огромными листьями. Моряки добрались до них и нырнули в заросли этих величественных растений, на которых уже вызревали огромные связки плодов.

– Запасемся терпением и будем ждать, – сказал граф. – Уверен, что, как только стусятся сумерки, галеоны и каравеллы дадут бой моему кораблю.

– Надеюсь добраться до фрегата раньше, чем раздастся первый выстрел, – пообещал мулат. – Дайте мне ваши инструкции, сеньор граф.

– Тебе надо сказать лейтенанту только одно: пусть ждет нас у мыса Тибурон и внимательно следит за проходом «Санта-Марии».

– Разрешите, капитан, добавить еще одно, – вмешался Мендоса.

– Говори, дружище.

– Я полагаю, Мартин, что ты зайдешь в воду после захода солнца.

– Необязательно, – ответил мулат. – Я же буду плыть под водой.

– А как мы узнаем, что ты добрался до фрегата? Судно стоит слишком далеко, чтобы можно было заметить человека.

– К чему ты клонишь? – спросил граф.

– Пусть нам просигнализируют, что Мартин сумел передать помощнику ваши инструкции.

– Обо всем-то ты, хитрец, подумаешь! Мартин, скажи сеньору Верре, чтобы он зажег на юте один за другим четыре зеленых огня.

– Будет исполнено, капитан.

Муллат снял куртку, штаны, сапоги, положил на землю пистолеты и шпагу. Ни нательной рубахи, ни кальсон на нем не было, а следовательно, он остался совершенно голый.

– Помогите вам Бог, сеньор граф, – сказал он. – Я не забуду ваших наставлений.

– Давай, дружище, и остерегайся испанских пуль, – напутствовал его сеньор ди Вентимилья.

– Прощай, приятель, – сказал Мендоса. – И берегись акул.

– Ну, их-то я не боюсь, – ответил мулат.

Он подпрыгнул три или четыре раза, словно бы проверяя эластичность своих конечностей, потом бросился на землю и пополз, извиваясь, подобно змее, среди беспорядочного скопления скал, подходивших к самой воде. В считанные мгновения он добрался до кромки берега и красиво прыгнул в воду, тут же исчезнув под ее поверхностью.

– Настоящий дьявол! – воскликнул граф. – В жизни еще не видел более ловкого пловца.

– Я поставил бы свою шпагу против порции табака для моей трубки, – проговорил моряк, – что ему удастся обмануть бдительность испанцев и прошмыгнуть у них под носом, а они этого даже не заметят... О-ля-ля! Видите его? Он вынырнул.

В двухстах метрах от берега на поверхности воды показалась черная точка и почти сразу же исчезла.

Муллат пополнил запас воздуха, выставив из-под воды один только нос, а потом снова нырнул и продолжал свой путь под водой.

Невозможно, чтобы его могли заметить солдаты, дежурившие на пристани, которая отстояла довольно-таки далеко от места, где находились оба корсара. И потом, это темное пятнышко легко было принять за рыбу голову.

Еще дважды граф и Мендоса, тревожно следившие за водной поверхностью, замечали высовывавшийся нос мулата, а после – ничего. И расстояние к тому времени уже значительно увеличилось, и сумерки начинали сгущаться.

– Доплывет ли? – тревожно спросил граф.

– Не думайте о нем, капитан, – ответил Мендоса. – Нам скорее надо заняться фрегатом. Не знаю, чего там ждут все эти галеоны и каравеллы.

– Ночи.

– Я атаковал бы немедленно, если бы был командующим эскадрой.

– Сражение не замедлит начаться. Разве ты не видишь на воде лодки, полные солдат, оставивших свои посты на пристани?

– Очень плохой маневр, сеньор граф! Ни одна из этих лодок не спасется от бортового огня фрегата.

Граф поднялся и принялся нервно прохаживаться среди бананов. Мендоса же, наоборот, набил свою трубку и спокойно ее покуривал.

Такое спокойствие старого моряка было скорее видимым, чем настоящим, потому что он то и дело забывал затягиваться и трубка гасла. Тем временем темнота быстро накрывала город, порт и находившиеся в нем корабли.

Фрегат, стоявший недалеко от выхода из порта, был уже почти не виден.

Внезапно корсар вскрикнул:

– Сигнал! Ах, какой молодец Мартин!

Четыре зеленых огня, ярко выделявшиеся в глубокой темноте, появились один за другим на самой высокой надстройке фрегата.

– Я же говорил вам, капитан, что этому дьяволу повезет, – сказал Мендоса, очищая трубку. – Теперь и мы можем отправиться за город, чтобы отведать вина Сан-Хосе. Говорят, они очень изысканные.

– Тише, Мендоса. Фрегат еще не вышел из порта.

– Что ж! Тогда я опять закурю трубку. Уверен, что он проскочит между галеонами и каравеллами. А как только он выберется из порта, пусть за ним гонятся, если смогут.

– Если удастся найти проход, я полностью успокоюсь, мой brave моряк. Никто не сможет догнать его и не...

Пушечный выстрел оборвал его слова.

«Новая Кастилия» открыла огонь, вызывая на бой испанские корабли.

За этим зловещим грохотом, отразившимся от всех городских зданий, наступила короткая тишина, а потом последовал второй залп.

Корсар и Мендоса быстро залезли наверх, на скалы, чтобы удобнее было следить за всеми фазами морского сражения.

И один и другой страшно волновались, хотя и были полностью уверены в прочности и вооружении корабля, а также в храбрости его экипажа, состоявшего из бесстрашных флибустьеров с Тортуги.

Оба хорошо знали, что у Испании тоже есть немало отважных моряков, умеющих мужественно сражаться за победу.

Пролетело еще полминуты, а потом раздались ответные бортовые залпы галеонов и каравелл.

Битва началась.

V

Бегство фрегата

«Новая Кастилия», выбрав якоря и подняв паруса, воспользовалась свежим береговым бризом и отважно ринулась вперед, к выходу из порта, ничуть не страшась присутствия галеонов и каравелл.

Его стрелки, эти ужасные флибустьеры, почти никогда не промахивающиеся и вооруженные крупнокалиберными аркебузами, расположились за фальшбортами, поверх которых были уложены свернутые койки. Они мгновенно открывали адский огонь по палубам вражеских кораблей, стараясь выбить рулевых и штурманов.

Другие проворно вскарабкались на марсы и готовились швырять бомбы, которыми эти ужасные морские бродяги умело и успешно пользовались.

Экипажи испанских кораблей, уверовав в свое превосходство, смело вступили в бой. Корабли сблизилась, чтобы перекрыть вражескому судну проход, поставить перед ним непреодолимый барьер.

К несчастью для себя, испанцы имели дело с опытным моряком, какого нечасто встретишь, привычного ко всяким хитростям, а кроме того, с быстрым и чрезвычайно легко управляемым парусником.

Несколько минут происходил обмен залпами между фрегатом и галеонами, не причинивший большого ущерба ни той ни другой стороне, но привлечший на берег залива все население Сан-Доминго; потом канонада смолкла после ловкого маневра «Новой Кастилии», которая переместилась таким образом, что снаряды с испанских судов начали угрожать городским строениям.

Правда, фрегат при этом подставился под огонь артиллерии фортов, а она могла стрелять без опасения нанести ущерб городу. Однако лейтенант был не из тех людей, что способны долго подставлять борта собственного судна под выстрелы неприятеля.

Молниеносно дав два бортовых залпа и вызвав ответный ураганный огонь крепостной артиллерии, «Новая Кастилия» отошла к середине рейда, а потом устремилась прямо к выходу из порта, угрожая пройти то справа от эскадры, то слева.

Двадцать бортовых пушек и две кулеврины с надстройки грохотали не переставая, ведя прицельный огонь преимущественно против каравелл, в то время как стрелки опустошали верхние палубы галеонов, поражая с математической точностью рулевых и офицеров.

Дикими криками оглашались верхние палубы; вой этот смешивался с грохотом орудий и уханьем аркебуз.

Толпа, собравшаяся на берегу, несмотря на реальную опасность от залетающих ядер, также яростно вопила:

– Смерть флибустьерам! Разнесите их в щепки! Убейте их!

«Новая Кастилия» твердо удерживала курс, осыпая неприятельские суда ядрами и гранатами, при этом постоянно готовая пойти на abordаж.

Этот хорошо скрепленный и прекрасно вооруженный корпус, направляемый привычными к почти ежедневным сражениям людьми, был непоколебим в своем поступательном движении.

Со свирепой настойчивостью бортовые орудия отвечали галеонам и каравеллам буквально залпом на залп, тогда как обе кулеврины с надстройки метали время от времени заряды картечи.

Подойдя к галеонам на дистанцию в сотню шагов, корабль корсаров нагло прошел вдоль их фронта, паля из всех аркебуз левого борта, потом, неожиданно развернувшись, направился вправо от эскадры, где еще оставалось достаточно места, чтобы проскользнуть вдоль берега. Маленькая каравелла попыталась закрыть проход, встав перед фрегатом с целью остановить его и дать время подойти галеонам.

Это суденышко можно было сравнить с мышонком, пытающимся остановить льва.

«Новая Кастилия» мощно ударила малышку своим крепким форштевнем и разломилла каравеллу надвое, пройдя посреди обломков; потом, разрядив одним залпом все свои пушки, корабль корсаров вышел из порта.

– Ну и что вы на это скажете, господин граф? – ухмыльнулся Мендоса, не прекращая отчаянно потягивать трубку. Он стоял, широко расставив ноги и засунув руки в карманы.

– С такими людьми можно завоевать, если понадобится, весь мир, – ответил сеньор ди Вентимилья. – Дорогой мой, я не знаю, нашлось ли бы другое судно, которое смогло бы с таким блеском выйти из подобной ловушки.

– Смотрите, галеоны готовятся в погоню, но на что они надеются? Они хотят догнать наше судно? Милые мои, да вы не знаете «Новой Кастилии»!

– Мне кажется, что теперь они ее узнали.

– Сеньор Верра заставит их побегать.

– А теперь и нам время бежать; попытаемся выбраться из Сан-Доминго до восхода солнца. Теперь весь свой гнев испанцы обратят против нас. Охотиться за нами они будут без всякой жалости.

– А уж если они нас схватят, веревки нам обеспечены, господин граф, – сказал Мендоса.

– Ну, может быть, они еще не сплетены, эти две веревки. Ты-то ведь тоже знаешь город!

– Достаточно хорошо, чтобы вывести вас к Пуэрта-дель-Соль.

– И нам позволят выйти в такое время?

– Даже не надейтесь, капитан.

– Зачем же ты собираешься меня туда вести?

– Рядом с воротами находится полуразрушенный бастион, и мы найдем способ спуститься в ров и даже...

Он вдруг прервался, взглянул на графа, да так и остался с открытым ртом.

– Так что же? – спросил корсар.

– Я – настоящий болван, капитан!

– Почему это?

– Да потому, что мы можем пройти через Пуэрта-дель-Соль, не подвергаясь опасности сломать шею при спуске в ров... Как же быстро я состарился!

– Ты что, с ума сошел, Мендоса?

– Нет, господин граф, но постепенно становлюсь кретином. Разве не одеты вы в форму алебардщика?

– Вроде бы да.

– Мы явимся к охране городских ворот, и вы скажете, что получили приказ конвоировать меня и вышвырнуть из города. Можете добавить, если это вам не будет в тягость, что я шпионил для буканьеров. Солдату всегда поверят.

– А ты только что признался, что становишься кретином, – рассмеялся граф. – По-моему, так ты с каждым днем делаешься все хитрее, старый кашалот. Ходу! Я не хочу, чтобы завтрашний рассвет застал меня в Сан-Доминго.

Они выбросили одежду и шпагу Мартина в густой кустарник и направили свои стопы к городским воротам, выбрав длинную улочку, змеей извивавшуюся среди изгородей и великолепных рядов бананов и пальм. Поскольку все население сбежалось к пристани, им не встретилось ни души, и они смогли беспрепятственно пересечь город. Остановились они возле Пуэрта-дель-Соль, едва ли не главных ворот Сан-Доминго, в то время выходивших прямо в поля.

Два алебардщика, вооруженные длинными пиками, прогуливались перед воротами, покуривая трубки и мирно болтая. Как только часовые заметили приближающихся графа и его матроса, они остановились, загораживая проход. Потом один из часовых, убедившись, что имеет дело с солдатом, спросил:

– Куда идешь, приятель?

– Мне приказано сопровождать этого человека за границей города, – объяснил сеньор ди Вентимилья.

– А кто это?

– Правительственный курьер.

– Пеший? Без лошади?

– Он знает, где ее достать. Открывайте поскорее ворота, потому что мы очень спешим.

– И тебе не дали никакой бумаги?

– Разве я не солдат?

– Верно, но нам тоже дали приказ: не выпускать никого за пределы города.

– Этот приказ касается штатских.

– Подожди, мы позовем старшего: я не хочу брать ответственность на себя.

Он вошел в расположенную рядом казарму и быстро вышел с другим солдатом, несшим в руках фонарь; за ним с грохотом волочилась по земле огромная шпага.

– Посмотрите-ка на этих людей, Баррехо, – сказал часовой.

– Гром и молния! – процедил Мендоса. – Гасконец! Теперь мы пропали!

Граф вздрогнул от удивления и быстро положил руку на пистолет Мартина, готовясь вступить в безнадежную схватку. Гасконец приблизился к ним и не мог сдержать жеста изумления, узнав свою кирасу и свою одежду, в которую облачился граф.

– О приятель! – протянул он, вытаращив глаза.

Потом, повернувшись к часовым, Баррехо приказал:

– Продолжайте патрулировать, я знаю этих людей.

Он дождался, пока часовые отойдут подальше, а потом, еще раз подняв фонарь, чтобы хорошенько разглядеть лицо графа и его спутника, спросил:

– Что вы делаете здесь, сеньор, в моей одежде? Не вы ли дали мне за нее двадцать дублонов?

– Да, господин Баррехо, – ответил сеньор ди Вентимилья.

– А зачем вы сюда пришли?

– Предложить вам еще десять дублонов, если вы не против.

– Клянусь всеми ветрами Бискайского залива! Вы хотите сделать меня миллионером?

– Нет, я хочу, чтобы вы немножко поправились и не были таким тощим.

– Все гасконцы тощие, сеньор граф. Зато какие стальные у нас мускулы!

– Кто знает, не увижу ли я их в один прекрасный день за работой! Ну так хотите увидеть еще десять дублонов?

– Что мне надо сделать?

– Очень простую работу: открыть ворота и выпустить нас.

– И больше ничего? – удивился гасконец.

– Ничего. Признаюсь, мы сказали вашим парням, что являемся правительственными курьерами.

– А вы не боитесь встретить буканьеров? Говорят, они готовят нападение на город.

– Не беспокойтесь об этом, господин Баррехо. Откройте нам ворота, и еще десять золотых монет пополнят вашу маленькую сокровищницу.

– Да я готов открыть вам все городские ворота, – ответил дон Баррехо. – Проходите, господин граф; мои подчиненные не сделают вам ничего плохого.

Он схватил огромный ключ, висевший на гвозде, и открыл тяжелую створку ворот, обитую железом, потом провел корсаров через узкий проход, сделанный в толще массивного бастиона.

– Вот вам и чистое поле, – сказал алебардщик, открывая еще одну дверь. – Вы позволите немного проводить вас?

– Я сказал вам, что мы не боимся, – ответил ему граф.

– Не сомневаюсь в этом, сеньор, но что вы хотите? Мне необыкновенно нравится ваша компания.

– Надеюсь, вы не собираетесь наблюдать за нами? – вмешался Мендоса.

– Не обижайте гасконцев!.. Мы не привыкли лгать.

– Тогда идите, – согласился граф. – Вы можете дать нам кое-какую ценную информацию.

– Я в вашем полном распоряжении, господин граф, – ответил гасконец.

– Вы могли бы, например, рассказать нам, где мы сможем достать лошадей.

– Примерно в полумиле отсюда есть кораль²⁷; он находится возле крупного поместья. Если у вас еще остались эти красивые дублоны, вы можете там закупить столько лошадей, сколько захотите.

– Наши кошельки еще достаточно толстые, несмотря на мои траты.

– Я отведу вас туда.

– А если ваши приятели, не дождавшись вашего возвращения, поднимут тревогу?

– Да пусть они идут к черту! – сказал Баррехо, пожав плечами. – Разве не могу я ночью пойти погулять и проводить людей, присланных его превосходительством губернатором?

– А ведь в самом деле! – рассмеялся граф. – Мы же очень важные персоны.

– Которые тем не менее путешествуют без документов, – лукаво добавил гасконец.

– Они у нас всегда нацеплены на кончиках наших шпаг.

Солдат понял, на что намекает граф, и, несмотря на свое гасконское происхождение, почел за благо прекратить разговор.

Они шли вперед по дорожке, окаймленной великолепными агавами, волокнистыми растениями, из которых получают эластичные и тонкие нити, а из листьев агав индейцы гонят брагу под названием «пульке», напиток очень пенистый и очень приятный. А за этой огромной изгородью простирались огромные плантации сахарного тростника и кофе, самые главные богатства этого плодороднейшего острова.

Во мраке над полями летали рои светящихся мух²⁸, насекомых, излучающих свет намного более сильный, чем дают наши светляки, а в бороздках плантаций или вокруг прудов рокотали желто-черные жабы с рогатыми отростками и посвистывали тысячи и тысячи лягушек.

Трое мужчин шли в тишине около четверти часа, освещая путь фонарем; потом, когда дошли до развилки дорог, гасконец остановился.

– Вы нас покидаете? – спросил граф.

– Это зависит от вас, сеньор, – ответил солдат.

– Что вы хотите сказать?

– Господин граф, я – порядочный человек, младший отпрыск дворянского рода из Гаскони. Вот. Вы знаете, что в моих краях все в той или иной степени благородного происхождения, хотя все бедны – бедны, потому что наши отцы не оставили нам другого наследства, кроме шпаги и фехтовальной школы.

– Что из этого следует, сеньор Баррехо?

– Я хотел бы знать, кто вы и почему вы бежали из Сан-Доминго в то самое время, когда был отдан приказ препятствовать выходу любого горожанина.

Граф несколько мгновений молчал, рассматривая солдата, потом сказал:

– Держу пари, что вы это уже знаете.

– Возможно.

– Я – капитан фрегата, вошедшего в порт вчера утром; два часа назад его обстреляли испанцы.

– Флибустьер, не так ли?

– Вы очень проникательны, сеньор Баррехо. Теперь вы вернетесь и, разумеется, предупредите губернатора.

– Я? – возмутился гасконец. – Предам вас? Никогда! Мы же люди чести.

– В таком случае я удовлетворил ваше любопытство.

– Сеньор граф, а если я сделаю вам некое предложение?

– Говорите.

²⁷ Кораль (исп.) – скотный двор, загон.

²⁸ Светящиеся мухи (исп. moscas de luz) – вид тропических светлячков.

– Мы, гасконцы, рождены для войны, мы не любим, чтобы ржавели в бездействии наши шпаги. Моя уже два года спит в ножнах здесь, в Сан-Доминго, – кажется, она уже позабыла, как из них выйти. Хотите взять меня на службу? У флибустьеров всегда случается оказия размять руки.

– Но и найти легкую смерть! – добавил Мендоса.

– Мне тридцать два года, и я достаточно пожил, – возразил гасконец. – Берете меня, сеньор граф? Клянусь, что на мой клинок можно положиться.

– А кроме того, вы избавите его от страшной скуки, – не унимался Мендоса, которому пришлось по душе этот буян.

– Идет! – решил сеньор ди Вентимилья. – Храбрый солдат не будет лишним на моем корабле.

– Вы же не испанец, а значит можете перейти к неприятелю, – сказал Мендоса.

– Я только наемник, и никто иной, а в качестве такового могу предложить свою руку и шпагу всякому, кто мне больше понравится.

– Вам знакомо селение Сан-Хосе?

– Я знаю половину острова Сан-Доминго.

– Вы можете провести нас в имение маркизы де Монтелимар?

– Даже с завязанными глазами.

– Тогда прежде всего позаботимся о лошадях. Не сомневаюсь, что испанцы пустятся за нами в погоню.

– Будьте уверены, сеньор граф, – подтвердил гасконец. – По нашим следам пустят также стаи их ужасных собак.

– Тогда в путь, Баррехо, – сказал граф. – У меня нет никакого желания подставлять икры своих ног этим зверюгам.

– Нам придется идти лесами, сеньор граф. По дорогам ходят дозоры. Они могут остановить нас.

– И много их вдали от города?

– Да, порядочно.

– Тогда пойдем навестим леса.

Гасконец отбросил фонарь, свет которого мог выдать беглецов и привлечь внимание какого-нибудь дозорного отряда, направленного в разведку или на охоту за буканьерами.

Подобные группы солдат, состоявшие из пятидесяти человек каждая, должны были препятствовать буканьерам, союзникам флибустьеров, охотиться на многочисленных одичавших быков, которые в те времена свободно бродили по лесам острова.

Испанцы не осмеливались выступать против этих жестоких, никогда не промахивавшихся охотников, а поэтому решили уморить их голодом; для этой цели и были созданы летучие отряды.

Поначалу отряды вооружили огнестрельным оружием, но они не желали нападать на буканьеров или вступать с ними в жаркие схватки, а предпочитали разряжать свои мушкеты в воздух, как только станет заметно вражеское присутствие.

Предупрежденные об опасности охотники спокойно переходили в другое место.

Губернаторы ряда городов, догадывавшиеся об обмане, отобрали у дозоров огнестрельное оружие, оставив только алебарды, что, как легко догадаться, не принесло никакого практического результата.

Если прежде удирали буканьеры, то теперь в бега пускались алебардчики, едва заслышав вдалеке выстрел; таким образом, сражения стали такими же редкими, как белые мухи, ибо никто не желал бессмысленно рисковать своей шкурой.

Таковы были эти знаменитые дозорные отряды, прозванные полусотнями; с их помощью губернаторы надеялись уничтожить всех буканьеров (а было их очень много), которые нано-

сили ущерб необозримым лесам острова и были всегда готовы прийти на помощь флибустьерам с Тортуги, когда заходила речь об организации какого-нибудь серьезного грабежа.

Гасконец вместе с двумя своими новыми приятелями пересек огромную плантацию сахарного тростника. Потом решительно направился в лесную чащу, состоящую в основном из огромных стволов хлопкового дерева; из таких полых стволов индейцы, да и негры, строили каноэ, способные вместить до сотни человек.

– Кораль находится по ту сторону леса, – объяснил солдат графу. – Мы сэкономим время и не подвергнемся опасности наткнуться на какую-нибудь полусотню. Постарайтесь не делать лишнего шума, потому что в зарослях могут оказаться быки, а они, скажу я вам, бывают очень опасны, когда их потревожат!

Идти вскоре стало очень трудно, особенно Мендосе, привыкшему ступать только по палубам да лазить на мачты.

В те времена на Сан-Доминго, как и на близкой Кубе или на Ямайке, росли леса, старые как мир; один слетевший лист в них ложился на другой, погребая под кучами мертвой листвы упавшие стволы и ветки. Так образовывался тот чудесный растительный перегной, который позднее так хорошо послужит предприимчивым плантаторам.

Тут и там тянулись ввысь хлопковые деревья вперемешку с гигантскими пальмами, а то и в тени их, удерживая неизвестно каким образом свои гигантские стволы, не имевшие иной поддержки, кроме маломощного – толщиной не более двух футов – пласта почвы, совершенно недостаточного для огромных корней.

Но больше всего было густых кустарников: настоящие заросли, словно специально созданные для засады и заставлявшие то и дело ворчать Мендосу, потому что кусты оказались превосходно вооруженными преострейшими шипами.

Гасконец, который не раз принимал участие в рейдах полусотен, к счастью, не колебался в выборе дороги, хотя под этими огромными зелеными сводами царил почти полная темнота.

– У меня в голове буссоль, – без конца повторял он, прорубая шпагой в кустах проход для графа.

И на самом деле казалось, что этот дьявол в человеческом облике, вполне уверенно шедший без остановок, обладает особой способностью ориентироваться, точно так же как и почтовые голуби. А вот кто чувствовал себя неуверенно, так это Мендоса. Привыкший к жизни на море, он понимал, как легко заблудиться в этих лесах.

Этот труднейший переход длился уже три часа, когда маленький отряд вышел на обширную равнину, усеянную множеством прудов.

Дьявольский шум поднимался от высоких трав и зарослей тростника, покрывавших равнину. Рокотали миллионы жаб, посвистывали американские лягушки, а время от времени ко всему этому гаму примешивались хриплые крики, напоминающие грохот барабанов и пушечные выстрелы.

Гасконец остановился, чертыхаясь то ли на французском, то ли на испанском языке.

– Эге, приятель, не выронил ли ты буссоль из своей головы? – спросил Мендоса.

Гасконец помолчал, а потом, яростно колотя по кирасе, сжимавшей его грудь, ответил:

– Мне кажется, она испортилась.

– Что?

– Да моя буссоль.

– Это серьезная проблема для моряка.

– Да порой и для сухопутного человека, – ответил авантюрист, казавшийся сконфуженным. – Как же это я заблудился? Ведь я не раз здесь бывал.

– Надеюсь, дон Баррехо, что вы не собираетесь скормить нас кайманам, – заметил сеньор ди Вентимилья.

– Я берегу свои ноги не меньше вас, – ответил гасконец. – Хотите, дам вам совет, сеньор граф? Давайте подождем до рассвета.

– А тем временем вздремнем немножко, – добавил Мендоса. – Смотрите, какая густая и свежая трава. Мы выспимся лучше, чем на койке «Новой Кастилии».

– А кайманы закусят вашими ногами, – сказал гасконец. – Не закрывайте глаз, сеньор, умоляю вас. Я знаю, как опасны здешние болота!

– Есть у вас сигара, дон Баррехо? – спросил граф.

– Запасся, сеньор граф. У меня – кубинские, лучшие из тех, что делают на берегах Мексиканского залива.

– Дайте одну, и будем ждать восхода солнца. Надеюсь, с вашей помощью мы не потеряемся в гуще лесов Сан-Доминго.

– Тише, сеньор!

– Что там еще? Если это кайман, мы вдвоем заколем его своими шпагами. Кстати, я еще не видел, как работает ваша драгинасса.

– Это не кайман! К нам приближается полусотня! Тише!

Все обратились в слух, укрывшись за огромным стволом хлопкового дерева. Казалось, из леса выходит большой отряд. Слышались тяжелые, размеренные шаги людей, привыкших ходить строем.

– Сейчас они нас схватят! – пробормотал Мендоса. – Что за прекрасная ночная прогулка! Лучше бы было остаться в Сан-Доминго.

– Тише, вечный брюзга! – прошептал граф. – Ты хорошо знаешь, что полусотни предпочитают ходить по своим делам. Не шевелись – и никто не будет искать тебя за таким стволом.

– Хорошо сказано, сеньор граф, – вмешался гасконец. – Впрочем, хватило бы одного выстрела из пистолета, чтобы рассеять этих бедняг. С тех пор как губернаторам пришла в голову дурная мысль отобрать у них огнестрельное оружие, бедолаги просто не в состоянии ввязаться в бой.

– Если только при них нет собак, – уточнил Мендоса.

– Вот этого я и боюсь, – продолжал гасконец. – Но у вас же есть четыре пистолета. Дайте мне один – и вы увидите, что они удерут, как зайцы, хотя среди них есть настоящие храбрецы, уверяю вас. Из испанца всегда получается хороший солдат, а даже я, хоть и гасконец, покажу спину, если со шпагой в руках встречу буканьера, вооруженного аркебузой.

– Ну и хвастун! – усмехнулся Мендоса.

– Вы еще увидите меня в деле, приятель, – ответил слегка обиженный солдат. – Тише, они подходят.

Многочисленный отряд вышел из трав и тростников и приближался вдоль края леса. И в самом деле это была одна из тех пресловутых полусотен, вооруженных исключительно алебардами и шпагами, но не имевших ни одного ствола. Отряд состоял из алебардщиков, прикрытых шлемами и кирасами – защиты совершенно неэффективной против крупнокалиберных пуль буканьеров.

Перед отрядом бежал кубинский дог²⁹. Эти свирепейшие собаки вырастают очень большими, они чрезвычайно сильные, их храбрость многократно проверена. Испанцы, как правило, выпускают их против индейцев, жутко боящихся этих озлобленных зверюг. Испанцы должны благодарить собак этой породы за помощь, оказанную ими в завоевании многих колоний на побережье Мексиканского залива. Можно даже утверждать, что Колумбию завоевали скорее эти доги, а вовсе не конкистадоры.

²⁹ *Кубинский дог* – его также называют канарским; крупная порода собак: ростом до 66 см и весом до 45 кг (у кобелей). Испанцы вывели этих сторожевых псов из диких собак местной породы, встреченных на Канарских островах. Доги (Сальгари называет их также мастифами, хотя это уже совсем другая порода) использовались как для охраны, так и для охоты за людьми (преимущественно – индейцами и беглыми рабами).

Пес, подойдя к могучему хлопковому дереву, остановился, с шумом втянул в себя воздух, и полусотня, ведомая офицером, тотчас же расположилась в четыре ряда, опустив алебарды.

– Приятель, – прошептал Баррехо, поворачиваясь к Мендосе, – займитесь этим псом, только не промахнитесь, иначе он перегрызет вам горло.

– С этим делом я справлюсь, – шепнул в ответ флибустьер.

– А о полусотне подумаем я и сеньор граф.

Все трое вооружились пистолетами и стояли бок о бок, готовые обнажить шпаги.

Дог все еще нюхал воздух, повернув массивную голову к огромному дереву, и глухо рычал. Должно быть, он учуял врага.

Кто-то из авангарда полусотни крикнул:

– *Ay, perrito!*³⁰

Пес, услышав эту команду, яростно бросился вперед, надеясь схватить зубами таинственных соперников, не осмеливающихся показаться.

Мендоса, не сводивший с животного глаз, был готов к стрельбе. Он раздробил собаке череп, а в то же время граф и гасконец открыли огонь по полусотне, стреляя не целясь.

Испанцы, полагая, что им противостоит крупный отряд этих ужасных, никогда не промахивающихся буканьеров, моментально исчезли в болотных тростниках.

– Разбежалась полусотня! – рассмеялся гасконец. – А нам теперь придется поработать ногами, потому что завтра утром они вернутся сюда и, когда узнают по нашим следам, что имели дело всего с тремя противниками, пустятся в погоню. Самое время удирать, сеньор граф!

– Такие-то чудесные прогулки совершаются в Сан-Доминго, – сказал Мендоса. – Я лично предпочитаю прогуливаться по палубе «Новой Кастилии».

И они пустились бежать так, словно за ними гналась по пятам стая огромных псов.

Гасконец, обладатель самых длинных ног, мчался с невероятной скоростью вдоль лесной опушки, отступив все же за первые ряды деревьев, из боязни быть замеченным полусотней, оправившейся от неожиданности и снова сформировавшейся для погони.

– Этот плут поклялся уморить меня! – ворчал Мендоса, сопевший тяжело, словно буйвол. – И долго еще будет длиться эта история?

Казалось, гасконец наделен невероятной выносливостью и стальными мускулами, так как он ни на секунду не замедлял свой бег.

Сын Красного Корсара оказался не менее выносливым, у него и скорость была высокой, как будто он давно привык к длинным пробегам.

Это бешеное галопирование продолжалось около часа, потом гасконец остановился.

– Возможно, и достаточно, – сказал он. – Полусотня боится больше нас и не осмелится пуститься за нами в погоню, прежде чем не встретит другую полусотню или не разживется собаками, а на это надо время, и мы сможем добраться до виллы маркизы без новых приключений.

– Но вы же даже не знаете, где мы находимся! – еле выговорил Мендоса, пыхтевший, как кузнечный мех или свежий ночной бриз.

– Если идти не останавливаясь, можно попасть даже в Париж! – парировал Баррехо.

– У меня на родине говорят, что все дороги ведут в Рим, – добавил граф.

– Но не на виллу Монтелимар! – не сдавался Мендоса, бывший, как казалось, в плохом настроении.

– Вы, приятель, все время ворчите на своего капитана. Это нехорошая привычка, – сказал гасконец.

– Исправлюсь со временем.

³⁰ Вперед, собачка! (исп.)

– Вы, пожалуй, уже стары для этого.

– Флибустьеры всегда молоды. Испанцы об этом знают.

– О, я этого не отрицаю, дружище! У вас всегда в груди горит огонь.

– Только вот ваших ног нет.

– Ну, так что мы теперь будем делать, дон Баррехо? – спросил граф.

– Что касается меня, то я бы позавтракал, – сказал Мендоса. – После этой гонки у меня разыгрался акулий аппетит.

– Пока что удовольствуйся своей трубкой, – посоветовал граф. – Если не поможет, затяни потуже пояс.

– Хороший совет, – согласился гасконец.

– Только он никого до добра не доведет, – пробурчал Мендоса. – Вот и займитесь его применением на практике.

– Вы ничего другого не можете предложить, дон Баррехо? – спросил граф.

– Могу, давайте ляжем в эти свежие травы и будем отдыхать до утра.

– А кайманы? – спросил Мендоса. – Совсем недавно вы очень боялись этих животных.

– Они далеко отсюда, а потом, мы же не будем закрывать глаз.

– Поскольку нет ничего лучшего, придется выполнять этот совет, – сказал граф и повалялся в траву, с видимым удовольствием вытягивая ноги. – Уже двое суток, как я и этот вечный ворчун не отдыхали. Не так ли, Мендоса?

– Может быть, и больше двух суток, – проговорил Мендоса, подражая графу.

Гасконец внимательно поглядел во всех направлениях, потом встал на колени, приложил ухо к земле, внимательно прислушался, а потом в свой черед вытянулся в траве, объявив:

– Ничего, мы можем отдыхать.

Но закрыть глаза было нелегко.

Непрерывно рокотали крупные жабы, и рокот их становился все громче; кайманы во всю старались подражать им, а лягушки соревновались между собой в силе своего исступленного посвистывания, как будто все они договорились помешать Мендосе вздремнуть хотя бы с четверть часа.

Было, однако, уже очень поздно, и рассвет вот-вот не замедлит явиться. На широте Мексиканского залива солнце заходит очень рано, но и восход не задерживается.

Летом в половине четвертого небо окрашивается первыми красками зари и гаснут звезды.

Трое флибустьеров (поскольку и гасконца уже можно было причислить к рыцарям удачи) отдыхали пару часов, не прекращая напряженно прислушиваться из страха, что собаки полусотен могут застать их врасплох; и вот мрак начал редеть.

– В дорогу, сеньор граф, – сказал гасконец, быстро поднимаясь. – Я попытаюсь сориентироваться.

– Исправилась буссоль в вашем мозгу? – рассмеялся Мендоса.

– Солнце займется ее проверкой, – парировал искатель приключений.

– Надеюсь, что светило будет хорошим механиком.

– Увидите, приятель.

Они уже собирались отправиться в путь, когда услышали выстрел; стреляли где-то вблизи.

– Полусотня! – подскочил Мендоса.

– Которая стреляет из своих алебард! – заметил с улыбкой гасконец. – Я-то полагаю, что это подходит наш завтрак. Сеньор граф, у вас есть знакомые среди буканьеров?

– Ну, если не меня, то по крайней мере трех корсаров они хорошо знают: Красного, Черного и Зеленого.

– Из этой аркебузы наверняка стрелял буканьер.

– Пошли его искать, – ответил сеньор ди Вентимилья.

Они бегом продрались через густой кустарник и, оказавшись на его окраине, заметили стоящего посреди поросшей травой поляны плохо одетого мужчину, скорее уже пожилого.

На нем был кожаный передник, а голову прикрывала широкая фетровая шляпа; он стоял возле умирающего гигантского дикого быка. Увидев чужих, охотник отступил на несколько шагов и угрожающе крикнул:

– Кто вы? Отвечайте, или я перестреляю вас, прежде чем вы сумеете ко мне приблизиться!

– Мы флибустьеры, переодетые в испанцев, – ответил граф на чистейшем французском языке, потому что именно на нем раздалась угроза. – Я сын Красного Корсара и племянник Зеленого и Черного.

– Черного Корсара! – изумился буканьер, выронив аркебузу и подаваясь вперед. – Того самого вожака, который вместе с Граммоном, Лоренсом и ван Хорном взял Веракрус? Я дрался под его началом! Громы и молнии Бреста! Сеньор, я к вашим услугам! Приказывайте!

VI

Буканьер

Индейцы с больших островов в Мексиканском заливе называли словом «букан» человека, вялившего или коптившего шкуры и мясо убитых на охоте животных, ютившегося в простом шалаше, сооруженном порой из плохо переплетенных веток. От этого слова произошло и название «буканьер».

Эти грозные охотники, поставившие столько людей флибустьерам Тортуги и причинившие столько неприятностей испанцам, предпочитали селиться на острове Сан-Доминго, самом богатом дикими животными.

По большей части это были французские, английские и фламандские авантюристы, бежавшие с родины из-за нищеты или от преследований за преступные деяния.

Одевание буканьеров состояло из грубоотканной рубахи, вечно испачканной кровью, пары штанов из такой же ткани, пояса из необработанной шкуры, к которому цеплялись короткая сабля, пара ножей и две сумки, набитые порохом и пулями, а также бесформенной шляпы и башмаков из свиной кожи.

Самое большое желание буканьера заключалось в обладании хорошей аркебузой, стрелявшей пулями весом в унцию, и сворой в двадцать пять – тридцать блаухаундов³¹, которых используют в охоте на диких быков, весьма многочисленных в те времена в Сан-Доминго, как уже было сказано.

Пищей буканьерам служили плохо прожаренная говядина или свинина, в лучшем случае приправленная перцем или смоченная соком лимона, не всегда посоленная, а пили они простую воду, и не всегда чистую, поскольку жили преимущественно поблизости от болот, где было больше крупной дичи, чем в обширных лесах, занимавших центральную часть большого острова.

Эти неустрашимые охотники не искали других удобств, кроме хибары, недостойной даже тех хижин, которые создают полинезийцы или африканские негры; в таком шалаше им едва удавалось отдохнуть от проливных дождей или палящего солнца.

Живя с самого начала без женщин и детей, они взяли привычку селиться по двое, чтобы помогать друг другу, или брать в обучение новичка, с которым далеко не всегда хорошо обходились.

³¹ Блаухаунд (англ. blood-hound) – ищейка.

В этом странном обществе все было общим, и тот, кто выживал, становился полным наследником сожителя.

И при всем при том существовала определенная общность имущества: то, чего не хватало одному, он запросто, не прося никакого разрешения, брал у другого; отказ в нужной вещи воспринимался как серьезное оскорбление.

Крупные конфликты поэтому возникали между ними крайне редко, а если и случалось такое, то стороны всегда проявляли волю к примирению; если же спорщики все-таки не приходили к соглашению, то дело решалось поединком, но беда была тому, кто стрелял сзади или сбоку!

Виновного хватали, и удар дубиной по черепу отправлял его в мир иной, потому что эти авантюристы считали себя людьми чести, хотя происходили по большей части из низов западноевропейского общества.

Не стоит и говорить, придерживались ли они законов своей родной страны, от которых считали себя освобожденными после пересечения тропиков и морского крещения, церемонии в те времена весьма распространенной в отношении тех, кто в первый раз пересекал экватор.

Возможно, поэтому они отказывались от своих настоящих имен и брали себе другие.

А вот от своей религии они полностью не отказывались, будь то французы, англичане или голландцы, но вся их религиозность сводилась к упоминанию имени Бога и преобразованию его в абстрактную идею, которой они пользовались по своему усмотрению.

Станным был и способ, каким они порой вступали в брак с женщинами, по большей части индианками или же с европейскими пленницами, проданными в качестве рабынь на Тортуге.

– Отныне и навсегда ты должна будешь всегда признавать мою правоту, – произносили эти гордые люди.

Потом, стукнув по стволу своей непогрешимой аркебузы, угрожающе добавляли:

– Вот кто отомстит за меня, если ты откажешься мне повиноваться!

На охоту буканьеры обычно отправлялись на рассвете. Впереди бежали их собаки, а позади шли новобранцы.

Впереди своры следовала ищейка. Найдя дикого быка или кабана, она давала сигнал другим собакам, те с лаем бросались за ней и окружали зверя, дожидаясь прихода хозяина.

Выстрел почти всегда бывал точным, и первым делом сваливший дикое животное охотник надрезал щиколотку.

Если рана была легкой, животное приходило в бешенство и бросалось на охотника, ловкий буканьер всегда успевал спастись, вскарабкавшись на дерево. Оттуда он легко приканчивал выстрелом из аркебузы добычу, поскольку животному не хватало времени убежать.

С него быстро сдирали шкуру, потом буканьер и его помощник вынимали одну из крупных костей, разрубали ее и высасывали еще теплый костный мозг; обычно таким бывал их завтрак!

Пока новичок занимался отделением лучших кусков для вяления или копчения, а потом относил их в хижину, буканьер с помощью собак продолжал охоту, прекращая это занятие только с наступлением сумерек.

Когда у буканьера набиралась солидная партия обработанных шкур, он отвозил ее на Тортугу или в другой излюбленный флибустьерами порт.

Такого рода существование, которое проходило в описанных упражнениях и поддерживалось упомянутыми продуктами, уберегало охотников от множества болезней, которым подвержены другие люди.

Самое большее – их иногда поражала непродолжительная лихорадка, пропадавшая от простого окуривания табачными листьями.

Но длительное напряжение и непогоды должны постепенно истощать буканьеров.

Испанцы, обеспокоенные присутствием этих охотников, которые сплошь были иностранцами, некоторое время позволяли им охотиться, но, как только увидели, что буканьеры начинают обосновываться на полуострове Самана, у порта Марго, в сгоревшей саванне, около Гоньяйвеса, на пристани Мирфолайс, или во внутренних районах острова Авачес, занялись изгнанием чужаков с большого острова и объявили этим несчастным настоящую войну на уничтожение.

И война разразилась жесточайшая.

Испанцы с легкостью устраивали настоящие боины этих обездоленных, которые, несмотря ни на что, никогда не прибегали к ответным нападениям на своих врагов.

Буканьеров часто заставляли врасплох, когда они оказывались в явном меньшинстве во время переходов или отдыхали ночью в своих жилищах; некоторых схваченных охотников зверски убивали, других обращали в рабов, как негров или индейцев, принуждая ударами бичей к тяжелой работе на плантациях.

Разумеется, в результате подобных преследований буканьеров мало-помалу истребили бы те многочисленные полусотни, что прочесывали леса, если бы охотники, хорошенько посоветовавшись, не решились объединиться в целях собственной защиты.

Необходимость охотиться вынуждала их днем рассеиваться, но вечерами они собирались в условленном месте, и, если кого-нибудь не хватало, они делали вывод, что отсутствующего могли убить; тогда они прекращали свои охотничьи набеги до тех пор, пока не найдут исчезнувшего или не отомстят за него.

После этого война дошла до крайней степени ожесточения. До того буканьеры позволяли себя уничтожать; с этого момента они стали прибегать к таким устрашающим расплатам, что буквально весь остров был залит кровью, а названия многих местностей еще и в наши дни напоминают о случившемся там кровопролитии.

Буканьеры, однако, боялись, что не смогут противостоять бесчисленным испанским полусотням, а поэтому после длительной борьбы решились перебраться на маленькие островки, окружающие Сан-Доминго.

На охоту они выбирались только целыми отрядами и отчаянно сопротивлялись, если встречали неприятеля.

Некоторые поселения буканьеров приобрели широкую известность, как, например, деревушка Байаба, расположенная возле крупного порта, который посещали английские, французские и голландские корабли.

Именно буканьеры Байабы, когда однажды недосчитались четырех своих товарищей, организовали большую экспедицию, чтобы освободить друзей или отомстить за них.

По дороге они узнали, что охотников схватили и повесили в Сантьяго; тогда буканьеры казнили доносчиков-испанцев, а потом яростно бросились на штурм города. Приступ удался, и буканьеры растерзали всех, кого нашли за городской стеной.

Всегда находились испанцы, готовые мстить за поражения; только вот очистить от буканьеров леса острова, как того хотели мстители, было очень трудно.

Со временем, однако, испанцы перебили всех диких быков и кабанов, обитавших в лесах и болотах, и этот удар оказался таким губительным для буканьеров, что им впору было решиться либо повернуться к морю, чтобы отыскать новую пищу, либо – к земле, чтобы собирать урожай и торговать им.

Только испанцы обманулись в своих ожиданиях, так как буканьеры из сухопутных охотников превратились в морских бродяг, став теми грозными флибустьерами, которые будут причинять столько убытков испанским колониям Мексиканского залива и Тихого океана.

Буканьер, как мы сказали, услышав слова сына Красного Корсара, выронил аркебузу и сделал несколько шагов вперед, держа шляпу в руках и почтительно приветствуя графа глубоким поклоном.

– Сеньор, – сказал он, – что вы от меня хотите? Для меня было бы большой честью оказаться хоть чем-нибудь полезным племяннику великого Черного Корсара.

– Я ничего от вас не требую, кроме надежного убежища на несколько часов и завтрака, если это возможно, – попросил граф.

– Предлагаю вам столько бифштексов, сколько вы захотите, и превосходный бычий язык, – ответил буканьер. – Я держу про запас для неожиданных посетителей несколько бутылок агуарденте и буду счастлив предложить их вам.

– Как вас зовут?

– Буттафуоко³², – смеясь, ответил буканьер.

– Прозвище, не так ли?

– Свое имя я позабыл, – сказал охотник, нахмутив лоб. – Пересекая океан, все мы забываем свои прежние имена, но вам я могу сказать, что был я сыном добропорядочной семьи из Лангедока. Что вы хотите? Юности порой свойственно совершать плохие поступки... Давайте не будем об этом. Пусть это останется моим секретом.

– Да я вовсе и не хочу его узнать, – успокоил его граф.

Буканьер провел три-четыре раза по лбу огрубевшей, испачканной кровью рукой, словно хотел отогнать давние и болезненные воспоминания, а потом сказал:

– Вы попросили у меня убежище и завтрак; я горд предоставить и то и другое племяннику великого корсара.

Он приложил руку ко рту, засунул два пальца в рот и пронзительно засвистел.

Несколько мгновений спустя из леса вышел юноша лет двадцати или двадцати двух, худой, светловолосый, с голубыми глазами, одетый как буканьер, в сопровождении семи или восьми больших собак.

– Сними шкуру с этого зверя, – приказал ему строго Буттафуоко, – и принеси поскорее язык и котлеты. Мы съедем их сегодня вечером.

Потом, повернувшись к корсару, продолжал с любезностью, странной для человека такой грубой наружности:

– Сеньор, следуйте за мной. Моя бедная хижина и моя жалкая кладовая в вашем распоряжении.

– Большого я и не прошу, – ответил граф.

Буканьер поднял свою аркебузу и медленно пошел, окидывая взглядом кусты скорее по привычке, чем по надобности, потому что собаки не подавали никаких признаков беспокойства.

– А убитого вами быка вы оставите здесь? – спросил граф.

– Мой друг должен находиться недалеко, – ответил буканьер. – Он снимет шкуру и вырежет лучшие куски мяса.

– А остальное?

– Отдадим змеям и ястребам, сеньор, для нас важны только шкуры, которые с выгодой продаются в Пуэрто-Байаде англичанам и французам, в большом количестве прибывающим туда каждые шесть месяцев.

– А испанцы вам не мешают?

– О! Беда, если они нас поймают! Но мы хитры, а кроме того, нас поддерживают флибустьеры Тортуги, наши добрые друзья.

– У вас есть знакомые на Тортуге?

³² Буттафуоко (ит. Buttafuoco) – запал.

– Очень много, сеньор граф.

– Когда вы там были?

– Всего три месяца назад.

– Гронье и Дэвид все еще там? У меня рекомендательные письма к ним и к Тасли. Это самые известные флибустьеры в наши дни. Не так ли?

– Да, сеньор граф, но вам придется поторопиться, чтобы вручить их.

– Почему?

– Потому что они в данный момент действуют на континенте, точнее – на Панамском перешейке, на тихоокеанском побережье. Последние известия от них принесли флибустьеры с острова Сан-Хуан. Они, кажется, занимаются там нападением на галеоны, которые время от времени Перу посылает в Панаму.

– Стало быть, я должен пересечь перешеек, чтобы найти их? – спросил сеньор ди Вентимилья, казалось не слишком обрадованный этим известием.

– Капитан, – вмешался Мендоса, которого насторожило дурное настроение корсара, – Пуэбло-Вейо находится на континенте, и мы не можем подойти к нему на нашем фрегате. Мы посетим этот чудный городок, чтобы позвать руку маркизу де Монтелимару, а потом отправимся разыскивать знаменитых флибустьеров, без которых ничего не сможем делать.

– Ты, как всегда, прав, дружище, – согласился граф, немного успокаиваясь.

– Вот моя хижина, – сказал буканьер, и в тот же момент собаки с радостным лаем бросились вперед.

Под группой великолепных высоких пальм из пальмовой поросли показалось жалкое жилище, построенное из плохо переплетенных веток и нескольких жердей; поверх каркаса были набросаны шкуры, которым полагалось защищать хозяина и его слугу от ливней, время от времени обрушивавшихся с неслыханной силой на остров.

В нескольких метрах, под навесом, помещалась кухня, состоявшая из трех или четырех камней, служивших камином, пары вертелов и глиняного кувшина с водой.

Вокруг сушились бычьи шкуры, хранилось вяленое и копченое мясо, прикрытое огромными банановыми листьями.

– Вот мой дворец! – рассмеялся буканьер. – Здесь многое надо бы починить, да у меня все не находится времени стать дровосеком. Входите, сеньор граф.

Внутри лачуга выглядела не лучше, чем снаружи. Охапка сухих листьев служила постелью – это была единственная мебель охотника, который когда-то, возможно, жил в изысканной роскоши в столице Франции.

К столбам были подвешены огромные ножи, перепачканные кровью по самую рукоятку, гигантские бычьи рога, наполненные, видимо, порохом, кожаные мешочки с пулями и тыквы, служившие бутылками.

– Индейское жилище! – определил граф.

– Хуже, сеньор! – ответил буканьер. – Эти дикари умеют строить хижины куда удобнее нашей... Располагайтесь, сеньоры, а я приготовлю для вас завтрак. Вот и мой помощник с припасами.

Перепачканный кровью с головы до ног юноша шел с трудом, неся на плечах большие куски мяса, вырезанные из бычьей туши, и восхитительный на вид язык.

– Быстрее, Корталь, – резко бросил буканьер. – У нас гости, им надо предложить великолепное жаркое из языка. У нас осталась со вчерашнего холодная свинина?

– Да, – ответил юноша. – А бычья шкура?

– Заберешь ее позже. Никто ее не унесет.

Новобранец бросил мясо в траву, мельком взглянул на гостей, дотронулся окровавленной правой рукой до своей выгоревшей и продырявленной в десятке мест шляпы, потом разжег огонь, в то время как хозяин готовил язык и нанизывал его на вертел.

– Нисколько не завидую жизни этого бедного паренька, – проговорил гасконец, указывая на новобранца. – А ведь и он, возможно, когда-то принадлежал к добропорядочному семейству.

– Сколько времени длится обучение? – спросил граф.

– Обычно три года, – сказал Мендоса. – Потом новобранцы переходят в буканьеры. Но три года продолжаются страдания, с парнями обращаются как с рабами, их не минуют ни побои, ни мучения всякого рода. В повседневной жизни буканьеров вечно сопровождает кровь, поэтому они быстро черствеют: убить что быка, что человека – для них одно и то же. В них есть только одно ценное качество: они честны и гостеприимны.

– А разве новобранец, когда он перейдет в буканьеры, не станет лучше обращаться со своим помощником?

– Дело так обстоит, капитан, – ответил Мендоса, – что они очень хотят выместить на новичке все побои, полученные ими в годы рабства, и все вынесенные мучения.

Пока они так беседовали, Буттафуоко и его слуга в четыре руки готовили обед, правда очень обильный, но и очень простой, потому что состоял он только из куса холодной свинины, плохо прожаренного бычьего языка и пальмовых завязей, которые отчасти заменяли отсутствующий хлеб. Бедным охотникам очень редко удавалось получить немного зерна, и этот день становился для них праздником. Жаркое вскоре было готово; помощник подал его на листе банана вместе с парой огромных костей, загодя перерубленных, чтобы удобнее было высасывать сырой и еще теплый мозг.

– Сожалею, сеньор граф, что не могу предложить больше, – сказал Буттафуоко, старавшийся быть любезным. – Владей я своим старым замком в Нормандии, не так бы принял племянника великого Черного Корсара... Ба! – добавил он, сморщив лоб, и глубокое чувство вырисовалось на его загорелом лице. – Не стоит пробуждать столь далеких воспоминаний. Прошлое для меня умерло, после того как я пересек экватор... Ешьте, господа!

Он разрезал огромным ножом язык и свинину, рассек на несколько кусков пальмовые завязи – и все это с какой-то злобой, выдававшей глубокую взволнованность, потом жестом показал гостям, что можно начинать трапезу.

Ели молча. Граф время от времени поглядывал на буканьера, а тот, видимо, боялся, что гость разгадает его волнение, торопился опустить взгляд или отворачивался, притворяясь, что надо отдать какие-то распоряжения помощнику.

Когда обед закончился, Буттафуоко предложил гостям толстенные сигары, свернутые им самим из табака, видимо украденного с испанских плантаций; потом он обратился к Корталю, трапезничавшему на свежем воздухе, возле очага:

– Дай-ка, дружище, почетную фляжку: в нашем кругу находится граф.

Слуга пошарил под бананом и вытащил огромную тыкву, несколько бокалов из бычьих рогов и понес все это в хижину.

– Сеньор граф, – начал буканьер с нескрываемым огорчением, – я не могу предложить вам ни шампанского, ни бургундского, ни медокского, потому что мы не во Франции. Здесь у нас нет ничего иного, кроме агуарденте, потому что на острове не производят изысканных напитков. А это – мой запас, который я кое-где отыскиваю с риском для жизни... Бывает, ночами он нужен мне, чтобы забыть прошлое, чтобы не плакать... Сеньор граф, примите от чистого сердца.

– Вы взволнованы, Буттафуоко! – сказал сеньор ди Вентимилья.

– Можно быть сильным, сеньор граф, – продолжал буканьер, – можно пересечь экватор, можно поклясться, что забудешь собственную страну... мою Нормандию... мой замок... любимую сестру, которая для меня теперь навсегда умерла... отца-дворянина, который вместе с моей матерью покоится там, в одном аббатстве... Адские муки! Пейте, сеньор граф... и я тоже выпью!

Он порывисто схватил чашу из бычьего рога и залпом осушил ее, а потом закричал:

– Еще, Корталь, еще! Надо залить эти давние воспоминания! Эх, какая печальная судьба выпала на мою долю!

Лицо гордого буканьера страшно изменилось.

Он не плакал, но видно было, что сдержать слезы стоит ему неимоверных усилий. Возможно, он злился, что выдал свой секрет.

– Пейте, сеньор граф, – через несколько мгновений повторил он, осушая вторую чашку. – Вот уж никогда не думал, что приму в этом убогом жилище дворянина из далекой Европы. Конечно, я одно время надеялся, что появится кто-нибудь и случайно найдет меня, но это были пустые мечты.

– Продолжайте, Буттафуоко, – вымолвил граф, – вы ведь среди друзей.

Буканьер опрокинул и третью порцию агуарденте, потом раздраженно махнул рукой и продолжал сдавленным голосом:

– Проклятый Париж! Гнусный обольститель, сдавивший меня в своих лабиринтах! Лучше бы я тебя никогда не видел! Многие тысячи твоих искушений сделали из меня жалкого буканьера, мясника в лесах Сан-Доминго!.. Проклятые карты! Вы меня разорили!

– Но кто же вы? – спросил граф, глубоко задетый жестокой болью, отразившейся на лице буканьера.

– Сами видите, – нервно усмехнулся Буттафуоко, – охотник на быков... жалкий авантюрист. С тех пор как я пересек экватор, у меня больше нет родины, нет семьи, нет дворянского звания, нет ничего, кроме аркебузы, из которой я каждый день убиваю, чтобы не убить свое сердце.

В четвертый раз он опорожнил чашку, налитую ему помощником.

– Прошли годы, – продолжал несчастный, сжимая голову руками, словно пытался подавить терзавшие его мысли, – а я все еще вижу свой замок на берегу пруда, величественно возвышающийся своими башнями и пинаклями; порой ночами я вижу, как прогуливается по террасам нежная девушка, моя сестра; я отдал бы жизнь, лишь бы видеть ее счастливой... Один бретонский барон взял ее в жены... Пусть она будет счастлива и навсегда позабудет своего несчастного брата... Корталь, дай мне еще выпить. У меня жажда, ужасная жажда!

Он несколько минут помолчал, мрачный, дрожащий от волнения, уставившись расширенными глазами в полный стакан, а потом сказал:

– Да, такова жизнь, если уж она стала добычей злого гения. Особенно после жестокого падения! Лучше бы уж в двадцать лет меня прикончил укол шпаги где-нибудь посреди яблоневых садов моей Нормандии! Тогда бы я никогда не увидел Парижа, по крайней мере не спустился бы ступенька за ступенькой в тюремную грязь... не запятнал бы герба своих предков... не забыл бы свою Францию... не сменил бы имя... не стал бы искателем приключений... не бежал бы, как вор... и не вынудил бы плакать это бедное создание – мою сестру!

– Буттафуоко! – закричал граф.

Буканьер вскочил, глаза его расширились, лицо покрылось каплями пота. Он схватил аркебузу, подвешенную на столбе, поддерживавшем хижину, потом быстро вышел и исчез за деревьями.

– Твой хозяин всегда таков? – спросил граф новобранца, неподвижно стоявшего на пороге хижины.

– Я никогда не видел, как он смеется, – ответил Корталь. – Он всегда печален.

– Он не один такой, – вмешался гасконец. – Сколько среди буканьеров встретишь людей, бывших когда-то богатыми и уважаемыми!

– А сколько дворян позабыли Европу в Америке! – не сдержался корсар.

– Верно, сеньор граф, – вздохнул гасконец. – Я, впрочем, быстро забыл По и свой полуразрушенный замок, хотя не видел Парижа с его фатальными соблазнами.

– А сколько порядочных людей он сгубил! – сказал граф. – Лучше уж жить в Провансе! Он в свою очередь вскочил, вышел из хижины и отправился разыскивать буканьера. Охотник исчез, однако в кустах послышались ружейные выстрелы.

Граф только что закончил курить сигару и уже хотел вернуться в хижину, когда увидел вышедшего из зарослей Буттафуоко, еще более мрачного, чем раньше. Присмотревшись, граф заметил, что глаза охотника покраснели, словно он долго плакал.

– Буря прошла? – мягко спросил сеньор ди Вентимилья.

– Ураганы на Сан-Доминго длятся недолго, – с печальной улыбкой ответил буканьер. – Все прошло и уже забыто! Я убил двух кабанов там, на краю болота... Это – мое ремесло.

Граф протянул ему правую руку.

– Пожмите ее! – сказал он.

– Нет, сеньор граф, я больше не достоин коснуться руки почитаемого кабальеро. Мы ведь не в Нормандии.

– Пожмите, говорю вам.

– Хорошо, но не сейчас. Когда мы расстанемся навсегда и я скажу вам, кем был... может быть, тогда... Сеньор граф, солнце зайдет через четыре часа, а до виллы маркизы де Монтелимар далеко. Не хотите ли отправиться в дорогу? Мы придем в Сан-Хосе перед рассветом, а в этих краях лучше странствовать по ночам. Полусотни время от времени прочесывают эти леса; их алебарды не представляют опасности – в отличие от ужасных псов, сопровождающих людей.

– Я готов следовать за вами и во всем подчиняться, – ответил корсар.

– Вы уверены, что маркиза вас не предаст? Мне знакома эта красивая госпожа; я встречал ее несколько раз в окрестностях фактории.

– Она безукоризненно благородна; однажды она уже спасла мне жизнь.

– Этого хватит, – прервал графа буканьер. – Зовите своих спутников, сеньор граф, и предупредите их, чтобы они взяли аркебузы. У меня всегда есть три-четыре ружья в запасе, все – нужного калибра, с пулями весом в унцию.

Услышав команду графа, подошли Мендоса и гасконец, за ними – новобранец, который нес ружья и боеприпасы, словно угадал мысли хозяина.

– В путь, друзья, – сказал сеньор ди Вентимилья. – Буттафуоко будет нам проводником.

Буканьер приблизился к своему помощнику, вопросительно смотревшему на него.

– Ты остаешься здесь, – сказал он с грубой снисходительностью, – и подождешь моего возвращения. Я могу не возвращаться неделю или месяц – не беспокойся обо мне. Если будут угрожать испанцы, укройся в колонии на мысе Тибурон, там мы встретимся. Остерегайся полусотен и позаботься о моих собаках. Прощай!

Резким свистом он подозвал свою любимую собаку и отправился в путь рядом с графом, надвинув поглубже шляпу, чтобы получше уберечься от жгучих солнечных лучей; позади шли гасконец и Мендоса.

Ориентируясь по солнцу, он пересек заросли, скрывавшие его хижину, и решительно направился через лес на запад.

Впереди охотника бежала его собака, время от времени обнюхивавшая землю и поднимавшая глаза на хозяина, словно желая его спросить, правильно ли они идут.

– У вас есть корабль, сеньор граф? – спросил буканьер, после того как они прошли с пару миль.

– Он должен ждать меня у мыса Тибурон, – ответил корсар.

– Вилла маркизы де Монтелимар расположена недалеко от моря. Вы можете увидеть мыс из окна фактории.

– А полусотни не будут искать нас там?

– Кто знает... Они прочесывают остров вдоль и поперек, и никогда не знаешь, где они остановятся. Но маркиза достаточно влиятельна в Сан-Доминго; ей под силу покровительствовать вам.

– Я в этом убедился.

– Тогда вы можете спокойно дожидаться там своего корабля, не подвергаясь опасности ареста, – улыбнулся буканьер. – Знаю, чего стоит эта сеньора.

– Вы с ней знакомы?

– Я видел ее один-единственный раз, когда она верхом ехала через лес; я даже оказал ей при случае небольшую услугу. Не появившись я тогда на ее дороге и не убей ее лошадь метким выстрелом из аркебузы, кто знает, была бы ли еще жива сеньора де Монтелимар и...

Буканьер прервался, а его собака наострила уши и сделала стойку.

– Что такое? – спросил корсар.

– Пока что ничего, – ответил Буттафуоко, слегка нахмурившись.

– Вы, похоже, обеспокоены чем-то.

– Возможно, я ошибся.

– И ваша собака тоже?

Буканьер некоторое время прислушивался, одновременно наблюдая за поведением собаки, которая то поднимала, то опускала уши.

– Мне кажется, я слышал далекий лай.

– Это означает, что по нашим следам идет какая-то полусотня?

– Вполне возможно, сеньор граф. Давайте уйдем с открытых мест и направимся в лес. Там мы будем в большей безопасности.

VII

Охота за людьми

Как раз направо от них находился густой лес.

Буттафуоко, знавший эти места куда лучше гасконца, которому – несмотря на буссоль в мозгах – не удалось бы найти факторию, где можно было бы нанять лошадей, встал во главе маленького отряда, прорубая то и дело проходы в зарослях двумя тесакими, прихваченными в хижине.

Ищейка чудесно помогала ему, находя путь в мрачных лесных зарослях.

Время от времени собака и ее хозяин останавливались, прислушивались, потом возобновляли движение, проявляя признаки беспокойства, что не ускользнуло от внимания графа.

Солнце уже зашло, а они все шли через этот бесконечный лес, как вдруг буканьер остановился перед огромным тамариндовым деревом и сказал:

– Сеньор граф, нас преследуют; бесполезно скрывать это.

– Кто? – спросил корсар.

– Наверняка полусотня, и, может быть, не одна.

– Как вы это узнали?

– Когда живешь в лесах, слух приобретает невероятную остроту и тотчас улавливает самые отдаленные шумы. Повторяю вам – нас преследуют, и, возможно, наши преследователи не так уж далеко.

– Однако я ничего не слышу. А ты, Мендоса?

– Я слышу только пение лягушек и жаб.

– А я еще слышу, как падают листья и плоды, – добавил гасконец.

– Мне же все время слышен отдаленный лай, – сказал буканьер. – Кто-нибудь видел, как вы шли через лес?

– Мы обратили в бегство полусотню и убили их пса, шедшего впереди, – ответил граф.

– Тогда все понятно! – сказал Буттафуоко. – Та полусотня, должно быть, встретила другую, у которой были собаки, и вот теперь этот отряд преследует нас. Они не остановятся, пока нас не настигнут... Скверное дело!

– Давайте попробуем поскорее добраться до поместья маркизы де Монтелимар, – предложил граф.

– Ее имение еще далеко, – ответил буканьер. – Даже если мы побежим изо всех сил, мы не сможем до него добраться раньше восхода солнца.

– А близко ли испанцы?

– Они-то, может, и нет, но их собаки близко, а эти бестии опаснее людей. Я их слишком хорошо знаю! Их неслучайно зовут душителями. Берегитесь их, сеньор граф.

– Что вы решили? Ждать их нападения здесь или продолжить путь?

Вместо ответа Буттафуоко внимательно осмотрел дремучий лес, где перекрещивались бесконечные плети лиан, заплетаясь тысячью узлов вокруг стволов деревьев и свешиваясь с них красивыми гирляндами.

– Попытаемся запутать наши следы, – сказал он, осмотревшись. – Возможно, нам удастся воздушный переход. Надо только действовать быстро и рассмотреть дорогу как можно лучше.

Он забросил аркебузу за спину, вцепился в свисавший с тамаринда пучок лиан и подтянулся на руках.

– Попробуйте сделать то же самое, – сказал охотник.

– Что ж! Полазим по лесным вантам! – согласился Мендоса. – Конечно, я предпочел бы любой морской маневр этому бесконечному маршу... Сеньор Баррехо, представьте себе, что вы находитесь на трехпалубном судне.

Граф, отлично понимавший, что задумал буканьер, быстро вскарабкался по другой связке лиан, показав ловкость искусного гимнаста.

Буттафуоко добрался до крупного сука тамаринда и, все время пользуясь этими прочнейшими природными веревками, перебрался на огромное хлопковое дерево, потом на пальму, потом еще на одну, бесстрашно продолжая свой воздушный путь.

Перебираться с одного дерева на другое было нетрудно, потому что деревья росли так близко, что переплетались своими ветвями. Даже и без лиан такой маневр не представлял трудностей для ловкого человека. Ищейка, которой – увы! – предстояло пасть жертвой жестоких и могучих кубинских псов, следовала за хозяином по земле и жалобно скулила.

– Эта дурашка выдаст нас! – сказал Мендоса буканьеру, воспользовавшись короткой передышкой.

– Точно, – ответил Буттафуоко, поднимая аркебузу. – Очень жаль, но ее смерть необходима.

Едва он закончил фразу, как бедная ищейка рухнула на землю, пораженная не знающей промаха пулей охотника.

– Странно! – сказал буканьер, проводя рукой по лбу. – Мне кажется, я совершил преступление. Так вот! Необходимость в лесу – вне закона.

Он перезарядил аркебузу и прислушался. Далекий лай ответил на ружейный выстрел.

Граф, отлично понимавший, что задумал буканьер, быстро вскарабкался по другой связке лиан, показав ловкость искусного гимнаста.

– Испанцы собрали целую ватагу псов, – заключил он. – К счастью, они могут обложить нас, но достать – им не под силу.

– А полусотня, что идет за ними? – спросил граф.

Буттафуоко пожал плечами.

– Алебарды проигрывают аркебузам, – сказал он. – Я вообще не интересуюсь этими бандами. Продолжим наш путь, сеньоры. Кубинские псы взяли наш след и идут по нему; нам не следует задерживаться здесь, возле трупa моей ищейки.

Он продолжил свою дьявольскую гимнастику, скользя по веткам и лианам, то взлетая вверх, то опускаясь почти до самой земли, избегая при этом касаться ее, чтобы не оставить на почве ни малейшего следа.

Они преодолели еще пятьдесят метров и только что укрылись в листве симарубы³³, когда совсем недалеко послышался яростный лай.

Это появились кубинские доги. Не обнаруживая больше следов беглецов, они выражали свое раздражение отчаянным и угрожающим лаем.

– Они должны были найти труп моей собачки, – сказал буканьер, оседлавший толстый сук подле графа.

– А если и нас обнаружат? – спросил тот.

– Не могу вам сказать, сеньор, – ответил Буттафуоко. – У этих проклятых зверюг великолепный нюх.

– Но мы сидим на очень высоком дереве.

– Вижу, – улыбнулся буканьер. – И все-таки я не абсолютно спокоен. Эти мастифы ужасны, как я вам уже говорил.

– Давайте помолчим.

– Это будет лучше для нас.

Кубинские доги продолжали яростно лаять шагах в пятидесяти. Как и сказал Буттафуоко, они, должно быть, обнаружили труп ищейки и теперь носились по лесу, отыскивая следы беглецов.

Внезапно послышался звонкий лай, отличный от других, более высокий, за которым послышался шорох листвы.

– Они здесь! – сказал Буттафуоко. – Всем молчать.

Мендоса и гасконец приникли к своей ветке, сжимая в руках аркебузы.

То же сделали и Буттафуоко с графом, стараясь оставаться невидимыми. В темноте леса слышался звонкий лай, который постепенно удалялся.

– Ушли! – сказал буканьер графу. – Теперь будьте внимательны: полусотня должна быть где-то близко, я в этом уверен.

– Она приближается? – спросил вполголоса сеньор ди Вентимилья.

– Она всегда следует за собаками. Прислушайтесь внимательно. Слышите?

– Да, легкий шорох.

– Это испанцы идут по лесу.

– А если они нас раскроют?

– Черт побери! Что у них, глаза ягуаров? – возразил Буттафуоко. – Никто из них не выстрелит в нас, уверяю вас. А теперь молчите! Это могут быть только разведчики.

Шорох усиливался, тогда как собачий лай становился все глуше. Возможно, эти ужасные мастифы нашли какой-то старый след и шли по нему с обычным упорством.

Минуту спустя из густого кустарника вышли пятеро вооруженных алебардами солдат и остановились почти под тем же огромным деревом.

– Черт возьми! – выругался один из них. – Куда это провалились эти проклятые собаки?

– Они гонятся за беглецами, Алонсо, – ответил другой.

– Они могут разом задушить их! Их было трое, не так ли?

³³ *Симаруба* (лат. *Bursera simaruba*; или американский бальзам) – дерево из семейства симарубовых; шесть видов симарубы произрастают в Америке, от Флориды и Вест-Индии до центральных районов Бразилии; известно как лекарственное растение.

– По крайней мере, я не видел других, когда они убили нашего Сида.

– Какие же ноги должны быть у этих беглецов, чтобы преодолеть такое расстояние? Бьюсь об заклад, это были буканьеры.

– Ошибаешься, Диас. Эти люди бежали из Сан-Доминго, и они убили бедного Баррехо.

– Карамба! Мы отомстим за него.

– Тише! Собаки возвращаются.

И в самом деле, лай, который несколько мгновений назад слышался еле-еле, теперь стал отчетливой.

Ужасная свора, промчавшись по старому следу, теперь возвращалась сломя голову и неистово лая.

Прошла какая-то минута, и вот двадцать пять – тридцать собак, огромных, грубошерстных, с большими головами и немного выступающими вперед челюстями, очень похожих на американских собак, которых плантаторы Виргинии и Луизианы называют блаухаундами, подскочили к пяти солдатам в таком порыве, что чуть не опрокинули их на землю.

– Зря пробежались, бедняжки, не так ли? – сказал тот, кого называли Диасом. – Не падайте духом. У этих негодяев нет крыльев, а значит мы сумеем их найти.

– Ты, видно, полный дурак, не знающий кубинских собак.

– Да пусть я буду хоть кретином, только они вернулись с опущенными ушами и без добычи.

Взрыв оглушительного хохота последовал за таким ответом.

– А вы трижды кретины! – в бешенстве закричал Диас. – Откуда вас набрали? Может быть, из пресидиоса?³⁴ Или с улицы Алькала³⁵ в Мадриде?

– Карамба! – завопил Алонсо. – Мы рядом с врагами, а вы орете громче наших мастифов! Так-то вы готовите засады? Я все расскажу губернатору Сан-Доминго, и он разоружит вас. Зря, что ли, меня поставили сержантом!

– Принесите ему выпить, и он забудет про свои галуны, – с иронией проговорил кто-то из солдат.

– Еще раз скажешь такое – и я убью тебя, несчастный!

Наступило продолжительное молчание, потом опять послышался голос сержанта:

– Пошли, малышки! Эти плуты не могли убежать далеко.

Собаки, выполняя приказ, разбежались во все стороны и исчезли в зарослях.

Они рыскали туда и сюда, с трудом переводя дыхание, потом опять возвращались к солдатам и глухо лаяли.

– Они чувствуют нас, – прошептал Буттафуоко на ухо господину ди Вентимилье.

– А если обнаружат?

– Трудновато будет. Однако будем готовы перестрелять авангард полусотни, – ответил буканьер. – Моя аркебуза готова.

– И моя тоже.

– Только не стреляйте без моей команды.

Собаки искали добрых четверть часа, потом они опять пустились по старому следу. Не найдя более свежих следов, они упорно шли по старым, оставленным, возможно, каким-нибудь беглым негром.

Авангард полусотни после непродолжительного спора отправился за собаками и вскоре исчез в лесу.

³⁴ Пресидиос (*исп. presidios*) – здесь: каторжники (*presidio* может также означать «тюрьма», «каторга»; «галера»; «крепость, форт»; «гарнизон»).

³⁵ Алькала – одна из центральных улиц испанской столицы.

– Наконец-то мы можем вздохнуть свободно! – обрадовался гасконец. – Мне показалось, что в мои ноги уже вцепились собачьи зубы.

– Эти зверюги нашли бы там мало съестного, сеньор солдат, – насмешливо бросил Мендоса. – Может быть, оттого они и ушли, чтобы поискать икры покруглее.

Несмотря на серьезность положения, все рассмеялись, и даже Буттафуоко.

– Что будем теперь делать? – спросил граф. – Спустимся?

– Это было бы крайне неосмотрительно, – ответил буканьер. – Собаки могут вернуться, найти наши следы и пуститься в погоню. Вы так торопитесь добраться до Сан-Хосе?

– Нисколько. Мой фрегат не уйдет от мыса Тибурон, пока я там не появлюсь, а мой помощник достаточно искусен, чтобы неожиданно нападать на испанские галеоны и побеждать их.

– В таком случае я бы рекомендовал вам провести ночь здесь.

– Так мы станем пернатыми! – сказал Мендоса. – Лишь бы не появились охотники!

– Я уже говорил вам, что в полусотнях нет огнестрельного оружия, – попытался успокоить его буканьер. – Об охотниках с алебардами не стоит и вспоминать! Согласны, сеньор граф?

– Поскольку ничего лучшего нет, а благоразумие требует осторожности, придется провести ночь здесь, – решил сеньор ди Вентимилья. – А вашего новобранца не найдут? Ведь ваше жилище не так уж далеко.

– Уверяю вас, он не даст застать себя врасплох. При нем превосходные собаки, которые заранее предупредят о приближающейся опасности. Я полностью спокоен за него... О! Я же предполагал! Плохи были бы наши дела, если бы мы покинули свое убежище... Видите их, сеньор граф?

– Кого?

– Полусотни. Вон они выходят из лесу, вытянувшись цепочкой. Испанцы, скажу я вам, считают вас очень опасными людьми, потому что оказали вам честь, послав в погоню за вами аж две колонны.

– Могли бы и сэкономить на таком почете, – буркнул Мендоса. – Мне он совсем не нужен.

Граф встал во весь рост и внимательно посмотрел в направлении, указанном буканьером.

Дерево, служившее им убежищем, находилось в нескольких десятках метров от опушки леса, и, поскольку ночь была довольно ясной, флибустьеры могли отлично разглядеть людей, которые приближались по ближней равнине, примыкавшей к прудам и болотам.

Благодаря своему росту граф смог увидеть, как среди высокой травы крайне осторожно продвигаются две полусотни алебардчиков, а впереди них идут с полдюжины новых собак.

– Нас окружают? – спросил граф у буканьера.

Тот не ответил. Он следил за сложным маневром, который как раз в этот момент выполняли обе колонны. Несколько мгновений спустя он процедил сквозь зубы:

– Не только окружают, но и вырубает кусты. – И сердито потряс кулаком. – Пора смыкаться отсюда, пока они не пришли, иначе мы погибли.

Они уже собирались соскользнуть вниз, но тут совсем близко послышался злобный лай, и почти сразу дьявольскими прыжками выскочила свора псов, только недавно умчавшаяся прочь.

– А, чертово семя! – закричал Буттафуоко. – Им таки удалось нас найти. Сеньоры, готовьтесь подороже продать свою жизнь, а главное – цельтесь получше, прежде чем истратить заряд.

Передовые алебардчики приближались ускоренным шагом, науськивая громкими криками злобную стаю. Вероятно, солдаты полагали, что те, кого они ищут, укрылись где-то в зарослях, а вовсе не на могучем дереве.

– *Ay, hiiito!* – слышались крики. – *Ay, perritos!*³⁶

³⁶ Давайте, детки! Вперед, собачки! (*исп.*)

– Пусть один из вас займется пятеркой поводырей, остальные будут вместе со мной вести огонь по полусотням.

– Я займусь проводниками! – вызвался гасконец. – И через полминуты все пятеро улягутся на землю за мертво.

– Бум! – хмыкнул Мендоса. – Ну и хвастун!

Обе полусотни, слышав собачий лай, быстро сомкнули строй, полагая, что им грозит неожиданная атака, но потом опять растянулись, осторожно огибая заросли и готовясь атаковать.

Сражение началось выстрелом. Это гасконец разрядил аркебузу, выбрав одного из неосмотрительно показавшихся солдат авангарда, и его пуля дошла до цели.

Остальные быстро убежали, со своими алебардами и шпагами, годящимися лишь для рукопашной, поскольку не могли вступить в бой.

– Отлично! – похвалил буканьер, увидев убитого солдата. – Авангард пока что выведен из боя и на время поостережется что-нибудь предпринимать. Теперь займемся полусотнями и не дадим им времени окружить нас.

– А псы? – спросил Мендоса.

– Да пусть гавкают. Позже мы подумаем, как от них отделаться.

Он уселся верхом на сук, прижавшись спиной к стволу дерева, и выстрелил.

Громкий крик дал понять, что его пуля, как всегда, попала в цель. Корсар и Мендоса, в свою очередь, тоже открыли огонь.

Полусотни тут же остановились и рассыпались в высокой траве, стараясь стать невидимыми.

– Что же они теперь предпримут? – озаботился сеньор ди Вентимилья.

– Попытаются подползти к нам, – ответил буканьер, казавшийся совершенно спокойным. – Пока у нас есть порох и пули, мы останемся хозяевами положения. Хорошая идея пришла в голову правителям острова заменить аркебузы алебардами! Они сыграли в нашу игру. Вы готовы?

– Да, – ответил граф.

– Цельтесь в траву, особенно туда, где она колыхается. Если будем хорошо стрелять, враги уйдут, не осмелившись пойти на приступ.

Вся троица возобновила стрельбу, тогда как гасконец, не зная, что делать, занялся собаками, осыпая их дождем сухих веток и не решаясь прибегнуть к очень драгоценным в этот момент ружейным зарядам.

Зато как трудился этот brave солдат! Уверившись, что не подвергнется опасности получить пулю от алебардщиков, он обламывал суки и швырял их в собак, заставляя животных выть от боли.

Между тем Буттафуоко, граф и Мендоса продолжали стрелять с продолжительными интервалами, раз за разом заставляя полусотни отступать.

Время от времени в траве вскрикивали, и это означало, что в кого-то из солдат попала пуля. Лучше всех стрелял буканьер: он совершал настоящие чудеса.

Прежде чем выстрелить, он с десятков раз менял положение, то поднимал ствол тяжелой аркебузы, то опускал его, а когда наконец решался на выстрел, почти всегда после него слышался крик или проклятия.

Если уж он и не убивал, то по крайней мере ранил или калечил алебардщиков.

– Что за люди! – бормотал Мендоса, казавшийся сильно пораженным этими выстрелами. – Флибустьеры расхваливают себя, но им никогда не сравниться с буканьерами. Теперь я понимаю, почему им удалось захватить Веракрус и даже Панаму с этим чертякой Морганом!³⁷

³⁷ Генри Морган (ок. 1635–1688) – знаменитый пират и мореплаватель; в 1674 г. получил дворянство, в конце жизни

Однако испанцы оказались достойными потомками тех ужасных конкистадоров, кучки людей, разрушивших две могучих американских империи: мексиканскую и перуанскую. Даже без огнестрельного оружия они стойко удерживали позиции, отважно подставляя себя выстрелам буканьера и его сотоварищей, не теряя уверенности в том, что могут легко справиться с мелкой группкой авантюристов.

Они ползли в траве, горя желанием добраться до дерева и вступить в рукопашную.

Это упорство подействовало на Буттафуоко.

– У них должен быть какой-то план, – сказал буканьер графу.

– Какой? – спросил сеньор ди Вентимилья.

– Не могу догадаться, и это меня начинает беспокоить.

– Возможно, они рассчитывают на собак?

Буттафуоко покачал головой.

– Может быть, позже, – сказал он. – Видите их?

– Нет.

– А вы, Мендоса?

– Я вижу только качающуюся траву, – ответил моряк.

– А я своими по-настоящему гасконскими глазами различаю еще кое-что другое, – сказал дон Баррехо, забравшийся повыше других в надежде выделить кого-нибудь из авангарда.

– Ну, говорите.

– Вяжут пучки.

– Из хвороста?

– Да.

– Если им удастся подобраться сюда, они нас сожгут или по меньшей мере немножко поджарят. Это старый прием, но он не всегда удается. Сеньоры, шпаги у всех есть?

– И остры они как бритвы, – сказал Мендоса. – Клянусь, не хотел бы я их пробовать на своей шее.

– Что вы хотите делать с нашими шпагами, Буттафуоко? – спросил сеньор ди Вентимилья. – Перерубать алебарды? Это было бы плохой игрой.

– Нет, но их можно использовать против этих треклятых собак, – ответил буканьер.

– Если для этой цели, то не беспокойтесь.

– Но я же занимаюсь ими, – напомнил гасконец.

– Вечный хвостун! – проворчал Мендоса. – Такие люди поистине неисправимы.

– Продолжайте стрелять, – сказал буканьер. – И вы тоже, солдат. Авангард, кажется, не имеет желания колоть наши ноги своими алебардами.

– Ну уж до моих они бы точно не добрались, – откликнулся гасконец. – Для этого им потребуется лестница. Сейчас я кладу на землю каждые полминуты по человеку!

И вся четверка вновь, с нарастающим гневом, открыла стрельбу по зарослям. Буканьер, хорошо рассчитывавший свои выстрелы, показывал истинные чудеса меткости, однако испанцы постепенно захватывали территорию, несмотря на огромные потери.

Солдаты падали ранеными или убитыми, но они пробирались через траву, неуклонно приближаясь к кустарникам.

Что они предпримут? Если бы у них была хоть какая-то аркебуза, солдаты, конечно, легко разделались бы с маленькой группкой врагов.

Вероятно, они собирались предпринять безнадежную атаку с холодным оружием.

Буттафуоко пришел в бешенство и отчаянно ругался, не переставая стрелять.

– Неужели не удастся прогнать их? – бормотал он. – Сколько же человек противостоит нам? Или это пустая стрельба по водам Гвадалквивира?

Но напрасно свистели пули над травами, тщетно палили четверо осажденных, все больше входя в раж.

Полусотни, решившие положить конец этому сражению, в ходе которого они уже понесли серьезные потери, по-прежнему приближались и окружали заросли.

– Что скажете, Буттафуоко? – спросил наконец сеньор ди Вентимилья. – Как наши дела?

– Что вы хотите услышать, господин граф? – ответил буканьер. – Я поражен. Никогда в жизни не встречал более отважных людей. Эти солдаты изумительны! На их месте я бы давно удрал!

– А они тем временем не перестают удивлять нас, – сказал Мендоса.

– Этого я жду, – ответил буканьер, – и даже боюсь. Такая настойчивость наводит на размышления.

– Чего вы боитесь, Буттафуоко? – спросил сеньор ди Вентимилья.

– Не знаю, и это меня беспокоит.

– Клянусь всеми акулами Бискайского залива! – чертыхнулся гасконец. – Дело начинает принимать запутанный оборот.

– Но вы же гасконец, а потому вмиг распутаете его, – съязвил Мендоса.

– Под нами собаки.

– Волки для гасконцев опаснее.

– Замолчите и продолжайте стрелять, – оборвал их буканьер. – Подначками бой не выигрешь.

– Ха! И это он называет боем! – пробурчал Мендоса. – Я назвал бы эту перестрелку ничтожной стычкой!

Четыре выстрела прогремели один за другим, обратив в бегство полдюжины испанцев; остальные, однако, остались в зарослях высокой травы и продолжали отважно приближаться к лесу; некоторые уже добрались до опушки.

– Адское отродье! – Буттафуоко отбросил свою шляпу. – Теперь мы их не остановим.

– Испанцев?

– Если они пойдут сквозь заросли, ничей глаз не сможет рассмотреть их – и ни одна пуля в них не попадет. Что они намерены делать? Изжарить нас? – Он обернулся к гасконцу, который спустился на один из самых нижних суков. – Сеньор солдат, займитесь-ка сворой, воющей прямо под нами. У вас должно остаться не менее шестидесяти зарядов.

– Надеюсь, что их больше, – ответил гасконец, отличавшийся великолепным умением сохранять хладнокровие.

– Так как авангард оставил вас не у дел, перестреляйте этих чертовых мастифов.

– Предпочел бы уничтожать людей, – возразил Баррехо.

– Но они-то как раз представляют меньшую угрозу! Я же доверил вам более трудную задачу.

– Почетный пост, – рассмеялся Мендоса.

– Как-никак, – ответил гасконец. – Если эти твари опаснее людей, берусь сделать из них гигантскую яичницу.

Он поднял заряженную аркебузу и, хорошенько прицелившись, уложил самого большого пса, разmozжив ему голову.

– Один есть! – сказал он. – Этот уже не будет кусать мои икры.

Пока гасконец управлялся с лаявшими во все горло вокруг дерева мастифами, которым не терпелось пронзить своими ужасными зубами плоть беглецов, Буттафуоко, граф и Мендоса не прекращали вести огонь, время от времени стреляя наобум по солдатам, скрывшимся уже в лесу. А героические солдаты старой Испании, не припадая к земле под этим непрекращающимся ружейным огнем, подвергавшим недюжинному испытанию их храбрость, не переставали приближаться; они были полны решимости добраться до огромного хлопкового дерева и

схватиться врукопашную. Учитывая их численность, они были уверены, что легко справятся с противником.

Однако они имели дело с людьми, готовыми дорого продать свои жизни.

Гасконец продолжал уничтожать собак, а в это время Буттафуоко, наскоро переговорив с графом, приказал Мендосе прекратить огонь.

– Надо спускаться и попытаться пройти через болота, – сказал буканьер.

– Разве мы сможем прорвать железное кольцо, которое сжимается вокруг нас? – спросил сеньор ди Вентимилья.

– Если всем вместе неожиданно выстрелить, то откроется вполне достаточный проход.

– А после?

– Мы пойдем через болота.

– Мне говорили, что в этих болотах есть банки зыбучих песков.

– Они мне известны.

– А собаки?

– Ваш товарищ бьет по ним с удивительным мастерством. Еще несколько минут – и под нами больше не останется ни одного мастифа... О, вот чего я боялся!

Зловещая вспышка сверкнула недалеко от дерева, потом к стволу бомбакса швырнули вязанку хвороста, прогнав пять или шесть собак, укрывавшихся от выстрелов гасконца.

Сразу же вверх пошел плотный, удушающий дым, вызывавший у осажденных жестокий кашель и слезы.

– Перечное дерево! – крикнул Буттафуоко. – На землю, друзья, иначе мы погибнем! Отставьте аркебузы и приготовьтесь поработать шпагами. Вниз!

В это время возле дерева упала вторая вязанка, тоже состоявшая из веток красного кайенского перца, дававшего прямо-таки адский дым.

– Аркебузы заряжены? – спросил готовившийся к прыжку Буттафуоко.

– Да!

– Вниз! И шпаги в руки!

Вся четверка спустилась на землю.

Огромный мастиф бросился на буканьера, пытаясь достать до горла, но охотник ожидал нечто подобное; он с удивительной легкостью отскочил назад, схватил ружье за ствол и раздробил собаке череп, нанеся сильный удар прикладом.

Не лучшая судьба ждала двух других псов, бросившихся на графа и гасконца. Два молниеносных выпада шпагой – и оба мастифа рухнули на землю с перерезанным горлом.

– Огонь по солдатам! – приказал буканьер.

Испанцы уже подбегали с алебардами наперевес, крича во весь голос:

– Сдавайтесь! Вы арестованы!

В ответ раздались четыре ружейных выстрела; воспользовавшись замешательством осаждавших, буканьер и его товарищи пустились во весь дух к лесной опушке, пытаясь добраться до болот.

Гасконец, обладавший более длинными ногами да к тому же весь состоявший из мускулов и сухожилий, мчался, словно снаряд. Хуже всех, пожалуй, пришлось Мендосе, хотя отстал он ненамного.

Испанцы пустились за ними, крича что-то неразборчивое и науськивая двух оставшихся у них собак.

Правда, казалось, что бедные животные, видимо испуганные бойней, устроенной их товарищам, не очень-то желали познакомиться с аркебузами и шпагами страшных противников, а поэтому не осмеливались убежать слишком далеко вперед.

За какие-то пять минут беглецы пересекли крохотную равнину и достигли кромки болот.

– Стойте! – закричал Буттафуоко. – Здесь могут быть островки зыбучих песков. Сдерживайте испанцев, пока я не найду прохода.

Преследователи, увидев, что четверка беглецов остановилась и с решительным видом взялась за аркебузы, тоже встали, не осмеливаясь подставляться под огонь таких метких стрелков.

Буттафуоко проследовал по языку суши, частично поросшему тростником и травой, и решительно пошел вперед в поисках прохода, по которому они смогли бы выбраться в какое-нибудь безопасное место.

Граф и два его спутника укрылись за стволом дерева, то ли рухнувшего от старости, то ли поваленного молнией, и возобновили стрельбу, убив двух офицеров, командовавших полусотнями.

Алебардщики, испуганные устрашающей меткостью этих выстрелов, снова бросились в заросли трав, не находя возможностей для атаки.

В этот момент они определенно не благодарили правительство, лишившее их огнестрельного оружия.

Тем временем граф и его товарищи продолжали довольно частую стрельбу, а Буттафуоко продолжал нащупывать путь по болоту, казавшемуся бесконечным.

Он очень боялся наткнуться на зыбучие пески, которые если уж захватывали добычу, будь то человек или животное, то уж не отпускали ее никогда. Буттафуоко выломал палку и шел по воде, проверяя этой палкой дно. Вдруг граф увидел буканьера, возвращавшегося бегом, с радостным лицом.

– Ну и что? – спросил сеньор ди Вентимилья, стреляя из аркебузы в точку, где он увидел шлемы алебардчиков.

– Нашел проход, – ответил буканьер. – Может быть, он неширокий, но для нас этого хватит.

– А кайманы?

– Не забивайте себе голову этими тупыми животинами. Они не причинят нам много неприятностей. Зарядите аркебузы и следуйте за мной! И все время будьте готовы к нападению собак!

Граф и его товарищи поспешно перезарядили ружья, а потом последовали за буканьером, бежавшим вдоль обнаруженного им языка твердой земли.

Две собаки, увидев убежавших врагов, воспрянули духом; испанцы, со своей стороны, поняли, что преследуемые уходят из окружения. Они поднялись и в бессильной ярости замахали алебардами.

Через полминуты беглецы достигли оконечности твердого выступа.

– Шпаги из ножен и берегите заряды! – крикнул Буттафуоко.

Граф и два его спутника... возобновили стрельбу, убив двух офицеров, командовавших полусотнями.

Собаки уже настигали их, подгоняемые криками хозяев. Граф, сохранявший изумительное хладнокровие, вонзил свою шпагу в широко раскрытую пасть первого пса, просунув ее до половины корпуса, тогда как Мендоса и гасконец смело атаковали другую собаку. Двойной визг дал Буттафуоко понять, что оба опасных противника получили по заслугам.

– В воду, сеньоры, – сказал он, – и будьте очень внимательны, идите прямо за мной, потому что справа и слева от вас простираются зыбучие пески. Кто оступится, попадет на них – больше не выйдет. Если испанцы будут преследовать нас, стреляйте в них время от времени, но по одному. Кайманами займусь я.

Они вошли в тинистую болотную воду влажной саванны, погрузившись до пояса, и почти перестали обращать внимание на испанцев, быстро продвигавшихся по твердой земле в надежде схватить беглецов или увидеть, как тех затягивают предательские пески.

Буттафуоко непрерывно ощупывал дно палкой и пытался ускорить движение, то и дело спотыкаясь о водоросли, не менее коварные, чем пески.

Так они сделали около пятисот шагов, когда невдалеке перед ними возник островок, покрытый густой растительностью и, казалось, имевший значительную протяженность.

– Вот прекрасное убежище! – сказал Буттафуоко. – Если дно там хорошее, то под сенью этих растений нам нечего бояться не только двух, но и целого десятка полусотен. Мне даже кажется, что у испанцев нет желания лезть в воду, по крайней мере сейчас. Черт побери! Зыбучие пески на всех нагнали слишком много страха!

Постоянно ощупывая дно, продвигаясь с крайней осторожностью, буканьер добрался до островка и вышел на берег, цепляясь за жесткие, кожистые растения, они настолько скверные, что даже козы от них отказывались.

Глазам буканьера открылся массив кудрявящейся пассифлоры. Эти выюнки растут очень быстро, образуя красивейшие фестоны; цветки у них пурпурные, с белыми пестиками и тычинками, с молотками, гвоздями, терновым венком и всем прочим инструментарием страстей Господних; потом эти цветки превращаются в желтые яйцевидные плоды величиной с маленькую дыню. Местные жители очень ценят эти плоды, особенно сваренные с вином и большим количеством сахара.

– Это, должно быть, маленький рай! – пробормотал Буттафуоко. – Возможно, испанцы окружают нас здесь, но я не верю, что им удастся уморить нас голодом, как они рассчитывают.

– Мы уже пришли домой? – спросил Мендоса.

– Кажется, – ответил Буттафуоко.

– А наши кредиторы и здесь будут досаждают нам?

– Похоже, на сегодня они отказались приставать к нам, точнее – на эту ночь.

– Мы имеем дело с воспитанными людьми, – сказал гасконец.

– Однако, если бы им удалось скрутить вам руки за спину, не знаю, мой дорогой сеньор солдат, сохранили бы вы столько остроумия, – улыбнулся буканьер.

– И это вы говорите мне? О, я знаю этих господ слишком хорошо. Черт побери! Они воздерживаются от шуток с буканьерами.

– Как и буканьеры с ними, – парировал Буттафуоко. – Нас здесь четверо, и я очень сомневаюсь, что их осталась полная сотня. Сеньор граф, хотите поспать несколько часов? Пока что никакая опасность нам не угрожает.

– Моряки привычны к долгим бодрствованиям, и сейчас мне нисколько не хочется отдыхать, – ответил сеньор ди Вентимилья.

– А я предпочел бы хороший ужин, – сказал Мендоса. – Просто не знаю, куда делись съеденные мной бычий язык и свиное жаркое. Вероятно, после такой бешеной гонки они скопились у меня в пятках.

– Я же их чувствую в пальцах ног, – вторил ему с комической серьезностью гасконец.

– Я голоден не меньше вас, – сказал буканьер, – но вам придется ждать рассвета вместе со мной. Я не могу ловить птиц по ночам, а здесь, кроме птиц, ничего съедобного нет.

– Да и это будет слишком много, – улыбнулся граф.

– В болота Сан-Доминго обычно прилетает очень много птиц, сеньор, и сытного завтрака мы не лишимся, лишь бы испанцы оставили нас в покое.

– Вы думаете, они решатся на новую атаку?

– Теперь, когда у них больше нет собак, которые и составляют истинную силу полусотен, они, пожалуй, и не осмелятся напасть. Но вполне возможно, они послали людей за подкреплениями. Впрочем, это меня мало волнует.

– А если они окружат болота? – спросил сеньор ди Вентимилья.

– О! Да для этого потребовалась бы сотня подобных отрядов, и губернатор Сан-Доминго никогда не наберет такого количества солдат. Я нашел проход; если понадобится, найду и другой. Пока придут подкрепления, мы будем уже в Сан-Хосе, в фактории маркизы. Там нам не страшна никакая опасность, насколько я знаю интенданта.

– Это и в самом деле поразительный человек, – сказал Мендоса. – Флибустьерам чрезвычайно повезло. Видно, поэтому испанцы считают нас внуками и правнуками Вельзевула! И это уже кое-что значит.

Буканьер с графом улеглись под пассифлорой и внимательно наблюдали за передвижениями испанцев, абсолютно неагрессивными, потому что они не осмеливались сдвинуться с маленького полуострова, выступавшего из болотных вод.

Буканьер с графом обращали внимание и на воду, в особенности на заросшие водой участки акватории, опасаясь, что кайманы незаметно подберутся к островку и бросятся на беглецов.

А этих безобразных животных могло быть немало в болотной жиже, только они не показывались. Вероятно, они еще не обвыклись с присутствием людей на острове. Когда стало светлеть, буканьер и граф, убедившись, что испанцы все еще находятся на полуострове, вышли на небольшую рекогносцировку островка; они пытались найти проход, который позволил бы им скрыться от наблюдения своих противников. На этом клочке суши в изобилии росли понтедерии, красивейшие кустики со сверкающими зелеными листьями и голубыми цветками, и аристолохии с овальными листьями, мертвенно-бледными цветками в форме сифона, бочкообразным стеблем и могучими корнями, вылезающими из земли, подобно гигантским змеям.

Хватало также растений с высокими стволами. Тут и там высились группы дубов, остроконечных магнолий, отягощенных похожими на огурцы ярко-красными плодами, которые с успехом применяются для лечения перемежающейся лихорадки, а также гигантских размеров черные орехи с очень густыми листьями.

Многочисленные пернатые мелькали перед корсаром и буканьером. Во-первых, здесь были морские вороны величиной побольше петуха, очень свирепые, поскольку они осмеливаются нападать даже на раненых людей, не имеющих возможности защищаться; были также фламинго, зеленые танталы³⁸, белые ибисы, выпи, высокие, почти двуногие красивейшие птицы с темными полосатыми крыльями, сероватым брюшком, очень острым клювом и серыми, очень нежными глазами.

– Займемся прежде всего проходом, – сказал буканьер графу, который собирался было настрелять дичи на хороший завтрак. – У нас будет время поохотиться на этих пернатых, не очень-то, кажется, обеспокоенных нашим присутствием.

– Вы надеетесь найти проход?

– Эх!.. Здешние саванны труднопроходимые, потому что дно слагают зыбучие пески. Но я все же надеюсь отыскать твердый грунт, который позволит нам оторваться от испанцев. Вы уверены, что ваше судно все еще ждет вас у мыса Тибурон?

– Оно не поднимет паруса без моего приказа, – ответил граф.

– В таком случае мы можем идти в факторию маркизы. Без ее поддержки вам трудно будет покинуть Сан-Доминго. Теперь все полусотни будут мобилизованы, чтобы поймать вас. Трех знаменитых корсаров до сих пор не могут забыть, и испанцы должны очень испугаться,

³⁸ *Тантал* – вид аиста, распространенный в тропической Америке.

узнав, что здесь находится четвертый, который еще бороздит волны Мексиканского залива. Теперь они просто не знают, что делать.

– Возможно, именно это их и тревожит, – сказал граф. – Они не знают, зачем я приехал сюда. Разумеется, я пересек Атлантику не ради того, чтобы продолжить дела отца и его братьев.

Буканьер резко обернулся и внимательно взгляделся в лицо сына Красного Корсара.

– Значит, месть? – спросил он.

– Месть будет позже, – ответил сеньор ди Вентимилья. – Сначала мне нужно сделать кое-что другое.

Он остановился и в свою очередь внимательно взгляделся в буканьера.

– Вы были на Дарьене? – внезапно спросил он.

– Да, с ван Хорном, – ответил Буттафуоко.

– Значит, вы хорошо знаете тот край?

– Достаточно хорошо. В тот раз перешеек удалось пройти только с помощью Великого кацика³⁹, смертельного врага испанцев... А после был штурм Гранады.

– Как звали того кацика?

– Ара.

– У него были дочери, не так ли?

– Да, сеньор граф.

– Их дали в жены знаменитым флибустьерам?

– Об этом я ничего не знаю, – ответил Буттафуоко.

– Это он.

– Кто?

Граф, не отвечая, принялся рассматривать поверхность влажной саванны, расстилавшейся перед ним, покуда видел глаз. Тут и там водную гладь разрывали островки и мелководья, поросшие высоким тростником.

– Нам обязательно надо идти этим путем? – спросил он после долгого молчания.

– Да, сеньор граф, – ответил Буттафуоко. – Назад нам возвращаться нельзя: мы расстаемся с жизнью. Я уверен, что испанцы послали гонцов за подмогой и вновь прибывшие полусотни будут вооружены уже не одними алебардами.

– Когда мы выходим?

– Сегодня вечером, чтобы наш противник не узнал, в каком направлении мы пошли.

– А далеко еще до фактории маркизы?

– Она ближе, чем вы думаете, – ответил Буттафуоко. – Если идти быстро, мы могли бы добраться до нее за пять-шесть часов.

– Тогда позаботимся о завтраке.

– Подождите, сеньор; прежде всего необходимо найти берег, иначе мы не выберемся с этого островка. Я сломаю палку, возьму с собой аркебузу на случай, если придется стрелять в кайманов, и пойду исследовать дно.

Он прошел шагов пятнадцать, и тут же граф увидел, что буканьер возвращается.

– Нам чудесным образом повезло, – сказал он. – Дно отличное, никаких песков нет. Сеньоры испанцы, подождите нас немного, а когда вы отправитесь в путь, то не найдете никого, кроме кайманов... Сеньор граф, теперь займемся завтраком. Это не отнимет много времени. Собьем полдюжины белок – вот и жаркое.

Они продолжили путь, обращая особое внимание на ореховые деревья, и почти сразу же открыли огонь.

Между огромными ветвями взрослых деревьев отчаянно прыгали или, скорее, летали грациозные зверьки размером чуть больше мыши, с серо-жемчужной шерстью на спине и

³⁹ Кацик (касик; исп. cacique) – индейский вождь в Мексике, Вест-Индии, Центральной Америке.

серебристо-белой на животе, маленькими черными глазками, розовой мордочкой и великолепным хвостом, похожим на страусиное перо.

Это были летучие белки; испуганные присутствием двух неизвестных существ, они пытались спастись, словно заранее разгадали пагубные намерения буканьера.

Они немного напоминали европейских белок, но отличались от них шерстистой перепонкой, соединяющей задние лапы с передними, что позволяло зверькам совершать настоящие полеты шагов на пятьдесят и даже больше.

Однако они столкнулись с великолепным стрелком – и вот уже через пять минут семь или восемь грациозных грызунов, подстреленных буканьером, лежали у его ног вместе с большим количеством орехов, которые с успехом могли заменить любой фрукт.

Мендоса и гасконец, имея дело с таким знаменитым охотником, уже представляли себе отличный завтрак, а потому разожгли весело полыхавший костер и набрали ароматных трав, чтобы жаркое было вкуснее. Четверо беглецов в несколько минут освежали зверьков, насадили тушки на железный шомпол одной из аркебуз и поместили их над углями на две деревянные рогатины, вкопанные в землю, то и дело поворачивая свой примитивный вертел.

Мендоса исполнял обязанности повара, после того как гасконец напыщенно заявил, что может съесть хоть шесть бекасов одного за другим, но готовить их не умеет.

Моряк не стал ни протестовать, ни ворчать. Он даже с восхищением взглянул на такого замечательного едока и только поинтересовался, почему гасконцы, отличающиеся обжорством, никогда не толстеют.

Не стоит и говорить, что вопрос этот остался без ответа. Дон Баррехо просто не знал, какое объяснение дать сему примечательному факту. Тем не менее все белки до единой быстро исчезли, и большая их часть проследовала в желудок гасконца.

Покончив с завтраком, четверка сразу же занялась испанцами, все еще опасаясь неожиданного нападения.

Испанцы же, казалось, в данный момент не обращали никакого внимания на беглецов.

На самом кончике полуострова они разожгли костры и спокойно завтракали – видимо, черепахами, поскольку этими ценными рептилиями изобиловали окрестности местных болот.

– Ждут подкреплений, – сказал Буттафуоко графу. – Если мы не поспешим убраться, они обложат болота, и тогда только везение поможет кому-то из нас выйти из окружения. Правда, пройдет несколько дней, прежде чем подкрепления подойдут, потому что полусотни сосредоточены только в определенных местах. Ясно, что мы не будем ждать этого ужасного момента и просочимся через болота и даже через зыбучие пески. Ну а потом, сеньор граф, маркиза позаботится о вашем спасении.

– Позаботится во второй раз, – уточнил граф.

– Для нее нет трудностей, – сказал Буттафуоко.

Он открыл кожаную сумку, которую носил на боку, и предложил графу большую сигару:

– Так вы можете обмануть время. Это кубинский табак. Я получаю его от флибустьеров с Тортуги. Лучших сигар вы не найдете, уверяю вас.

Граф протянул руку за сигарой, но в этот момент послышался ружейный выстрел и над беглецами просвистела пуля.

Баск резко встал и схватился за свою аркебузу.

– Сеньор граф, – встревожился буканьер, – к испанцам подошло подкрепление, они готовятся перестрелять нас.

Потом он обратился к Мендосе и гасконцу:

– Сражение начинается. Будьте осторожны!

VIII

Через болота

Буканьер и его товарищи бросились за деревья, выбирая для укрытия особенно толстые стволы черного ореха, которые могли стать абсолютно непроницаемой баррикадой, по крайней мере сейчас.

Отряд, состоящий из двух вооруженных аркебузами полусотен, продвигался вдоль полуострова, постреливая время от времени. Солдат сопровождала дюжина огромных собак.

Это была серьезная сила, которая могла причинить немалый вред беглецам, несмотря на то что их разделяла широкая гладь болотной воды и у беглецов был почти гарантированный путь отхода.

– Они полны решимости поймать нас! – сказал Буттафуоко, внимательно наблюдавший за передвижениями нападавших.

– Они пойдут в атаку? – спросил граф.

– Пока нет, разумеется, – ответил буканьер. – Сначала они должны найти надежный грунт. Мы прошли по этой дорожке, а она не столь широка, чтобы позволить пойти в общую атаку. Они вынуждены продвигаться гуськом, и у нас есть возможность перестрелять их поодиночке. Я больше забочусь о своей шкуре, чем о них.

– Хорошо сказано, – похвалил Мендоса.

– А мы ведь такие люди, что не боимся даже дьявола! – вставил гасконец. – Если он появится здесь, я отрублю ему нос кончиком своей шпаги.

Полусотни тем временем соединились, заняв всю оконечность маленького полуострова.

Стрелять солдаты перестали, посчитав это бесполезным занятием. Офицеры о чем-то оживленно переговаривались, показывая на болото, а в это время несколько солдат, вооружившись длинными палками, начали разведку дна, чтобы найти тропу среди зыбучих песков.

Собаки бегали вдоль берега, яростно облаивая островок; они нетерпеливо ожидали начала атаки. Некоторые из них даже бросились в воду и плавали туда-сюда.

Привыкшие к охоте на людей, собаки ждали только сигнала хозяев, чтобы отважно броситься вперед, и этот сигнал они вскоре услышали.

Солдаты, занимавшиеся их дрессировкой, дали несколько свистков, все собаки проворно бросились в воду и поплыли плотной группой.

– Дон Баррехо, берегите ноги! – сказал Мендоса, поднимая аркебузу. – У этих зверюг большое желание полакомиться вашими икрами.

– Лучше о своих позаботьтесь, – ответил гасконец. – Я не только собак, но даже и львов не боюсь. Таковы люди с берегов Бискайского залива.

– Да ведь и я оттуда.

– Замолчите и следите за мастифами, – приказал буканьер. – Как только они подплывут на расстояние выстрела, стреляйте.

Собачья свора бойко плыла к островку, а их хозяева не переставали подстегивать псов громкими криками.

От берега пловцов отделяло не больше пятидесяти метров, когда вдруг какое-то возбуждение охватило свору.

Собаки перестали продвигаться вперед и яростно лаяли, поворачивая головы к солдатам, словно прося у них помощи.

– Ха-ха-ха! – расхохотался гасконец. – Они нашли свою пищу, да не им суждено ее съесть!

– Что случилось? – спросил граф.

– Все очень просто, – ответил дон Баррехо. – Скоро они потеряют свои конечности, вместо того чтобы сожрать наши! Жакаре⁴⁰ очень любят собачье мясо. Вы увидите классическую атаку!

– Да, появились кайманы, – сказал Буттафуоко. – Они помогут нам сохранить заряды.

Мастифы принялись жалобно скулить и, отвернув от островка, в отчаянии поплыли к полуострову.

Внезапно из воды показалась безобразная голова, вооруженная двумя страшными челюстями, и схватила последнюю из собак, перекусив ее пополам.

Чудовищный кайман вступил в схватку.

⁴⁰ Жакаре (порт. *jacaré*) – португальское название каймана.

— Дон Баррехо, берегите ноги! — сказал Мендоса, поднимая аркебузу. — У этих зверюг большое желание полакомиться вашими икрами.

Влажные саванны Сан-Доминго больше, чем водоемы на других крупных островах Мексиканского залива, населены огромными и жестокими пресмыкающимися, вгоняющими в страх самых отважных охотников.

Выживаемость у них исключительная: они не погибают, даже когда сильная жара иссушает всю воду в лагунах.

В такие периоды они перебираются в стоячую воду, прячутся в ней, особенно там, где обильно колосятся травы, и, подремывая, ожидают периода сильных дождей.

Тогда они набирают воздуха в легкие и перемещаются в глубокие воды. Именно в это время они больше всего опасны, потому что, гонимые голодом, бросаются на людей и животных.

Они питают слабость к свиньям и собакам. Они решаются бог знает на что, лишь бы полакомиться этими животными.

Мастифы, которых испанцы послали на островок, увидев гибель одного из своих собратьев, лихорадочно поплыли назад, упорно преследуемые целой ватагой кайманов.

Время от времени под водой с отчаянным воем исчезал очередной мастиф, но не сразу, а постепенно, словно кайманам нравилось наслаждаться медленной агонией своих жертв. Даже будучи голодными, кайманы никогда не сжирают добычу целиком. Добрую половину туши они закапывают в ил, оставляя мясо там тухнуть.

Испанцы, увидев, какая опасность нависла над их животными, открыли яростный огонь по свирепым разбойникам, которые, лязгая своими огромными челюстями, вооруженными страшными зубами, с наскока нападали на собак.

Буттафуоко поднялся:

– Пока кайманы собрались на этой стороне островка и наши враги заняты, воспользуемся моментом. Следуйте за мной и не покидайте тропы.

Все время прячась за огромными стволами ореха, они достигли берега и вошли в воду. Буттафуоко шел впереди всех, не переставая зондировать дно.

Никто не заметил их бегства. Испанцы ввязались в настоящую битву с кайманами, которые собрались сюда со всех концов саванны, привлеченные жалобным скулежом мастифов.

Слышно было, как они проплывают мимо по трое – по четверо, быстрые, словно стрелы, с морщинистыми спинами, покрытыми болотными растениями.

Буттафуоко продвигался быстро, следуя по тропе, которая, казалось, едва достигала пары метров в ширину. Хотя вода была неглубокой, не больше трех-четырех футов, идти было довольно трудно.

Перед ними взлетали тучи птиц, поднимаясь над тростниками и угрожая выдать местонахождение беглецов.

Это были всё весьма ценные птицы: группы улитов, птиц по большей части величиной с жаворонка, с длинными ногами и нежнейшим мясом, и мелких уток, размером не больше голубя, с черно-фиолетовой головой, белой полосой на макушке и голубоватыми глазками.

– Эти края – суший рай, – пробурчал Мендоса, следивший вытаращенными глазами за полетами пернатых. – Жаль, что нельзя остановиться здесь на несколько недель! Держу пари, что даже худющие ноги этого хвастуна-гасконца округлились бы, так что он стал бы желанным кормом для испанских собак. Ну ладно!.. Мы еще вернемся сюда позднее, если выпадет мирная передышка!

Отступление продолжалось в ускоренном темпе, ибо Буттафуоко боялся, что испанцы заметят бегство своих противников и, освободив собак, бросятся завоевывать островок.

К счастью, тропа через болото продолжалась, и буканьер, привычный к подобным походам, не обманывался в надежности дна.

Его палка постоянно погружалась то слева, то справа от тропы; буканьер очень внимательно следил, не преградят ли путь зыбучие пески, и уверенно шел по тропе, то и дело предупреждая спутников:

– Не отклоняйтесь в стороны, идите строго за мной. И с одной стороны, и с другой нас караулит смерть.

Через двадцать минут быстрой ходьбы они достигли второго островка, который был гораздо меньше первого и куда более топким. Тут и там виднелись гнезда кайманов.

На берегу было полно маленьких конусов высотой не больше фута, состоящих из беспорядочно перемешанных грязи и сучьев. В них в несколько слоев лежали яйца величиной с гусиное, но чуть удлиненное, чуть белее, со скорлупой, испещренной бороздками и знаками, напоминающими иероглифы.

Негры охотно едят их, несмотря на то что яйца имеют привкус мускуса.

Яичный желток маленький, слабо окрашенный, а заболонь синеватая. Сваренное вкрутую яйцо становится настолько твердым, что его приходится резать ножом.

Вы можете засомневаться, действительно ли эти яйца так уж превосходны на вкус, как утверждают негры. Впрочем, хорошо известно, что сыны Африки сильно отличаются от нас.

Кусок слоновьего хобота, жаркое из земляных червей или саранчи равнозначны по вкусу для африканских желудков. В этом отношении негры близки китайцам и малайцам.

– Жалко, что у нас нет негритянских кишечника, – сказал Мендоса. – Мы бы могли приготовить гигантское жаркое.

– У нас нет времени, – ответил буканьер. – Испанцы наверняка уже раскрыли наш уход. Держу пари, что они уже идут по тропе. Если мы не слышим собачьего лая, значит битва с кайманами закончилась, и теперь заморские сеньоры займутся нами. Живее! Пересечем этот островок и попытаемся достичь твердой земли.

– Без всякого отдыха? – спросил Мендоса.

– Ни одной минуты, – ответил Буттафуоко. – На карту поставлена жизнь.

– Ах!.. Если бы дон Баррехо мог дать мне кусочек своих ног!.. У него их слишком много.

– Сейчас мне хочется, чтобы они стали еще длиннее, – ответил гасконец.

– Господи, какой зубоскал!

Так, перебрасываясь шутками, эти мужественные люди отправились в дальнейший путь, стрелой пролетая под деревьями, плотно покрывавшими этот островок.

Повсюду росли великолепные кусты рододендронов высотой более десяти метров, выставляя напоказ крупные ветки и багровые соцветия, а над ними возвышались величественные пальмы, увенчанные зонтами из длинейших листьев, изящно ниспадавших лопаточками переливчатого лилового цвета с пурпурной каймой, и пригоршнями фруктов, напоминавших зеленые яблоки.

За какие-то пять минут беглецы пересекли этот островок и вскрикнули от искренней радости: желанная твердая суша находилась не далее как в пятистах метрах, выходя к воде густым лесом из могучих платанов.

– Там наше спасение, – сказал Буттафуоко. – Даже если испанцы обойдут влажную саванну, мы к тому времени доберемся до фактории маркизы де Монтелимар.

– А дно позволит нам пересечь этот последний бассейн? – спросил сеньор ди Вентимилья.

– Не теряю надежды, – ответил буканьер.

Он быстро обошел береговую черту в поисках зыбучих песков, потом спустился в воду. Удача сопутствовала беглецам, потому что храбрый буканьер без особого труда нашел новую тропу, располагавшуюся на более высоком уровне, чем прочие, а значит более надежную.

Четверо человек, постоянно держа аркебузы наперевес, проворно двинулись к надежной суше, а в это время в отдалении уже слышались выстрелы преследователей.

Беглецы уже почти достигли спасительного берега, как вдруг буканьер ушел в воду по грудь.

– Стойте! – закричал он. – Зыбучие пески!

Этот мужественный человек, который шутил перед лицом смерти и чувствовал себя способным в одиночку противостоять полусотне алебардчиков, страшно побледнел.

– Веревку! Веревку! – крикнул он после непродолжительного тревожного молчания. – Если ее нет, я погиб!

– Веревка-то у меня завсегда в кармане, – ответил Мендоса, вытаскивая просмоленный трос толщиной с мизинец.

– Не вздумайте сделать хотя бы шаг! – крикнул Буттафуоко, увидев, что беспечный моряк хочет сойти с тропы. – Киньте веревку мне и тащите меня из этой ужасной западни.

Граф, шедший впереди гасконца и баска, ловко бросил трос, удерживая второй конец.

Медленно, но неуклонно погружавшийся в предательское дно буканьер пропустил трос под мышками.

– Тяните меня из этой могилы, – сказал он, – да остерегайтесь упасть. Смерть под вами и вокруг вас.

Троица объединила свои усилия, остерегаясь потерять равновесие. Короткими, хорошо просчитанными рывками они вытащили отважного человека из песчаной трясины, которая уже раскрывалась, чтобы поглотить его.

– Не ожидал я оказаться там, – сказал Буттафуоко. – Неужели тропа оборвалась? Тогда мы погибли.

– Что вы предлагаете?

– Сейчас я определяюсь, сеньор граф.

Хладнокровие быстро вернулось к нему. Он снова схватил свою палку, глубоко застрявшую в тине, и крайне осторожно двинулся сначала направо, потом налево.

Возглас триумфа дал графу понять, что верная дорога найдена.

– Спасены! – вырвалось у Буттафуоко.

Тропа в этом месте делала петлю, приближаясь к берегу. Буканьер, хорошенько убедившись в направлении, в котором шла тропа, решительно двинулся вперед и успешно добрался до берега, как и его спутники.

– Теперь мы в безопасности? – спросил Мендоса.

– Некоторое время нам нечего бояться, – ответил буканьер. – Только собаки могут нам помешать, но мы не индейцы, поэтому не такие пугливые.

– Это мы вам доказали, – сказал гасконец.

Многочисленные кролики со светло-рыжеватой шерстью и длинным хвостом, занимающие в классификации место между нашими зайцами и кроликами, бежали перед ними, а среди ветвей порхали крупные курламы, красивейшие болотные птицы из семейства тетеревиных: с пурпурно-бурыми перьями на спине, белыми полосами по бокам головы, остроконечным клювом, твердым, как стальной клинок, который они используют не только для защиты от собак, но и против охотников. В лесу Буттафуоко описал большую дугу длиной два или три километра, потом, убедившись, что преследователи еще не добрались сюда, решил сделать несколько выстрелов из аркебузы. Он подстрелил две пары воротниковых рябчиков, пару серых цапель, грациозных рыжих цапель величиной чуть побольше дрозда, с зеленым хохолком и зелеными перьями, а корсару, также зарядившему свое ружье дробью, удалось убить несколько американских куропаток, чуть менее крупных, чем европейские, но очень плодотворных, поскольку они откладывают до сорока яиц.

Нагруженные этой добычей, они вернулись в импровизированный лагерь, разбитый Мендосой и грозным гасконцем.

– Испанцы? – сразу же спросил Буттафуоко.

– Полагаю, они мирно ужинают, – ответил дон Баррехо, который сразу же принялся разглядывать великолепных пернатых.

– То есть вы хотите сказать, что мы можем последовать их примеру, – улыбнулся буканьер.

– Когда кто-нибудь спит или ест, у меня всегда появляется желание подражать ему.

- Гасконцы всегда отличаются хитростью, – заметил Мендоса.
- И очень этим гордятся! – поддакнул дон Баррехо.
- По крайней мере, снизойдите до приготовления ужина.
- Я как раз об этом подумал, сеньор буканьер.
- А я вам помогу, – добавил моряк.

Пока два приятеля, которые, казалось, пришли к полному согласию, хотя несколько не щадили друг друга в словесных уколах, энергично занимались приготовлением ужина, граф и Буттафуоко дошли до края болота, все время ожидая сюрприза.

Ни тому ни другому не верилось, что испанцы, собравшиеся на маленьком полуострове, не попытаются пересечь болото.

Может быть, они дожидаются ночи, чтобы подойти неожиданно и застать беглецов врасплох.

Буканьер, однако, был не из тех людей, что попадают в такие детские ловушки.

Привыкший к неожиданностям и к лесной жизни, он слишком хорошо знал своих смертельных врагов, с которыми уже много раз имел дело.

– У нас есть время поужинать и даже немного отдохнуть, – сказал он сеньору ди Вентимилье. – В последний раз мы ночуем среди этих лагун с неприятелем за плечами. Маркиза позаботится о том, чтобы доставить нас к мысу Тибурон.

Они какое-то время продолжали наблюдать за саванной, потом медленно отошли к лагерю, привлеченные изысканнейшим запахом, доносившимся до них.

Мендоса и гасконец делали чудеса: рябчики, цапли и куропатки превосходно подрумянились – и теперь их надо было только довести на жару до готовности.

– Сеньор граф, – восхитился Буттафуоко, – у вас двое непревзойденных поваров. Мой новичок, несмотря на все свое желание, недотягивает до них.

– Если бы это было возможно, – любезно сказал ему сеньор ди Вентимилья, – одного из них я уступил бы вам.

Сердитое «ух!» послышалось в ответ: оба приятеля почувствовали, что уже не смогут жить один без другого.

– Эти люди никогда не станут хорошими новичками у буканьеров, – сказал Буттафуоко. – А жаль!

Ужинали в спешке, потому что издали доносился собачий лай, а это могло означать приближение заклятых врагов.

– Что же! – сказал Буттафуоко. – Отдохнем на вилле у маркизы. Эта местность не слишком хороша для сна. Сеньоры, еще одно усилие. Надеюсь, оно будет последним.

– Собачья жизнь! – вздохнул Мендоса. – Не так ли, дон Баррехо?

– Как у каторжников! – подтвердил гасконец.

– Тогда оставайтесь здесь, – нетерпеливо бросил им буканьер, – и заканчивайте свой ужин с килограммом-другим испанского свинца.

– О нет, сеньор, – сказал Мендоса. – Я никогда не оставлю своего хозяина.

– И я тоже, – добавил гасконец. – Моя драгинасса слишком нужна в этот момент господину графу.

– Тогда шевелитесь, – распорядился буканьер. – Вы полагаете, что я не дам вам заснуть до самой фактории, но, если ваш хозяин не жалуется, у вас нет никакого права на сетования.

– Готов пробежать хоть тысячу миль одним махом, без отдыха, – сказал дон Баррехо. – Не из картона же сделан гасконец!

Буттафуоко некоторое время прислушивался, покачивая головой, потом повернулся к графу и сказал:

– Если к нам приближаются и не сами испанцы, то их собаки. В путь, сеньоры, и без болтовни.

Наступила еще одна ночь, и, хотя в продолжение сорока восьми часов они только и делали, что убегали, все беспрекословно двинулись по темному лесу, время от времени проходя вдоль обширных прудов, в тинистых водах которых подавали голоса кайманы.

Вдалеке, в направлении саванны, продолжали гавкать и выть собаки.

То ли они вели полусотни по тропе, то ли начали самостоятельную охоту. Пожалуй, верным было последнее, потому что невероятным выглядело предположение, что испанцы осмелятся пройти через зыбучие пески ночью.

Буттафуоко время от времени задерживался, прислушивался и снова бодро пускался в путь. Кажется, его что-то беспокоило.

– Ну а теперь чего вы боитесь? – неожиданно спросил его граф, шедший поблизости.

– Не знаю, – уклончиво ответил буканьер. – Скажу вам одно: очень внимательно следите за местностью.

– Далеко еще?

– Не думаю. Я не знаю этих лесов. Впрочем, считаю, что мы на верном пути. Не очень мне нравится наше отклонение к западу. Если бы я знал, где находятся полусотни, я бы не так беспокоился. Ладно! Увидим, а защититься мы сумеем!

Они снова вступили на скверные болотистые земли, где в изобилии росли красные кувшинки, желтые лотосы, бирюзовые понтедерии и тростники, образовывавшие огромные перистые пучки, а поэтому очень быстро продвигаться беглецы не могли, несмотря на все свое желание.

И тем не менее, хотя отдаленный лай собак не прекращался, казалось, что никакая опасность четверке не угрожает.

Они шли уже довольно долго сквозь тростники, когда буканьер резко остановился и отрывисто бросил:

– Пригнитесь!

Граф, баск и гасконец поспешили повиноваться.

– Что случилось? – спросил после непродолжительного ожидания граф.

– Оставайтесь здесь, сеньор, – ответил Буттафуоко. – Мы гораздо ближе к вилле маркизы, чем думали. Только вот не знаю, сможем ли мы беспрепятственно добраться до нее. Я все время думаю, не разгадали ли испанцы наши намерения.

– Почему вы так считаете, Буттафуоко?

– Объясню, когда вернусь.

– Вы уходите?

– Это необходимо, сеньор граф. Но я скоро вернусь. Просто я хочу убедиться, не попадем ли мы в засаду. Советую вам не двигаться, что бы ни произошло; если на вас нападут до моего возвращения, защищайтесь. Если вы уйдете с этого места, я не смогу отыскать вас в этих тростниках и болотных травах. И потом, вы можете попасть в трясины, которая находится справа от вас, и тогда вам уже ни за что не выбраться.

– Стало быть, нам угрожает нечто серьезное? – сказал сеньор ди Вентимилья, немного озабоченный изменившимся ходом событий.

– Пока я ничего не знаю. Прощайте, сеньор граф, и, если пуля не проломит мне череп, мы скоро увидимся.

Сказав это, буканьер бесшумно двинулся сквозь тростники и вскоре исчез.

– Значит, охота еще не закончилась? – спросил гасконец. – Сеньор граф, вы поступили неверно, покинув Сан-Доминго. Если бы вы вернулись в мою мансарду, никому бы не пришлось в голову искать вас там.

– Но вы же хотели убить нас! – упрекнул приятеля Мендоса.

– Потому что я принял вас за воров, – ответил дон Баррехо. – Если бы я только знал, с кем имею дело, то не обнажил бы шпагу. Будем надеяться, что все закончится хорошо. Не шкуру свою мне жалко потерять, а дублоны.

– У вас их так много?

– Гасконцы не бывают богачами, – важно ответил искатель приключений. – Сеньор граф может это подтвердить.

– Я-то больше держусь своего корабля, потому как и басков среди владельцев замков не найдешь, дон Баррехо.

– Тише! – прервал их разговор сеньор ди Вентимилья. – Время работать аркебузой, а не языком.

Он осторожно раздвинул тростники, служившие им прикрытием, и внимательно посмотрел перед собой.

– Идут? – спросил Мендоса.

– Никого не вижу. Однако если бы я находился на борту своего фрегата, то чувствовал бы себя лучше, чем здесь, даже если бы за кормой шли два галеона.

В это самое время послышался легкий шорох, а несколько секунд спустя появился Буттафуоко.

– Пошли скорее отсюда, сеньоры! – сказал он. – Иначе мы никогда не попадем на факторию маркизы. Нас окружают.

– Опять? – спросил граф. – Они уже пришли? Но я же слышу, что собаки лают далеко, где-то возле саванны!

– Не знаю, сколько полусотен они вывели в поле, чтобы поймать нас. Как можно понять, испанцы считают, что уже схватили вас. Что там ни говори, но рассудили они верно: трое корсаров оставили по себе слишком дурную память в Мексиканском заливе. В путь, сеньоры! С каждой потерянной минутой опасность возрастает.

– А нам удастся пройти незамеченными?

– Да, вдоль топи, – ответил Буттафуоко.

Они быстро пошли за буканьером, стараясь укрываться за тростниками.

Время от времени Буттафуоко ложился и прикладывал ухо к земле, внимательно вслушивался, потом поднимался и шел вперед еще быстрее.

Через пятьсот или шестьсот метров четверка беглецов оказалась на краю другой саванны.

– Это самый опасный момент! – сказал Буттафуоко. – Полусотни находятся левее нас. Даю вам пять минут отдыха, а потом вы, весьма вероятно, подвергнете свои ноги серьезному испытанию.

– В конце концов мы превратимся в легавых собак, – сказал Мендоса, покачав головой. – Мы прошли самую настоящую тренировку.

Через пять минут буканьер поднялся и объявил:

– Держите свои аркебузы наготове! Пошли!

– Ах!.. Бедные мои дублоны! – пробормотал гасконец.

Буттафуоко бросился бежать сломя голову. Казалось, этого человека с сердцем бонзы объял панический ужас.

Внезапно послышались хлопки аркебузных выстрелов, сопровождаемые дикими криками и отчаянным лаем.

Полусотни заметили беглецов и открыли огонь.

– Гром и молния! Свинец вам в глотку! – заорал гасконец, делая огромные шаги своими длиннющими и худющими ногами.

Несколько человек, прихватив с собой собак, выскочили из тростников; они кричали что было мочи:

– Стой!.. Стой!..

– Стреляйте сначала по собакам! – на ходу давал указания Буттафуоко. – Это необходимо!

Он остановился за пальмой и вскинул ружье к плечу. Семь злющих зверюг летели одна за другой, широко разинув пасти и воя, словно голодные волки.

Буттафуоко выстрелил, уложив передового пса, самого большого и, возможно, самого злого и самого опасного.

Граф и его товарищи в свою очередь открыли огонь, убив трех собак, а потом отбросили ружья и обнажили шпаги, также наполовину укрывшись за пальмами.

Это на индейцев, коренных жителей Центральной Америки, не привыкших видеть столь крупных животных, находил такой страх, что они во всю мочь удирали от кровожадных мастифов. Но наши герои индейцами не были.

Сверкнула сталь, семь или восемь ударов, нанесенных со страшной силой, – и собаки распростерлись на земле с отрубленными головами и распоротыми животами.

Испанцы рассчитывали на атаку мастифов. Увидев, как с ними по очереди разделались, солдаты возобновили стрельбу, но, поскольку огонь они вели на ходу, пули не достигали цели, да и заросли тростника помогали беглецам.

Буттафуоко и его спутники поспешно удалились, не имея никакого желания вступать в бой, не обещавший благоприятного исхода, учитывая численность нападавших.

Отделавшись от собак, единственных существ, способных догнать их, они надеялись только на быстроту своих ног, и теперь спасение зависело лишь от крепости и выносливости их конечностей.

Буттафуоко, привычный к подобным состязаниям, мчался с завидной легкостью. Этот полудьявол, не будучи уже молодым, бежал, словно настоящая лань, которую преследует свора разъяренных собак.

Хуже всех опять пришлось Мендосе, который не переставал ворчать, что после подобных испытаний его можно считать конченным человеком.

Гасконец же, наоборот, вытягивал свои чрезмерно длинные ноги. Казалось, эта чертова гонка приносит ему удовольствие.

Буттафуоко время от времени ненадолго останавливался, успевая сделать несколько выстрелов из аркебузы, но делал он это скорее для того, чтобы дать своим товарищам хотя бы полминуты передышки, чем в надежде уложить какого-нибудь неприятеля.

Такая бешеная гонка продолжалась около получаса; испанцы остались далеко позади; их было совсем не видно, когда Буттафуоко чуть не натолкнулся на изгородь.

– Мы спасены! – закричал он. – Вот она, фактория маркизы де Монтелимар!

IX

На вилле маркизы де Монтелимар

Истощенная долгим бегом, четверка с большим трудом одолела ограду, оказавшись на огромной банановой плантации; листья бананов могли укрыть беглецов от взглядов преследователей.

Буттафуоко, быстро осмотревшись и переведя дыхание, дал знак своим друзьям без промедления следовать за ним.

Он осторожно пробирался между пышными растениями и, пройдя четыреста или пятьсот метров, остановился перед каменным павильоном с обширной террасой наверху.

– Пока спрячемся здесь, – сказал он. – Испанцы, по крайней мере ночью, не осмелятся беспокоить слуг маркизы.

– А как нас примет управляющий помещьем? – спросил граф.

– Я его знаю, – ответил Буттафуоко. – После услуг, оказанных маркизе, я не раз приходил сюда пополнить запасы пороха и свинца. Мы стали почти друзьями.

– Вот это удача! – сказал Мендоса. – Если бы мы пришли к нему одни, он мог бы принять нас за флибустьеров и хорошенько накормил бы свинцом вместо обеда или ужина.

– Возможно, маркиза послала кого-нибудь, чтобы предупредить управляющего о нашем появлении, – предположил граф.

– Или сама приехала, – добавил Буттафуоко. – Я бы не удивился. Давайте войдем внутрь, а потом я придумаю, как позвать управляющего, если он еще не спит. Пока нам нечего бояться.

Сильным ударом буканьер вышиб дверь и вошел вместе с товарищами в обширную комнату, обставленную огромными вазами с редкими растениями.

– Подождите меня здесь, – сказал он. – Может быть, найдутся фрукты на ужин. Я чувствую запах ананасов.

– Они превосходны после хорошего жаркого, – вздохнул Мендоса.

– Пока что удовлетворитесь фруктами, – рассмеялся буканьер. – Они будут вам вместо закуски и возбудят аппетит.

Он взял свою аркебузу, поприветствовал графа и осторожно вышел, растворившись в темноте.

– Вот чертяка! – восхитился Мендоса. – Видно, в венах у него течет кровь ягуара.

– Если бы в Сан-Доминго была сотня таких буканьеров, не знаю, какой конец ожидал бы полусотни, – сказал гасконец. – Не хотел бы я оказаться тогда на месте испанцев.

– И тем не менее вы же наполовину испанец.

– У меня только кираса испанская, господин граф, – ответил гасконец, – а когда я буду на борту фрегата сеньора графа, то и ту сброшу.

– Если мы до него доберемся!

– Вы в этом сомневаетесь, Мендоса? – спросил сеньор ди Вентимилья, несколько удивленный пессимизмом своего моряка.

– А что вы хотите? Я не вижу конца этой авантюре.

– Мы его узнаем от маркизы де Монтелимар.

– Я не отрицаю, что эта женщина чудесна, капитан. Она спасла нас однажды, может сделать это и еще один раз.

– Тише, сеньор граф, – прервал их гасконец. – Мне кажется, что снаружи о чем-то говорят.

– Гром и молния! – вскрикнул Мендоса, вскакивая на ноги. – Неужели пришли испанцы? Граф тоже подскочил к сорванной с петель двери с аркебузой в руках. Послышалось поскрипывание камешков на дорожке, ведущей к павильону.

– Кто идет? – угрожающе крикнул граф.

– Опустите ружье, сеньор граф, – ответил Буттафуоко. – Не пугайте госпожу.

– Госпожу?..

– Да, меня, сеньор ди Вентимилья, – ответил нежный и хорошо знакомый голос.

Маркиза де Монтелимар, с факелом в руках, появилась на пороге, как всегда веселая и улыбающаяся, с богатейшей шалью из белого шелка, мантией, накинутой на голову, которая только сильнее подчеркивала красоту андалусийской смуглянки.

– Вы, маркиза! – удивился граф.

– Вы не ожидали встретить меня здесь. Не так ли, сеньор ди Вентимилья?

– Нет, маркиза.

– Надо было еще раз спасти вас, поэтому я и оставила Сан-Доминго. Гости, делящие со мной трапезу, будь они даже врагами моей отчизны, священны для меня, потому что я обожаю их со всей страстью испанки.

– Значит, вы знали, что за мной охотятся?

– Скажу вам больше: власти мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении полусотни, чтобы пленить вас, прежде чем вы покинете остров, потому что все здесь уже знают, что вы сын Красного Корсара и племянник двух других жестоких корсаров – Черного и Зеленого.

– Как они смогли об этом догадаться? – спросил граф, казавшийся озабоченным.

– Не знаю, – ответила маркиза. – Как я спасла вас в Сан-Доминго, так спасу и здесь. Меня даже развлекает эта охота. Посмотрим, кто окажется хитрее: губернатор Сан-Доминго или маркиза де Монтелимар.

– Но вы же подвергаетесь опасности скомпрометировать себя.

Прекрасная андалусийка пожала плечами, потом, демонстрируя свои красивые зубы, искрящиеся, как жемчуг, сказала с очаровательной улыбкой:

– Женщина из рода Монтелимар, в какое бы место она ни пришла, всегда останется Монтелимар. Мною стали бы восхищаться даже больше, если бы узнали, что я помогала вам бежать. Вы же знаете рыцарские чувства испанцев.

– Точно, – согласился граф. – Только есть одно обстоятельство, которое меня очень и очень тревожит.

– Какое? Скажите, граф...

– Свободна ли дорога, ведущая к мысу Тибурон? Там ждет мой фрегат.

– При мне есть верные люди, я пошлю их разузнать о дороге. А потом мы найдем способ спокойно проехать мимо солдат. Сеньор граф, ужин уже должен быть готов; я знаю от этого храброго буканьера, что вы с утра ничего не ели. Недавно вы приняли от меня приглашение на обед, теперь примите приглашение на ужин.

– Буттафуоко и в самом деле чудеснейший человек! – пробормотал Мендоса. – Он обо всем подумал!

Дама вышла в сопровождении графа и его людей. Снаружи сторожил Буттафуоко.

– Все в порядке? – спросила его маркиза.

– В полном, сеньора, – ответил Буттафуоко. – Испанцы еще не подошли. Возможно, они ожидают утра, чтобы нанести вам визит.

– Пускай приходят; у меня есть хорошо устроенный погребок, и я дам напиться всем солдатам. Сеньор граф, следуйте за мной.

Сеньор ди Вентимилья предложил маркизе руку, и они пошли по банановой плантации, откуда попали в прекраснейший сад.

Посреди сада возвышался дворец в мавританском стиле, с широкими галереями, куполочками и просторным внутренним двором, в котором о чем-то шептались две струи воды, поддерживавшие сладостную свежесть в знойные летние дни.

Под колоннадой находились свечи в двойных серебряных канделябрах; они освещали богато сервированный стол.

– Да вы, маркиза, волшебница, – сказал граф.

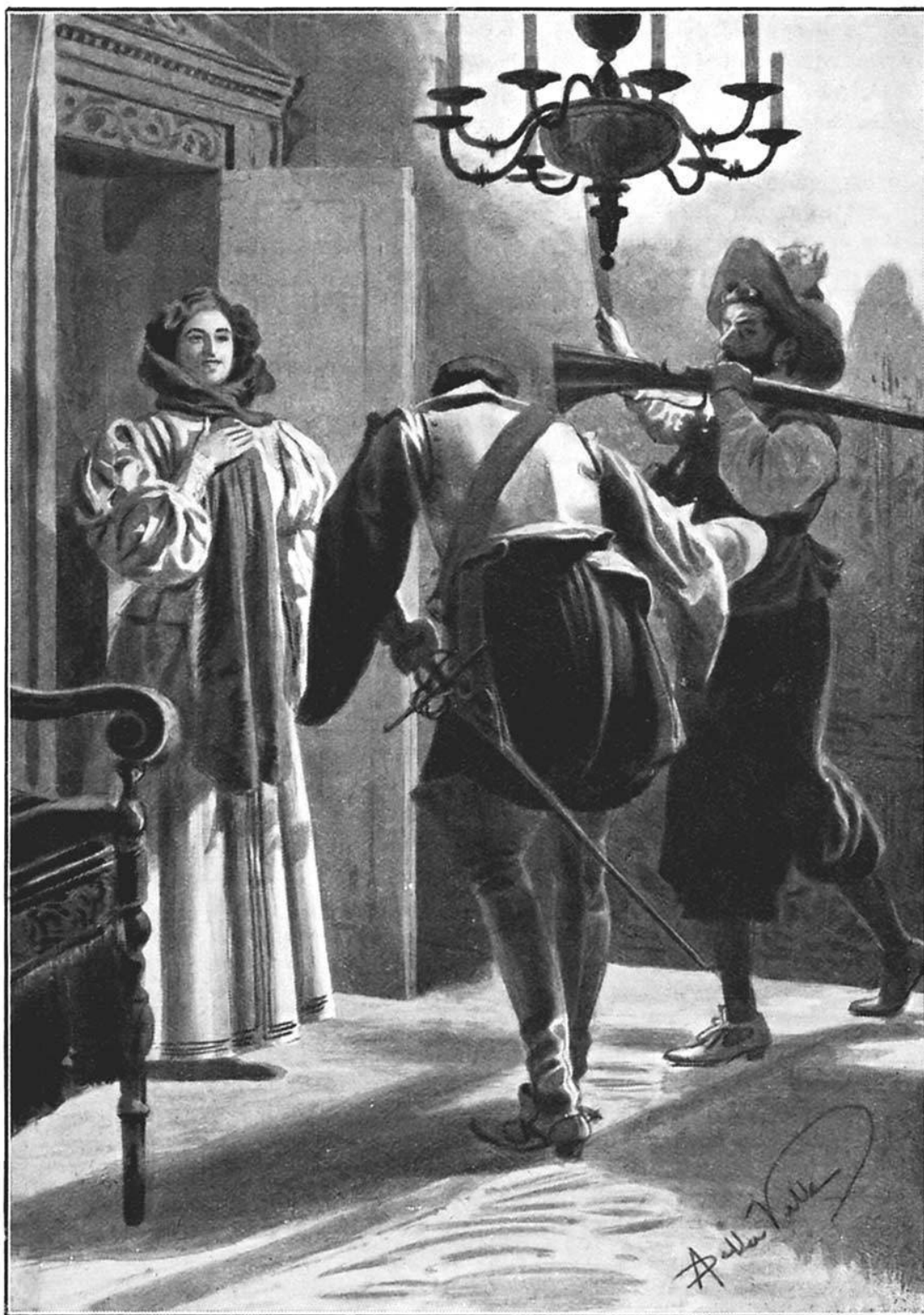
– Конечно, лесная волшебница, – рассмеялась в ответ прекрасная андалусийка, – или, точнее сказать, банановая, потому что здесь выращивают только эти нежнейшие плоды. Сеньор Буттафуоко, окажите мне честь: отужинайте со мной. А для ваших сотоварищей я приказала накрыть стол на западной террасе дома. Оттуда они смогут следить за передвижениями полусотен и ободрять моих людей.

Гасконец глубоко поклонился, тогда как Мендоса комично качнулся, поскольку не знал иных, лучших движений.

По знаку маркизы появились два африканских раба, которым приказано было проводить искателя приключений и морского волка на предназначенное для них место.

– Примемся за ужин, граф, – сказала маркиза, бывшая, казалось, в преотличнейшем настроении, несмотря на близкое присутствие полусотен. – Час поздний, но я сделаю все от меня зависящее, чтобы поддержать компанию.

Сын Красного Корсара и Буттафуоко не нуждались в повторном приглашении и принялись яростно атаковать холодные закуски, приготовленные с большим количеством перца и достаточно вкусные.

– Как я спасла вас в Сан-Доминго, так спасу и здесь. Меня даже развлекает эта охота. Посмотрим, кто окажется хитрее...

Маркиза удовольствовалась тем, что грызла своими прекрасными зубками маленькие кукурузные лепешки, густо облитые сиропом.

– Сеньора, вам, наверное, кажется, что мы ведем себя нескромно, – сказал Буттафуоко, – но за эти два дня назойливой охоты у нас не было времени перекусить как положено.

– Два дня, барон де...

– Барон! – воскликнул сеньор ди Вентимилья, вскочив, тогда как буканьер жестом быстро прервал слова маркизы.

– Простите, Буттафуоко, – поправились прекрасная андалусийка. – В минуту рассеянности я приняла вас за барона де Хиральда.

Граф внимательно посмотрел на сильно побледневшего буканьера.

– Кто же вы, наконец? – спросил он.

– Буттафуоко! – ответил авантюрист с такой глубокой горечью, что это не ушло от внимания корсара.

– Вы скрываете от меня свое имя.

– Я утопил его в океане, у экватора, – ответил буканьер глухо, несколько раз проведя рукой по лбу, словно вытирая капли холодного пота.

– Вы о чем-то говорили, сеньора маркиза?

– Не помню... Ах... да... Вы мне сказали, что в течение двух суток полусотни охотились за вами.

– Да, к тому же со множеством собак.

– Но вам удалось избежать всех засад? Здесь вас не найдут, не так ли, сеньор граф?

– Я уже отчаялся было достичь вашей фактории, маркиза, – ответил корсар. – И пока сам не понимаю, как нам удалось пробраться мимо полусотен.

Прекрасная андалусийка несколько мгновений оставалась словно бы погруженной в глубокую задумчивость, потом, глядя графу в глаза, попросила:

– Чего бы я не отдала, лишь бы узнать, какое неотложное дело привело вас сюда после стольких лет, сын и племянник трех знаменитых корсаров! Каприз, какая-то месть, что-то другое? Без серьезных причин из Европы сюда не едут и не играют жизнью, как делаете вы. Думаю, что я предоставила вам достаточно доказательств своей дружбы и вы можете считать меня женщиной, неспособной предать ваш секрет и погубить вас.

– О маркиза! – запротестовал сеньор ди Вентимилья.

– Возможно, уже завтра вы вернетесь на свой фрегат, – продолжала прекрасная андалусийка, вздохнув, – и мы, скорее всего, никогда больше не увидимся... Чудесный сон закончится. Говорите же! Вы находитесь в обществе благородной женщины и благородного мужчины.

– Буттафуоко?..

– Я знаю, кто он такой! – сказала маркиза.

– Вы, стало быть, желаете узнать, зачем я оставил Европу ради корсарства в Америке? Не ради жажды приключений, не ради жажды богатства, которое я глубоко презираю, сеньора, имея там, на Лигурийском побережье, земли и замки... а для того, чтобы спросить у вашего деверя, бывшего губернатора Маракайбо, что стало с моей сестрой, племянницей Великого кацика Дарьена!

– Дарьена! – в один голос вскрикнули маркиза и буканьер.

– Отец мой, прежде чем отправиться мстить в Америку вместе со своими братьями, Черным Корсаром и Зеленым Корсаром, женился на герцогине Брабантской, умершей в очень юном возрасте, после того как она произвела меня на свет, и поэтому я никогда не знал ее, – печально рассказывал сеньор ди Вентимилья. – Однажды, крейсируя по заливу, отец потерпел кораблекрушение и нашел убежище у великого кацика Дарьена, заклятого врага ваших соотечественников, сеньора маркиза. Отцу оказали помощь, к нему относились с почетом, а потом

предложили в жены местную принцессу, которая родила ему дочку. Когда моего отца застали врасплох на равнинах Маракайбо, схватили и повесили – не как мужественного моряка, боровшегося за святое дело, а как обычного преступника, – вместе с ним была эта девочка. Что сделал с нею ваш деверь, маркиз де Монтелимар, бывший губернатор Маракайбо? Я этого не знаю. Именно поэтому я прибыл сюда, чтобы получить у него подробный отчет о судьбе моей сестры, и если он убил ее, то клянусь вам, сеньора, что клинок ди Вентимильи пустит ему кровь. Воспитанный при дворе герцогов Савойских, я не знал, что мой отец оставил здесь дочь. Об этом сообщил мне несколько лет назад Морган, знаменитый завоеватель Панамы, нынешний губернатор Ямайки, а ему это рассказала, возможно, Иоланда, его жена и дочь Черного Корсара, и вот я приехал искать эту девушку. Хотя в ней течет индейская кровь, она остается моей сестрой, и я найду ее либо возобновлю подвиги трех корсаров и не вернусь в Европу, прежде чем не совершу ужасную месть.

– Вы хотите отомстить за смерть вашего отца? – спросила маркиза, которая слушала графа с очень большим интересом.

– Об этом, маркиза, я не могу пока говорить, – гневно бросил граф.

– Я читаю это в ваших глазах.

– Может быть.

– А где же вы будете искать свою сестру? – поинтересовался Буттафуоко, до сих пор молчавший.

– Это мне скажет маркиз де Монтелимар, – ответил граф. – Наконец-то я знаю, где он находится. Надеюсь через несколько дней заполучить в свои руки его секретаря. Если бы не это, мой фрегат вряд ли стал бы ждать у мыса Тибурон, подвергаясь опасности быть плененным испанскими галеонами или каравеллами. Что вы об этом скажете, Буттафуоко?

Буканьер одобрительно кивнул.

– Вы удовлетворены, маркиза? – спросил граф.

– Возможно, но не в такой степени, как я хотела, – ответила прекрасная андалусийка. – Полагаю, что вы оставили Италию и прибыли сюда не только ради поисков сестры.

– Мой отец и его братья стали корсарами ради мести, – глухо ответил граф. – Возможно, и мне придется мстить, но это, сеньора, останется секретом между мною и Богом.

Тем временем буканьер наполнял бокал графа, приговаривая:

– Пейте, сеньор! Агуардъенте усыпляет и подавляет у меня ужасные воспоминания больше, чем вы думаете, а это восхитительное испанское вино успокоит ваши.

И в тот самый момент, когда граф, возможно убежденный словами таинственного авантюриста, собирался выпить чашу вина, в галерее появился взволнованный негр с посеревшей кожей и вытаращенными фарфоровыми глазами.

– Они здесь, сеньора, – проговорил он, – они пришли.

– Кто? – спросила маркиза, нахмурившись.

– Целая полусотня.

– По какому праву?

– По приказу губернатора Сан-Доминго.

– Этот господин начинает надоедать! – сказала маркиза, поднимаясь. – Друзья, я думаю, было бы неразумно оставаться здесь. Они прервали восхитительный вечер, но я их не виню... Марто, сейчас же позови тех людей, что ужинают на террасе.

– Что вы хотите делать, маркиза? – спросил буканьер.

– Спрятать вас.

– В вашем дворце? Имея на руках приказ губернатора, они перевернут дом сверху донизу. Сеньора де Монтелимар улыбнулась:

– Позвольте действовать мне, граф.

– Может быть, и здесь у вас есть секретное убежище?

– Я спрячу вас в винных подвалах.

– Хорошее местечко! – обрадовался подошедший к ним в этот момент Мендоса, за которым показался и гасконец.

– Марто, отведи этих господ в самый дальний подвал, в тот, что заполнен бочонками. Испанцы туда не доберутся. Я отвечаю за все, граф.

Четверка проследовала за чернокожим слугой, который вооружился несколькими факелами и корзинкой с остатками ужина.

Дойдя до конца обширного двора, Марто открыл маленькую дверцу и заставил гостей спускаться по узкой и влажной лестнице, потом негр повел их по обширным подвалам, заполненным огромными бочками.

– Приятель, – гасконец хлопнул Мендосу по плечу, – здесь можно пить до отвала.

– Так и сделаем! – ответил флибустьер. – Мы попробуем понемножку из всех этих сосудов. Маркиза, верно, пьет только канарское вино да аликанте.

Они прошли несколько погребов и наконец добрались до последнего, довольно длинного и узкого, также заполненного бочками и бутылками.

– Это рай, – сказал Мендоса, прищелкнув языком, – немножко темноватый, но все-таки рай.

– Проходите, сеньоры, – сказал негр, – потому что вход я должен загородить бочками.

– Надеюсь, ты не похоронишь нас живыми, – пошутил гасконец.

– Не бойтесь, – улыбнулся африканец.

Граф, Буттафуоко и два искателя приключений поспешили укрыться в погребе, взяв с собой факелы, аркебузы и корзинку с ужином, в то время как Марто подкатывал ко входу, очень низкому и очень узкому, большую бочку, загородив и полностью спрятав проход.

– Будем надеяться, что это приключение станет последним! – сказал граф, укрепив в земляном полу факел. – Что вы об этом скажете, Буттафуоко?

– Э-э-э... – Буканьер не казался очень спокойным. – Не знаю, сможет ли маркиза противиться приказу, подписанному губернатором Сан-Доминго.

– Они откапывают нас?

– Не знаю, что и ответить на ваш вопрос, сеньор граф.

– Если придут, мы будем защищаться, – сказал Мендоса. – Здесь мы как в каземате.

– Только выхода нет, – добавил гасконец. – Мы похожи на волков, запертых охотниками в своем логове.

– Пока мы ждем, покажутся ли охотники, я бы предложил кое-что сделать, – сказал Мендоса.

– Что же? – спросил граф.

– Закончить ужин, раз уж у этого африканского язычника появилась хорошая мысль: заполнить корзину. Ну а вино мы можем пить прямо из бочки. Мне очень хочется узнать, какое вино пьет маркиза и каким угощает гостей. Что вы на это скажете, дон Баррехо?

– Гасконец никогда не откажется выпить! – важно произнес авантюрист.

– Сеньор граф, – сказал Буттафуоко, который не смог сдержать приступа смеха, – где вы подобрали этих двух дьяволов?

– Одного я выловил в Бискайском заливе, – ответил сеньор ди Вентимилья.

– А меня – в лесах Сан-Доминго, возле Пуэрта-дель-Соль, – вмешался гасконец. – Но я тоже дышал целебным воздухом Бискайского залива. Эй, приятель, покончим с ужином, если господин граф разрешит; времени у меня хватит только на то, чтобы отведать свиную котлету, вкусом напоминающую мясо столетнего осла.

– Будьте так добры! – сказал сеньор ди Вентимилья. – Я же предпочту закрыть глаза и немного отдохнуть, пока испанцы не оставят нас в покое.

– И я займусь тем же, – добавил буканьер. – Если снова начнется бой, мы, по крайней мере, вступим в него отдохнувшими. Сторожевой пост мы доверяем вам.

– Гасконец никогда не спит перед лицом врага, – сказал дон Баррехо.

– Как и баск! – добавил Мендоса.

– Они хорошо спелись, – буркнул буканьер.

Граф улегся между двумя бочками и сразу же закрыл глаза. Буттафуоко не замедлил сделать то же, тогда как флибустьер и его достойный товарищ сели на корточки возле корзины, вылавливая и тут же пожирая все находящееся внутри; их нисколько не беспокоила грозящая опасность.

– Знаете, дон Баррехо, что вы чудеснейшим образом сопротивляетесь сну? – сказал Мендоса, когда в корзинке не осталось ничего, что можно было бы съесть.

– Что говорить!.. Гасконец!..

– А что, эти гасконцы превратились в машины?

– Почти, приятель.

– А не проверить ли нашу сопротивляемость вином?

– Вот это я как раз и хотел предложить вам. Этот скверный негр забыл положить в корзину бутылки. Но отчаиваться не стоит: разве не привели нас в графский погреб? Порой я бываю скотиной, приятель, – сказал авантюрист. – Хотя и гасконец!..

– Да все мы порой становимся скотами, но у меня есть быстрое лекарство...

– Смотрите, какое прекрасное брюшко у этой бутылки!.. Держу пари, в ней херес.

– Нет, аликанте.

– Да нет же!.. Херес.

– Я знаю толк в испанских винах!

– Даже не пробуя?.. Приятель!.. Да вы удивительный человек!.. Поспорим на один из ваших дублонов?

– Ставлю один дублон, – решил дон Баррехо. – Я их найду в ваших карманах больше, чем у испанцев. Открывайте, приятель, посмотрим, кто прав.

Мендоса, который уже высмотрел под балкой большую глиняную кружку – верно, служившую работникам погребка для дегустации вин маркизы без ведома управляющего, пошел протыкать пузатый резервуар. Из него полилась струя янтарного цвета.

– Карамба! – сплюнул моряк. – Вам чертовски везет, сеньор Баррехо. Это настоящее аликанте!.. А что, у гасконцев и нюх великолепный?

– Нам всего хватает, приятель! Дублон вы потеряли.

– Я отдам его на борту фрегата, если мы туда попадем.

Лицо гасконца вытянулось в гримасу, потом он пожал плечами.

– Что ж, – сказал он, – утешусь этим нежнейшим аликанте. Чувствуете аромат, приятель? Сеньора маркиза де Монтелимар знает, куда вкладывать свои доходы. Ну, пейте же и передавайте мне. Или вы хотите, чтобы я умер от жажды?

– Нет, прежде пьет победитель! – ответил Мендоса, протягивая кружку.

Гасконец схватил ее, вытянул поудобнее ноги и выпил вино залпом, не переводя дыхания.

– Карай! – ужаснулся флибустьер. – Вы хотите опьянеть, дон Баррехо?

– Что?.. Гасконец?.. – ответил авантюрист, выпячивая губы.

– К черту всех гасконцев!.. Я брошусь в атаку на бочонки, и тогда увидим, кто дольше продержится.

Достоинейший морской волк приложился к бочонку, вынув затычку, и в течение нескольких минут в погребе не слышалось другого шума, кроме бульканья вина в гортанях жутких пьяниц.

Кто знает, сколько времени продолжался бы этот негромкий шум, только внезапно из отдаленных подвалов донесся слабый непрекращающийся звук голосов. Гасконец выронил кружку, не допив ее до дна, а Мендоса быстро вставил затычку и решительно сказал приятелю:

– Погасите факел.

Гасконец поспешил это сделать.

– Они надеются раскрыть нас? – спросил морской волк.

– В подвалы спускаются люди, – рассказывал дон Баррехо, который пристроился возле бочек, перегородивших вход. – Я вижу отблески факелов.

– Лопни мое брюхо!.. Может, это неумеренное поглощение аликанте принесло нам беду?.. А это было действительно аликанте, не так ли, дон Баррехо?

– Черт возьми!.. И самое превосходное, – ответил авантюрист. – Жалко, что они испортили нам выпивку. Могли бы немного и подождать, черт побери!.. Будим графа?

– Не думаю, что в данный момент это нужно, – ответил Мендоса. – Посмотрим, что будет. Может быть, у нас еще откроется возможность продолжить нашу выпивку без неудобных свидетелей. Фу, тюлень брюхо!.. Это как раз испанцы. Смотрите, дон Баррехо.

Они приблизились к бочкам, находившимся на месте прохода и маскировавшим его, и старались что-то разглядеть через щели, остававшиеся между большущими бочками, которые передвинул Марто.

Четверо слуг маркизы, четверо негров-рабов под личным руководством Марто, вошли в подвал, а за ними появилась, держа в руках факелы, дюжина испанских аркебузирова.

– Ого, приятель, – сказал Баррехо, – хорошо быть гасконцем или баском, но лично мне кажется, что дело становится немножко серьезным.

– Возможно, меньше, чем вы думаете, – ответил Мендоса. – Разве вы не видите, что, вместо того чтобы шарить по подвалам, они готовятся атаковать бочки? Ставлю полдублона против ста, что этих бравых вояк жажда томит больше, чем нас!..

– Тогда мы догоним их.

– Тише, сеньор гасконец. Не надо слишком шутить с этим драгоценным аликанте, особенно в эти минуты. Нам придется прервать пьянку и спрятаться. Не знаю, как это получится с излишним вином в животе. Вместо того чтобы протыкать испанцев, мы станем дырывать бочки.

– И вызовем наводнение.

– Верно, сеньор гасконец.

– Восхищен вашим благоразумием.

– Давайте помолчим и посмотрим, что будет.

Аркебузиры губернатора Сан-Доминго, казалось, совершенно позабыли главную цель своей экскурсии в винные погреба маркизы.

Слуги под руководством Марто достали большие кружки из-под бревен, на которых стояли огромные бочки, и поспешили наполнить их, а солдаты, вероятно впервые оказавшиеся посреди такого изобилия, вылили их в свои внутренности, неистово поглощая порто, аликанте, херес и мадеру.

Даже сержант, возглавлявший группу, схватил кружку и, сев на одно из бревен, принялся жадно глотать ее содержимое.

– Приятель, – проговорил дон Баррехо, который уже в течение нескольких мгновений дергался так, словно его телом овладел дьявол, – а мы что, будем сидеть как статуи на этом волшебном празднестве?

– Вы правы, сеньор гасконец, – ответил Мендоса. – Эти люди занимаются теперь только бочками, а так как нас-то за бочки не примешь, они, конечно, не станут к нам приставать.

– Вы продолжите пить аликанте, а я займусь какой-нибудь другой емкостью. Посмотрим, кому больше повезет.

- Мне, конечно.
- Ставлю дублон, что найду лучший напиток.
- Идет! – сказал Мендоса. – Этот-то я уж не проиграю.

Оба приятеля, которых уже связывала глубокая привязанность, готовились продолжить пьянку, но тут сдавленное ругательство их остановило.

Буттафуоко, наделенный тончайшим слухом и привыкший спать только одним глазом, сполз с бочки и тихо спросил:

- Что происходит? Почему вы погасили факел?
- Нас ищут испанцы, – ответил Мендоса.
- Они уже спустились?

– Да, но мне кажется, что они ищут скорее бочки, чем нас, – сказал гасконец. – Можете продолжать свой сон. Разве мы не на посту?

- Вы говорите, что сами готовитесь взять приступом бочки с хорошим вином.

– Только для того, чтобы прогнать скуку и согреться, сеньор Буттафуоко, – ответил Мендоса.

– Пока что оставьте в покое бочки, – распорядился буканьер. – Они очень опасны в такие моменты. К ним вы вернетесь попозже.

- Вот слова мудреца, капитан, – сказал хитрый лис гасконец.

Буттафуоко подошел к дверному проему и долго всматривался.

– Маркиза их переиграла, – сказал он наконец. – Теперь мы спокойно можем ждать, пока эти солдаты напьются.

Пьянка аркебузирова губернатора Сан-Доминго продолжалась добрых полчаса, потом все ушли, в той или иной степени нетвердо держась на ногах, и подвалы снова стали тихими и мрачными.

- Теперь можно атаковать? – спросил Мендоса.
- Что? – спросил Буттафуоко.
- Нам? Бочки?
- Идите к черту!.. Я еще посплю.
- А мы будем стоять на страже! – ответил гасконец.
- Не вздумайте заснуть перед лицом врага.
- О!.. Никогда, сеньор.

И в то время как буканьер, полностью успокоенный, поскольку испанцев в подвалах больше не было видно, снова заснул, оба приятеля, не менее уверенные в том, что больше не подвергаются никакой опасности, возобновили свои стычки с винами маркизы де Монтелимар.

X Мыс Тибурон

Спустя два часа Марто с помощью двух могучих негров откатил бочки, загораживающие проход, и предстал перед флибустьерами.

- Сеньоры, – сказал он, – моя хозяйка вас ждет. Вы свободны.

Граф, который уже проснулся и разговаривал с Буттафуоко, сидя возле зажженного подвыпившим Мендосой факела, резко вскочил и спросил с радостью:

- Значит, испанцы ушли?
- Да, сеньор граф.
- Как твоей хозяйке удалось избавиться от них?
- Об этом вам расскажет госпожа маркиза. Она ждет вас на чашку шоколада.
- Пойдем, Буттафуоко. Сегодня вечером я хочу подняться на борт фрегата. Мое отсутствие было слишком долгим.

– Если только полусотни позволят нам пройти... – ответил пессимистически настроенный буканьер.

– Мы их опрокинем, – сказал гасконец, трагически взмахнув рукой.

Следуя за неграми, они прошли по подвалам и поднялись во внутренний дворик, когда на небе появились первые проблески утренней зари.

Маркиза мирно сидела за столом в просторной галерее, наливая в чашки шоколад, а служанка подавала ей серебряные подносы, полные печенья и пирожных.

– Доброе утро, граф! Доброе утро, Буттафуоко! – весело сказала она. – Как провели ночь?

– Спали, маркиза, – ответил сеньор ди Вентимилья.

– Где?

– Между бочками, – ответил Буттафуоко.

– Что вы за люди!

– Эх, маркиза, мы привыкли спать где придется, – сказал граф. – Сколько ночей провел я на верхней палубе моего фрегата, закутавшись в собственный плащ!

– А сколько раз я спал в лесу, подставляя себя яростным ливням и неистовым ветрам! – добавил Буттафуоко. – Такова жизнь искателей приключений, сеньора. Ну что? Убедились испанцы, что нас нет на вашей вилле?

– Потихе, сеньор Буттафуоко, – сказала в ответ прекрасная андалусийка. – Они ушли, но сомневаюсь, что далеко.

– Они могут помешать мне? – спросил граф. – Фрегат ждет меня и, если будет находиться у мыса Тибурун, может навлечь на себя страшную бурю.

– Вы торопитесь покинуть меня? – печально спросила маркиза.

– Я хотел бы оставаться здесь целыми неделями и даже месяцами, сеньора, – с горячностью ответил граф. – К сожалению, у меня слишком много обязательств, и я должен защищать жизни двухсот моих людей.

– Ценю ваши доводы, граф, однако надеюсь, что мы не в последний раз встречаемся в Мексиканском заливе.

– Я буду самым счастливым из смертных в день, когда смогу вас снова увидеть, маркиза, – серьезно ответил граф. – Я обязан вам, и этот долг остается за мной, я его никогда не забуду... Вы слышите, сеньора? Никогда!

– Вы проводите меня до мыса Тибурун; там у меня на пляже есть маленький павильон.

– Сопровождать вас! – удивленно вскрикнул граф.

– Это необходимо, если вы хотите миновать полусотни и спасти свой корабль.

– Что такое вы говорите, маркиза?

– От командующего полусотнями я узнала, что местонахождение вашего фрегата известно. Губернатор уже отдал приказ готовиться внезапно захватить корабль, если это будет возможно.

Граф смертельно побледнел:

– Атаковать «Новую Кастилию» или, точнее, мой «Молниеносный», потому что так по-настоящему называется фрегат!.. Вот это номер!.. Я доберусь до корабля, прежде чем на него нападут, пусть даже смерть пятьдесят раз встанет на моем пути!

– Вот именно поэтому, граф, вы и будете сопровождать меня, повторяю. Однако вы вместе со своими товарищами должны облачиться в форменную одежду моего дома, чтобы сойти за слуг.

– Если это нужно, вы можете выкрасить меня в негра.

– Это не понадобится... Марто!

Африканец, в этот момент исполнявший обязанности управляющего, сразу же подбежал на призыв маркизы.

– Все готово?

- Да, хозяйка.
- Гамак и рабы?
- Готовы, хозяйка.
- Конвой?
- Уже вооружен.
- Многочисленный?
- Двенадцать человек, негров и белых.
- Отведи этих господ переодеться.

Потом, повернувшись к сеньору ди Вентимилье, пригубившему чашку шоколада, маркиза сказала:

– Торопитесь, граф. Боюсь, что нападение на ваш корабль планируется осуществить на закате.

– Вперед, сеньор гасконец! – сказал Мендоса дону Баррехо. – Нам так нужна ваша ужасная драгинасса!

Марто отвел всю четверку в одну из комнат первого этажа, чтобы они выбрали для себя одежду с цветами рода Монтелимар. Маркиза тем временем обернулась к человеку с загорелым лицом, который до той поры держался в сторонке, опираясь на одну из колонн.

– Асеведо, – спросила маркиза, – ты тщательно разведал дорогу, ведущую к мысу Тибурон?

- Да, хозяйка.
- Ее охраняют полусотни, не так ли?
- Там, за деревней Сан-Хосе, их не менее двухсот человек.
- Это те же солдаты, что приходили сюда?
- Я их узнал.

– Прекрасно, Асеведо. Посмотрим, решатся ли они задержать маркизу де Монтелимар, племянницу великого адмирала, невестку экс-губернатора!

Она поднялась, накинув легчайшую шелковую мантилью на волосы цвета воронова крыла. В это время во внутренний дворик спустились четверо здоровых, роскошно одетых африканцев. Они поддерживали на длинной жерди гамак, над которым был укреплен широкий красный зонт с пристроенной мягкой подушкой, чтобы было куда прислонить голову.

За ними следовали восемь человек: четверо белых и четверо негров, вооруженных аркебузами и длинными шпагами.

Они как раз остановились у галереи, когда появились граф, Буттафуоко, гасконец и Мендоса, одетые в цвета рода Монтелимар: белые и голубые полосы; на груди каждого из них красовался герб с изображением воздымающейся из моря горы, на вершине которой на задних лапах стоял лев, подняв перед собой передние.

Увидев их, маркиза не могла удержаться от смеха.

– Кажется, вид у нас довольно жалкий, – пробурчал Мендоса.

– Выглядим как слуги, – вполголоса ответил гасконец, поправляя усы и гордо положив левую руку на рукоять своей шпаги, дабы дать понять другим, что он, даже в таком одеянии, представляет людей военных.

– Мы смешны, не так ли, маркиза? – спросил граф.

– Нисколько! Но я предпочла бы, чтобы вы сопровождали меня в своих обычных одеждах.

– Или в своем красном костюме?

– Еще лучше, – подавив вздох, сказала маркиза.

– Я оденусь в него, когда буду на палубе своего фрегата и услышу голос пушек.

Маркиза впилась в гордого корсара глубоким взглядом, потом, качнув головой, резко сказала:

– Поехали.

С помощью графа она поднялась в гамак, склонила голову на подушку из розового шелка, и кортеж, возглавляемый Буттафуоко и графом, не выпуская из рук аркебуз, отправился в путь.

Они пересекли банановые плантации, не встретив никаких солдат, а потом направились по тропе, вившейся в лесу, оставив в стороне селение Сан-Хосе, находившееся недалеко от поместья маркизы.

Отряд шел уже пару часов, не покидая тропинки, бегущей среди великолепных пальм, когда из кустов неожиданно выскочили прятавшиеся там аркебузиры, они закричали:

– Стойте!

Буттафуоко выступил вперед и громко сказал:

– Сеньора маркиза де Монтелимар направляется на купание к мысу Тибурон. Что вам надо?

– Проходите, – ответил командир маленького отряда, поклонившись.

Аркебузиры отправились дальше, а маркиза поприветствовала солдат грациозным жестом.

– Это чудесное имя откроет нам дорогу прямо на палубу фрегата, – сказал Мендоса гасконцу.

– Предпочел бы, чтобы открылась дорога в винные погреба, – ответил со вздохом дон Баррехо. – Ах, какое было аликанте!..

– Замолчите, а то от ваших слов у меня разыграется неутолимая жажда.

– У меня она уже разыгралась, баск!

– И подумать только, что мы больше никогда не попадем туда, сеньор гасконец!

– Вы хотите, чтобы я заплакал?.. Вы очень жестоки, баск!

Еще одно «стой!», более угрожающее, чем в первый раз, внезапно прервало их важную беседу.

– Дорогу маркизе де Монтелимар! – снова крикнул Буттафуоко, тоже приняв угрожающий тон.

Новые аркебузиры выскочили из зарослей, подхитивших вплотную к тропе, и вскинули ружья.

Услышав Буттафуоко, которого они приняли, видимо, за управляющего маркизы, они восприняли тон ответа и, почтительно отсалютовав, поспешили ретироваться.

– Маркиза, – сказал граф, шедший рядом с гамаком, – мы вам обязаны жизнью. Без вашей чудесной выдумки нам бы никогда не удалось добраться до мыса Тибурон.

– Сеньор граф, мне пришлось хорошенько задуматься, чтобы вывести в безопасное место моих гостей! – ответила маркиза. – И это уже не в первый раз я устраиваю такую неприятность своим соотечественникам. Далеко не в первый... Что вы хотите? Я развлекаюсь, заставляя злиться губернатора Сан-Доминго!

– Который, возможно, в той или иной степени является людоедом, – пробормотал Мендоса, шагающий с другой стороны гамака.

Шествие продолжалось без каких-либо новых встреч, но никто не был убежден, что в лесах по обеим сторонам тропинки не находятся в засаде другие аркебузиры и алебардчики, надеясь застать врасплох сына Красного Корсара.

В полдень быстродвигающийся отряд увидел море.

Мыс Тибурон, который образовывал нечто вроде полуострова, покрытого густыми лесами почти до самой крайней своей точки, вытягивался к югу полукругом, разворачивался к пляжу и образовывал гавань, довольно надежно защищавшую от волн.

Посреди этого бассейна величественно возвышалась «Новая Кастилия», удерживаемая двумя якорями, отданными с носа и кормы; паруса были только взяты на гитовы, чтобы команда в случае опасности могла быстро увести корабль в открытое море.

– Мой фрегат! – воскликнул граф. – Наконец-то! Возвращается хозяин залива!

– Молчите, сеньор ди Вентимилья, – сказала маркиза, – вы же не знаете, где укрываются испанцы, которые получили приказ захватить ваше судно. Не верьте этому спокойствию: оно может оказаться скорее видимым, чем реальным; действуйте осмотрительно. Возможно, за всеми нашими движениями следят сотни глаз.

Потом она повернулась к неграм, державшим длинный шест, к которому был подвешен гамак, и сказала им:

– В мой купальный павильон! Быстрее!

Четверо носильщиков пустились бегом; они забрались на небольшой холмик, потом спустились на длинный песчаный пляж, усыпанный невероятным множеством раковин устриц и панцирями черепах.

Изящный купальный павильон маркизы высился посреди группы пальм, примерно в двухстах метрах от моря; он был построен из дерева, также в мавританском стиле; на его грациозной башенке развевался флаг маркизов де Монтелимар; павильон окружал маленький сад.

Две молодые метиски, услышав голоса носильщиков и сопровождавших маркизу слуг, быстро вышли из дома, чтобы помочь госпоже спуститься; граф ди Вентимилья, однако, был проворнее и вынул маркизу из гамака.

– Прибыл мой посланец? – спросила прекрасная андалусийка у женщин.

– Да, хозяйка.

– Входите, друзья. Я пойду впереди.

Она пересекла садик и ввела графа, Буттафуоко и двоих авантюристов в маленький зал на первом этаже, скудно обставленный легкой, изящной мебелью, почти исключительно бамбуковой, и множеством терракотовых ваз, в которых стояли огромные букеты цветов, расточавших вокруг нежный запах.

Маркиза села перед столом из красного дерева, вырезанным с большим вкусом и отделанным серебром, и сделала знак графу и его друзьям сделать то же, а потом обратилась к метискам, следовавшим за нею:

– Позовите гонца.

Мгновение спустя, учтиво поклонившись, вошел мулат, высокий, сильно загорелый, мускулистый, с гордым взглядом.

– Ты выполнил мой наказ? – спросила его маркиза.

– Да, хозяйка.

– Ты смог пристать к фрегату, не вызывая подозрений?

– Я подплыл к самому борту и предложил рыбу, выловленную мною сегодня утром.

– Ты говорил с лейтенантом?

– Да, хозяйка.

– Ты сообщил ему об опасности, какой он подвергается, а также о том, что граф скоро придет?

– Лейтенант готов ко всему и ждет капитана. Он принял все меры, чтобы не вызвать подозрений.

– Можешь идти.

– Сеньора, – сказал взволнованный граф, – я не ожидал подобной услуги со стороны женщины, которая должна бы быть злейшим врагом флибустьеров.

– Я только защищаю своих гостей и покровительствую им! – улыбнулась маркиза. – На моем месте вы сделали бы то же самое.

– Я готов погибнуть за вас! – ответил граф с таким энтузиазмом, что это дало повод прекрасной испанке снова улыбнуться и глубоко вздохнуть.

– Не сомневаюсь в этом! – сказала молодая вдова, проведя рукой по лбу. Потом она спросила: – Когда вы отправитесь на судно, граф?

– Немедленно, если это возможно.

– На пляже у меня есть шлюпка. Передаю ее в ваше распоряжение. Впрочем, я понимаю ваше нетерпение. Сделайте вид, что отправляетесь на рыбную ловлю вместе с моими неграми, и в подходящий момент вы пристанете к фрегату. Старайтесь, чтобы вас не заметили мои соотечественники. Больше чем уверена, что они внимательно наблюдают за морем, а в лесах уже спрятана артиллерия.

Она поднялась, охваченная нескрываемым волнением, и, пока Мендоса, Буттафуоко и гасконец опустошали принесенные им метисками чашки с шоколадом, повела графа в садик, окружавший прелестный домик.

– Сеньор граф, – сказала она, устремляясь под тень гигантской пальмы, – неужели мы больше не увидимся?

В голосе маркизы слышалось такое возбуждение, что сеньор ди Вентимилья был им глубоко тронут.

– Надеюсь, сеньора, – ответил он, – что мы еще встретимся, прежде чем я покину Мексиканский залив. Я не могу забыть прекрасную женщину, которой дважды был обязан жизнью.

– Когда же?

– Кто может это сказать, маркиза? Я не вернусь в Сан-Доминго, пока не закончу своей миссии.

– А куда вы теперь направляетесь?

– Найти вашего деверя и флибустьеров, которые до сих пор господствуют по обе стороны Панамского перешейка.

Маркиза некоторое время молчала, уставившись в землю, потом нервным движением сорвала орхидею и протянула ее графу:

– Сохраните ее в память обо мне.

– Когда мне будет угрожать смерть, маркиза, этот данный вами цветок окажется на моем сердце, – ответил корсар. – Для меня этот цветок станет драгоценным талисманом.

Маркиза подняла голову, и граф сразу же заметил, что темные глаза прекрасной андалусийки увлажнились.

В этот момент появился Буттафуоко.

– Сеньор граф, – начал он, – шлюпка готова, пришел момент расстаться. Я возвращаюсь к своим буканьерским занятиям.

– Вы оставляете меня? – спросил сеньор ди Вентимилья с болезненным изумлением. – Я считал, что вы последуете за мной.

– Там, в моем бедном жилище, остался мой помощник, который, быть может, подвергнется серьезным опасностям, – ответил охотник. – Кто знает, возможно, однажды мы встретимся в каком-либо из городов Центральной Америки. Я сражался в рядах флибустьеров вашего дяди, Черного Корсара, и теперь мне жаль отказываться сражаться вместе с его племянником.

Они вышли из сада в сопровождении Мендосы, гасконца и четырех негров, увешанные сетями, для того чтобы заставить испанские полусотни, возможно сидящие в засаде в лесу, поверить, что они отправляются ловить маркизе на ужин рыбу.

Они подошли к калитке; прекрасная андалусийка остановилась, глядя влажными глазами на графа.

– Прощайте, сеньор, – сказала она, протягивая руку. – Я буду молить Бога, чтобы он уберег вас от пушек и аркебуз моих соотечественников. Помните обо мне всегда и не забывайте: если вам будет необходимо мое покровительство, я всегда готова еще раз спасти вас.

Граф, казавшийся не менее растроганным, галантно поцеловал маркизе руку, тогда как Буттафуоко оперся на свою аркебузу, скрестив руки на кончике ствола.

Он тоже внимательно смотрел на графа.

– Друг, – сказал ему сеньор ди Вентимилья, протягивая правую руку, – благодарю за все, что вы сделали для меня... А теперь скажите мне свое настоящее имя. Вы обещали.

Мимолетное волнение исказило черты буканьера.

– Зачем? – спросил он хриплым голосом. – Я позволил ему упасть, и навсегда, на дно атлантической пучины в момент перехода через экватор... Кто теперь помнит обо мне во Франции? Для своей родины я умер... также для сестры... для...

Рыдания прервали его слова, а по загорелым щекам медленно скатились две слезы. Немного погодя он сказал:

– Все должно быть кончено!

– Нет, сеньор...

– Барон де Рувр, – сказала маркиза.

– Зачем вы выдали мой секрет, сеньора? – спросил Буттафуоко. – Теперь я всего лишь жалкий буканьер, у меня нет больше прав носить герб моего рода, который я обесчестил.

– Для меня вы навсегда останетесь дворянином, – сказал сеньор ди Вентимилья, испытывавший такую сильную боль, что это отразилось на его загорелом лице. – Вот моя рука, барон де Рувр.

Буканьер все еще колебался, но потом быстрым движением ухватил протянутую руку:

– Когда вам, господин граф, потребуется человеческая жизнь, вспомните о бароне де Рувре, я всегда буду к вашим услугам.

– Не в жизни вашей буду я нуждаться, а в вашей руке и в вашей аркебузе, – ответил граф. – Мы встречаемся не в последний раз... Прощайте, маркиза, прощайте, барон, я отправляюсь совершить должное.

Он быстро прошел по пляжу и запрыгнул в шлюпку.

Четверо негров тут же заработали веслами, тогда как Мендоса крепко ухватился за руль.

– Сначала к мысу! – сказал граф. – Попытаемся обмануть испанцев, чтобы не скомпрометировать маркизу, которую и так подозревают в чрезмерном сочувствии нам.

Шлюпка летела стрелой под могучими гребками африканских геркулесов. В то же время граф приподнялся и непрерывно смотрел в сторону берега.

Возле калитки павильона, опираясь на пилястр, стояла прекрасная андалусийка; в руках она держала платок и время от времени махала им в знак расставания; в нескольких шагах от нее находился буканьер, скрестивший руки на стволе своей аркебузы.

– Увижу ли я ее когда-нибудь? – вздыхал граф. – Конечно, если меня не убьют испанские ядра.

Он помахал на прощание рукой и сел рядом с гасконцем, считавшим и пересчитывавшим свои дублоны.

– Когда вам, господин граф, потребуется человеческая жизнь, вспомните о бароне де Рувре, я всегда буду к вашим услугам.

– Что вы делаете, дон Баррехо? – спросил граф.

– Подсчитываю, сколько агуардьенте могли бы купить испанцы, если бы они убили меня и завладели этим маленьким сокровищем, – с серьезным видом объяснил гасконец.

– Идите к черту! – не удержался граф.

– Нет, он меня не захотел взять, и думаю, что хорошо сделал, потому что с гасконцами нелегко даже в аду; они бы уж там подрезали хвостики сыновьям Вельзевула. Мы ведь и вправду опасные люди!

– Он поступил трижды верно, – расхохотался Мендоса, – потому что теперь мы пропьем эти дублоны.

– О приятель, один дублон вы мне должны. Вспомните.

– Заберете его у испанцев.

– Сделайте то же самое, – ответил все так же серьезно гасконец.

Граф больше не обращал внимания на болтунов. Он то смотрел на исчезающий павильон маркизы, перед которым еще выделялись два темных пятна, то переводил взгляд на великолепный фрегат, грациозно покачивавшийся на рейде, натягивая цепи двух якорей, словно ему не терпелось уйти в море после такого долгого отдыха.

Шлюпка приблизилась к покрытому лесом мысу Тибурон – возможно, в этом лесу прятались испанцы, ожидая сигнала к атаке, – потом отвернула к западу, и четверо негров, отложив весла, бросили сети.

– Они и в самом деле принимают нас за рыбаков? – спросил Мендоса у графа. – Не лучше ли держать курс в открытое море, чтобы в душах испанцев не зародилось сомнение и они не поприветствовали нас залпом своих пушек? Вы слышали, что говорила маркиза? Она ведь предположила, что в этом лесу спрятана вражеская артиллерия.

– Да, – ответил граф, казавшийся немного обеспокоенным. – Но есть еще кое-что другое, Мендоса.

– Что такое, капитан?

– Я заметил несколько больших шлюпок, плохо спрятанных в прибрежных зарослях. Они не могут принадлежать рыбакам, потому что здесь рядом нет никакой деревни.

– Тысяча акульих брюх! – выругался морской волк. – Они намерены атаковать фрегат?

– Вот этого я и боюсь, Мендоса.

– Мы сбросим их в море! – отрезал гасконец, не перестававший считать свои дублоны.

– А что, лейтенант знает о готовящейся атаке? – спросил Мендоса.

– Сеньор Верра не из тех людей, кто спит во время плавания в опасных водах, – ответил граф. – Ставлю сотню пиастров против одного, что он уже подготовился к бою.

– Когда мы пристанем к фрегату?

– Подождем, когда будет заходить солнце. Не очень-то хочется компрометировать маркизу. Давайте ловить рыбу и не будем обращать внимания на мое судно, хотя над нами и развевается испанский вымпел.

В это самое время негры стали вытаскивать сети, полные рыбы.

Немного погодя шлюпка возобновила движение под управлением Мендосы. Теперь она все больше отдалялась от мыса Тибурон, потому что люди в ней старались избежать неприятного сюрприза. Мендоса маневрировал таким образом, что шлюпка описывала широкий полукруг перед носом фрегата.

Еще пару раз негры забрасывали и выбирали сети, все время приносявшие немало рыбы, потом, когда солнце уже готовилось погрузиться в море, шлюпка медленно направилась к фрегату, который уже зажег на юте два больших фонаря.

Мендоса, не отходивший от руля, направил шлюпку так, чтобы заставить испанцев поверить, что рыбаки хотят пройти мористее судна и попытаться счастья в последний раз, прежде чем вернуться в купальный павильон маркизы.

Сын Красного Корсара внимательно наблюдал за парусником, очертания которого уже начали теряться в сумерках.

Казалось, на борту царит абсолютное спокойствие. Слышалась только дробь барабана, созывавшего команду на ужин в межпалубном помещении, – и больше ничего.

– Сеньор граф, – сказал гасконец, когда исчез последний луч света, – пристанем?

– Подождите немного, нетерпеливый гасконец, – ответил сеньор ди Вентимилья. – Вы так спешите дать волю рукам?

– Не будь я авантюристом! И потом, моя шпага засиделась без дела. Каждое утро она просит разрешения распороть кому-нибудь брюхо, но я никак не нахожу случая удовлетворить ее просьбы.

– Случай еще не раз представится, уверяю вас.

– Знаете, мы, гасконцы...

– Да, всегда убиваете, – ответил граф с несколько ироничной улыбкой.

– Не будь я гасконцем, черт возьми! – сказал дон Баррехо.

– Мендоса!

– Капитан?

– Держите курс прямо на фрегат. Теперь испанцы уже не смогут заметить нас.

– А ну-ка за весла, язычники! – крикнул африканцам морской волк.

Темнота почти полностью накрыла маленький рейд, окутав и водное зеркало, и мыс Тибурон.

Шлюпка быстро пересекла расстояние, отделявшее ее от фрегата, подошла к борту судна, противоположному занятой испанцами стороне, дабы избежать опасности при вероятном обстреле.

К своему глубокому изумлению, граф не услышал тревожных окликов, хотя нос лодки громко стукнулся о борт парусника.

– Что там делают мои люди? – хмурясь, спрашивал себя граф. – Они позволяют подойти к судну вплотную, даже не замечая шлюпки?

– Я полагаю, капитан, что вы напрасно жалуетесь, – сказал Мендоса. – Ваши матросы слишком хитры. Если бы на нашей шлюпке были испанцы, быюсь об заклад, что в эту минуту гранаты на наши головы сыпались бы градом. Сеньор Верра не относится к тем морякам, которых можно застать врасплох.

Веревочный трап упал на воду, что облегчало подъем на борт. Граф ухватился за трап, мигом вскарабкался на палубу фрегата и закричал:

– Здесь спят, что ли?

– Нет, сеньор ди Вентимилья; мы внимательно наблюдаем за морем и ждем вас, – ответил ему спокойный голос.

Перед графом неожиданно появился человек, до той минуты скрытый углом паруса.

Это был красивый и стройный молодчик высокого роста; с виду ему не исполнилось еще и тридцати; лицо его с тяжеловатыми чертами прикрывали чернейшие усы и борода.

– Вы, помощник? – удивился граф.

– Я уже несколько часов жду вас, капитан, – ответил молодой человек. – Я видел вас в подозрную трубу, и мне показалось, что вы не замедлите явиться на свой корабль. А кроме того, меня предупредил рыбак некоей маркизы де Монтелимар, что вы уже прибыли в окрестности мыса Тибурон, а испанцы готовятся атаковать нас.

– К сожалению, это правда, сеньор Верра! – ответил граф. – Они только ждут, когда мы выберем якоря, и готовятся нанести нам удар в спину.

– Мы готовы принять их! – ответил помощник капитана. – Ваши люди расставлены по боевым постам, пушкари только и ждут приказа открыть огонь.

– Хорошо! – одобрил граф. – А не выходил ли из Сан-Доминго какой-нибудь галеон?

– Да, один ушел перед нами, всего за четыре-пять часов. Мартин уверяет меня, что это была «Санта-Мария».

– Куда она держала курс?

– На запад.

– Мы сможем догнать ее. Эти галеоны слишком тяжелы, чтобы состязаться с фрегатами, в особенности с нашим. Еще до завтрашнего утра мы догоним «Санта-Марию» и получим в свои руки секретаря бывшего губернатора Маракайбо.

– Приказать выбрать якоря и разворачивать паруса, граф?

– Еще один момент, лейтенант, – с раздражением ответил сеньор ди Вентимилья. Он наклонился над фальшбортом и крикнул неграм в шлюпке: – Возвращайтесь немедленно в купальный павильон, если вам дорога жизнь. Передайте мои последние приветы своей госпоже и буканьеру... Мартин!

Метис, сидевший на бочке и болтавший с Мендосой и страшным гасконцем, мигом подскочил к капитану.

– Мою красную форму, – приказал граф. – Сын Красного Корсара не воюет в рыбацкой одежде. Мою боевую шпагу и мою кирасу! Сеньор Верра, разверните паруса и дайте приказ канонирам зарядов не жалеть. Посмотрим, смогут ли они задержать меня за мысом Тибурон и сможет ли «Санта-Мария» уйти от нашей погони. Живее!

Пока дудка Мендосы сзывала палубных матросов к шпилям поднимать якоря, а марсовых – отвязывать рифы на парусах, пока помощник капитана давал последние указания к предстоящему сражению, корсар вместе с Мартином и гасконцем спустился в кормовую каюту.

Когда граф снова появился на палубе, одет он был во все красное, как это случилось в блестящем дворце маркизы де Монтелимар, на боку висела новая шпага, а у пояса – пистолеты крупного калибра.

Он поднялся на капитанский мостик, расположенный в передней части верхней палубы, и, взяв в руки рупор, закричал:

– К парусам! Все – по боевым постам! Сын и племянник трех великих корсаров ведет и хранит вас!

ХІ

Охота за «Санта-Марией»

Фрегат, который в этот момент еще назывался «Новой Кастилией», чтобы не вызывать подозрений в испанских портах, хотя на самом деле на корме, под куском паруса, скрывалось его славное имя «Молниеносный» (в память о знаменитом судне Черного Корсара), шел под парусами. Все пушки его были готовы к бою: двадцать орудий, объединенные в батареи по бортам, и две крупнокалиберные кулеврины на баке.

Как мы уже сказали, это был превосходный боевой корабль, способный выдержать бой сразу с двумя испанскими галеонами, очень стройный, но с крепкими бортами, с увеличенной парусностью, чтобы можно было воспользоваться самым слабым ветерком.

Однако флибустьеры с Тортуги и даже испанцы видели, как столь же великолепный боевой корабль бороздил воды Мексиканского залива.

«Святая Троица», входившая в состав Великой армады, вряд ли позавидовала бы и количеству орудий, и численности экипажа, да и скорости.

Выбрав якоря, «Молниеносный» (так мы в дальнейшем будем называть фрегат) описал пол-оборота вокруг продольной оси, чтобы уловить слабый ветер, а потом направился к мысу Тибурон, чтобы пройти мимо него на траверсе.

Сын Красного Корсара, пренебрегая любой опасностью, не отдал даже приказа погасить ни два больших фонаря, горевших с правого и левого борта кормовой надстройки, ни носового фонаря на полубаке.

Он не хотел оставлять в темноте артиллеристов кулеврин, поскольку очень рассчитывал на них в борьбе с испанскими шлюпками, которые могли пойти на безумный в своем неистовстве абордаж.

Дав два бортовых залпа, фрегат пересек рейд, а потом дерзко направился к мысу; артиллеристы энергично раздували фитили, тогда как аркебузиры поднялись на марсы и салинги, куда уже нанесли в немалом количестве ручные гранаты, которыми пользовались в то время флибустьеры.

Великолепный, сильный корабль разрезал воды залива в полной уверенности, что он спокойно пройдет мимо засады, устроенной аркебузирами и полусотнями губернатора Сан-Доминго. Команда «Молниеносного» презирала угрожавшую ей опасность.

В колеблющемся свете кормовых фонарей выделялся, словно кровавое пятно, сын Красного Корсара, сеньор ди Вентимилья, ди Вальпента и ди Роккабруна, потомок трех выдающихся корсаров, которые в недавние времена сеяли страх во всех испанских колониях Большого Мексиканского залива⁴¹.

Держа в правой руке рупор, а левой опираясь на рукоять своей боевой шпаги, некоторой разновидности драгинассы, широкой и тяжелой, как оружие гасконца, гордый молодой человек бестрепетно ожидал атаки, не сводя глаз с парусов своего великолепного судна.

На его тонких губах блуждала сардоническая усмешка, та презрительная усмешка, которую сделал знаменитой Черный Корсар.

«Плывать мне на всех на вас, – казалось, говорил он. – Я сын Красного Корсара, который держал вас в страхе, а ужасный Черный Корсар – мой дядя. Кто осмелится напасть на меня?»

«Молниеносный», не находя на рейде достаточно ветра, приближался к мысу очень медленно, в нетерпеливом ожидании буйной ласки Большого залива.

Были подняты все паруса: от нижних до бом-брамселей и до блинда.

Хотя время от времени крупные волны, глухо шипя, выкатывались из-за мыса, фрегат лишь плавно покачивался на них – так хорошо он был сбалансирован.

– Смотрит ли в мою сторону маркиза? – спрашивал себя граф. – Ах, если бы она могла видеть, как сражается сеньор ди Вентимилья...

Его размышления прервал глухой отзвук артиллерийской канонады, донесшийся из леса, покрывавшего высокий мыс.

– Кажется, испанцы догадались, что мы пытаемся улизнуть. Не так ли, дон Баррехо? – обратился он к стоявшему рядом гасконцу, который перетряхивал в кармане свои пресловутые дублоны.

– Я никогда не был глухим, господин граф, – ответил, улыбнувшись, авантюрист.

– Смотрите, как бы какое-нибудь ядро не снесло вам голову.

– Я вам уже говорил, что мой приятель Вельзевул не знает, как обойтись в своем доме с гасконцами. Мы слишком опасны даже в аду.

– Вы просто замечательны, дон Баррехо.

– Нисколько. Вы хотите, чтобы он подрался с чертями другого рода, способными укоротить хвосты или крылья его детям? Полагаю, дьявол не так глуп.

– Сеньор граф! – крикнул Мендоса, стоявший за ними, у руля. – Посмотрите-ка на этого гасконца: он, должно быть, внук или правнук мессера⁴² Вельзевула! Он принесет нам несчастье, клянусь вам...

– Бочонком аликанте, – добавил бравый гасконец, разразившись громким смехом.

Четыре или пять пушечных выстрелов раздались в этот момент с оконечности мыса. Ядра прорвали паруса фрегата.

– Кажется, эти ребята не будут нежными, – сказал гасконец, пригибая голову и трагическим жестом выхватывая из ножен свою знаменитую шпагу. – На абордаж идут иберы Старой или Новой Кастилии, и я покажу им, как дерутся лучшие забияки Гаскони...

⁴¹ В своих романах автор объединяет акватории Мексиканского залива и Карибского моря.

⁴² Мессер(e) (ит.) – господин (в обращении).

Металлический голос сына Красного Корсара оборвал его последние слова:

– Дьявол вас побери!

– А куда? Если этого даже он не знает?

– Тогда пусть он вас отнесет в рай, – сказал Мендоса.

– Но там же нет аликанте маркизы де Монтелимар.

И снова его слова оборвал голос сына Красного Корсара:

– Бортовой залп! Мы проходим траверс мыса! Стреляйте по шлюпкам! Огонь!..

Пять баркасов, на каждом из которых было по двадцать пять человек, гребцов и стрелков, отошли от берега и приближались с бешеной скоростью, расходясь веером, чтобы пропустить фрегат посредине и пойти на abordage с обоих бортов.

Вооруженные аркебузами солдаты вели частый и непрерывный огонь по верхней палубе.

Обе кулеврины, поставленные на большие вращающиеся подставки, обрушили на два ближайших баркаса убийственный залп картечью, тогда как десять пушек правого борта отправили свои ядра в лес, в котором пряталась испанская артиллерия.

Одна из пяти шлюпок, вторая по порядку, изрешеченная картечью, почти сразу пошла на дно. Однако остальные несколько не замедлили своего движения и с отчаянной смелостью готовились к abordage, тогда как аркебузиры удвоили частоту огня.

Сын Красного Корсара, поняв, что имеет дело с недюжинными смельчаками, поднес рупор ко рту и приказал:

– Все буканьеры на палубу!

На всех флибустьерских судах всегда находилось некоторое количество этих изумительных стрелков. Можно даже сказать, что они составляли подлинную силу корсарских кораблей, потому что, как мы уже упоминали, эти бесстрашные охотники никогда не промахивались.

По команде графа тридцать бородачей с бронзовыми лицами, вооруженные тяжелыми аркебузами с длинными стволами, быстро поднялись на палубу, расположившись вдоль правого фальшборта и кормовой надстройки.

– Шлюпки – ваши! – крикнул металлическим голосом сеньор ди Вентимилья. – Мы займемся полусотнями и испанской артиллерией.

Обе стороны вели сражение отважно.

Оглушительно грохотали двадцать две пушки фрегата; с такой же яростью отвечали испанские орудия, более многочисленные и хорошо спрятанные за высокими скалами мыса, а также в лесу.

Практически на каждый выстрел сразу же следовал ответ.

Шлюпки между тем не переставали приближаться, выстраиваясь дугой и не обращая ни малейшего внимания на опасность, грозившую им с носа фрегата.

Однако буканьеры быстро остановили их порыв. Страшный свинцовый дождь посыпался на испанцев, собирая жуткую жатву среди стрелков и гребцов.

А буканьеры, спокойные и невозмутимые, несмотря на град снарядов различного калибра, вели меткий огонь, убивая или калеча врагов каждым своим выстрелом. «Молниеносный», ведомый Мендосой, самым опытным лоцманом на борту, как и самым лучшим артиллеристом, сделал поворот почти у самого мыса, поймал ветер и, сделав последний бортовой залп, ушел в открытое море, держа курс на запад.

Артиллеристы сделали еще несколько выстрелов, продырявив пару парусов и обрубив несколько брасов, а после прекратили совершенно уже бесполезную стрельбу.

– Ну, дон Баррехо, что вы на это скажете? – спросил граф гасконца, не отходившего далеко и не проявлявшего ни малейших признаков страха.

– Скажу, сеньор, что у этих флибустьеров в груди бьется кусочек хвоста моего приятеля Вельзевула, – ответил авантюрист. – Мне приходилось участвовать в сражениях во Франции и

в Эстремадуре, но никогда я не видел столь бесстрашных бойцов. Один из ваших аркебузирова стрелял, даже не вынимая трубки изо рта.

– Скоро вы увидите и второго.

– Мы будем еще сражаться?

– Мы вышли на охоту.

– А что за дичь?

– «Санта-Мария».

– Она мне знакома: прекрасный галеон, да и вооружен неплохо, сеньор граф, но в данный момент на нем нет ни одного дублона, потому что вышел он из Сан-Доминго. Возможно, он отправился грузить золотые слитки в Веракрус; именно поэтому я советовал бы вам подождать его возвращения.

– Я охочусь не за дублонами, – ответил сеньор ди Вентимилья, пожав плечами. – Я немного не похож на других корсаров; не погоня за золотом и не жажда приключений заставили меня покинуть Европу.

Помолчав, он сказал, словно самому себе:

– Пять или шесть часов преимущества! Надо добавить парусов.

Он поднес ко рту рупор искомандовал:

– Ставить лисели! Марсовые – на ванты!

Двадцать флибустьеров, ловких как белки, заскочили на ванты и затерялись в парусах.

– Дон Баррехо, – сказал граф, – не кажется ли вам, что настало время отдохнуть? За трое суток мы не поспали и шести часов.

– Да, кажется, сеньор, – ответил авантюрист, отчаянно зевая. – Правда, гасконцы могут обходиться без сна, – по крайней мере, так говорят у меня на родине, но я думаю, что в данном случае мои соотечественники не правы.

– Тогда спокойной ночи, – улыбнулся граф. – Скажите Мендосе, чтобы он выделил вам каюту.

Спустившись с мостика, граф обменялся парой слов со своим помощником и скрылся на юте.

– Нет ничего лучше, чем поступить, как он, – сказал гасконец. – Здесь не погреба маркизы де Монтелимар, бочки открывать не надо.

Тем временем фрегат продолжал свой бег на запад, ускоряя ход. Он весь покрылся парусами, от палубы до клотиков, и отлично держался, грациозно вздымаясь и опускаясь, на волнах Мексиканского залива.

Причиненный сражением урон, по правде говоря незначительный, был быстро ликвидирован многочисленным экипажем, а нескольких раненых перенесли в лазарет, доверив их заботам судового лекаря.

На верхней палубе остались только двадцать пять моряков, работавших с парусами, и несколько артиллеристов.

А вот на марсах и салингах расположились семь или восемь марсовых. Они должны были оповестить капитана, если покажется «Санта-Мария», что было весьма возможно, поскольку тяжелые галеоны никогда не отличались хорошим ходом.

Ночь прошла без приключений. «Новая Кастилия», снова ставшая «Молниеносным» в память о знаменитом корабле Черного Корсара, часто меняла курс, то уходя к югу, то приближаясь к побережью Сан-Доминго, но увидеть галеон не удавалось.

С первыми проблесками зари сын Красного Корсара был уже на палубе, готовый к бою с «Санта-Марией». Не стоит и говорить, что гасконец вместе с Мендосой тоже были там.

Он хотел показать, что гасконцы не такие уж сони и ни в чем не уступят морякам, привыкшим к долгим бодрствованиям.

– Что-то здесь не видно драки, сеньор граф, – сказал он молодому капитану, внимательно наблюдавшему в подзорную трубу за горизонтом. – Моя шпага постоянно жалуется; она уже на полдюйма заржавела. Попав на флибустьерское судно, я думал, что будет много работы.

– А вчерашнюю перестрелку вы уже забыли, дон Баррехо?

– Я ее только слушал, господин граф.

– Вам надо было останавливать пули своей знаменитой драгинассой.

Гасконец в ответ состроил гримасу.

– Будьте уверены, вам еще не раз представится случай доказать, что гасконцы ничуть не хуже флибустьеров, – добавил немного погодя граф. – Подождите, вот покажется «Санта-Мария»...

– Мы возьмем ее на абордаж?

– Галеоны не сдаются без боя. Это не каравеллы, дон Баррехо. Если потом вы увидите...

Но крик, донесшийся сверху, оборвал фразу:

– Парус слева по борту, прямо за фок-реем.

– Видите, дон Баррехо, зря вы жаловались, – сказал граф, поворачивая подзорную трубу в направлении, указанном марсовым.

Мендоса тут же засвистел в свою дудку. Он вызывал под вахту палубных матросов и пушкарей.

Помощник капитана, который только что улегся отдохнуть, немедленно появился на палубе, а в проходах и на батареях уже кричали:

– К оружию!.. «Санта-Мария»!..

Конечно, учитывая расстояние и тусклое предрассветное освещение над морем, никто не мог с уверенностью сказать, тот ли это галеон, которого с таким нетерпением ожидал сын Красного Корсара, желавший поскорее заполучить секретаря маркиза де Монтелимара. Вполне возможно, что это был какой-то флибустьерский парусник, вышедший с Тортуги на охоту за мелкими прибрежными испанскими судами, курсировавшими до Пуэрто-Принсипе или до острова Гонав.

Молодой корсар не отрывал подзорной трубы от глаз, внимательно изучая курс замеченного судна. Он ждал, пока станет светлее; только тогда можно будет принять решение.

– Это корабль с высоким бортом, – сказал он наконец, поворачиваясь к помощнику и гасконцу, стоявшим позади него. – Парусность впечатляет.

– Может, и в самом деле «Санта-Мария»? – спросил сеньор Верра.

– Мелкие каботажные суда не осмеливаются уходить далеко в море, когда находятся в водах, посещаемых флибустьерами с Тортуги. Вы это знаете так же хорошо, как и я. Если бы это не был корабль, способный защитить себя, он не ушел бы так далеко от берега.

– Надо ли приказывать готовиться к бою, господин граф?

– Если это галеон, он не сдастся по первому требованию. Что бы там ни говорили, но старушка Испания не оскудела храбрыми моряками. Будем осторожными, потому что, если это действительно «Санта-Мария», я не оставлю ее в покое, пока не заполучу кабальеро Баркисимето. Этот человек мне крайне необходим. Вы поняли, Верра?

– И мы его захватим, клянусь сотней тысяч хвостов Вельзевула!.. – воскликнул гасконец.

– Да, он будет в наших руках, – поддержал его лейтенант, сбегая по трапу с мостика.

Граф снова наставил подзорную трубу. На горизонте величественно вставало солнце, бросая на воду косые лучи, окрашивая море тысячами пурпурных и золотых бликов.

Замеченные паруса резко выделялись над лазурной поверхностью залива.

Это были верхние паруса, ловившие ветер со всех краев видимого горизонта.

– Это может быть только «Санта-Мария», – сказал граф, опуская трубу. – Дон Баррехо, я верю, что вы сможете размять руки и что на этот раз у вас будет случай показать моим матросам, чего стоят гасконцы.

– Надеюсь, сеньор граф, что вы не оскорбите меня сомнением в храбрости прибрежных жителей Бискайского залива, – ответил искатель приключений.

– Я не считаю вас новичком.

– Пусть я сдохну и буду навеки проклят! Я первым прыгну на палубу «Санта-Марии».

– После меня, дон Баррехо, – ответил корсар, – никто не должен ступать на неприятельский корабль раньше меня, ведь я сын корсара.

– Ладно, я буду вторым, – сказал грозный гасконец.

– В таком случае я буду третьим, – слышался еще один голос.

Он принадлежал Мендосе, незаметно поднявшемуся на мостик.

– А, это вы, приятель? – сказал гасконец, в то время как граф спустился на палубу, чтобы убедиться, все ли разошлись по боевым постам.

– Хочу к вам пришвартоваться, – ответил морской волк.

– Хотите следить за мной? – наморщил лоб авантюрист.

– Ну что вы! Хочу забрать дублоны из вашего кармана, чтобы они не достались испанцам.

На эти деньги я закажу тысячу месс, – рассмеялся баск.

– Стало быть, вы желаете моей смерти?

– Гасконцу! Да они же никогда не сдохнут!..

– Вы правы, приятель.

– Никто им этого не пожелает, ведь они слишком опасны.

– Это точно, – серьезно ответил дон Баррехо. – Слишком уж мы грозны, люди Бискайского залива.

– С запада или с востока?

– Конечно с запада. Те, что на востоке, те не гасконцы.

– Верно: они баски! – разразился смехом Мендоса. – Эти чертовы гасконцы всегда правы!

– Ну еще бы!.. Гасконцы мы или нет?

– Самые наигасконнейшие!..

– А тогда спорить бесполезно, – сказал авантюрист.

В этот момент граф вернулся на мостик в сопровождении своего помощника.

– Это «Санта-Мария», – сказал он Мендосе, вопросительно посмотревшему на него. – Ошибки быть не может. Займись рулем, пока мы не влепим им хорошенький заряд. Мне нужна мачта этого галеона.

– Вы ее получите, сеньор граф, – ответил морской волк.

– Дарю пятьдесят дублонов в случае удачи.

– Пусть я сдохну и буду навеки проклят! – не сдержался гасконец, кусая себе губы. – У себя на родине за такие деньги я убил бы десяток человек. Почему мой отец не воспитал меня артиллеристом? Однако приятель оплатит мне тот дублон, который он потерял в погребках маркизы де Монтелимар. Я этого не забыл, потому что у гасконцев память хорошая.

На фрегате царило веселое оживление.

Весть о том, что предстоит взять на abordаж испанский галеон, распространилась по всему судну, и весь экипаж с воодушевлением готовился к abordажной схватке, конечно тяжелой, потому что эти тихоходы прекрасно вооружены, а матросы на них отборные, набранные по большей части из уроженцев бискайского побережья.

«Молниеносный» поспешал полным ходом за галеоном. Все паруса были поставлены; Мендоса взял на себя управление кораблем.

На галеоне, когда убедились, что за ними гонится корсарское судно, немедленно повернули к доминиканскому берегу, пытаясь найти хоть какое-нибудь убежище в одном из многочисленных портов и бухточек острова, защищенных каким-либо фортом.

Граф, однако, вовремя разгадал намерения испанцев и направил «Молниеносный» вдоль берега, не давая галеону шанса избежать abordaja.

Дул довольно слабый противный ветер, и «Молниеносный» четырьмя длинными галсами вышел на траверс галеона, а потом смело взял курс в открытое море; граф тем самым дал испанцам понять, что для выбора у них остались две возможности: либо они сдаются на милость победителя, либо предстоит безнадежный бой.

– Ко мне, Мендоса! – крикнул граф. – Вот подходящий момент!

Галеон находился на расстоянии всего одной мили⁴³ и шел очень тяжело.

Это был один из тех большущих кораблей, которые испанцы использовали для перевозки в Европу сокровищ, добытых в казавшихся неисчерпаемыми рудниках Мексики, Гватемалы и Коста-Рики. Эти двухпалубники с широким корпусом оказались слишком грузными, чтобы соперничать со стройными судами флибустьеров, сила которых заключалась не в количестве пушек, а в весьма эффективной поддержке буканьеров.

– Мендоса! – кричал граф. – А ну-ка сбей грот-мачту этого галеона и останови его на полном ходу!

– Если бы я мог выполнить эту команду своей шпагой, эта мачта не простояла бы и секунды, – ворчал гасконец. – Приятелю чертовски повезло, но дублон-то он мне заплатит!

На галеоне осознали, что их преследует крупный корабль, способный поспорить за победу и заставить дорого за нее заплатить. Они внезапно сменили курс, надеясь, быть может, укрыться в маленьком порту Хакмель, отдавшись под защиту небольших фортов, построенных там испанцами.

Но экипаж галеона имел дело со смелыми моряками, в совершенстве знавшими побережье острова, да к тому же их судно шло слишком быстро, чтобы позволить избежать abordaja.

Граф, поняв намерение соперников, прижался к берегу, отрезая галеону проход и препятствуя поискам убежища.

«Молниеносный», сохранивший все свои паруса, с наступлением благоприятного ветра летел по волнам, словно морская ласточка.

В пятидесяти метрах от неприятельского судна «Молниеносный» дал холостой выстрел, но на галеоне и не подумали повиноваться требованию флибустьеров.

Поскольку добраться до малого порта было невозможно, галеон снова повернул в море, в то время как экипаж начал решительно готовиться к битве.

– Ах, не хотите остановиться! – сказал граф. – Тогда твоя очередь, Мендоса.

Морской волк подскочил к кулеврине правого борта и навел ее на галеон, на котором добавили, в свою очередь, новых парусов и опять развернули недавно убранные, чтобы хоть немного оторваться от фрегата.

– Пусть другие артиллеристы не открывают огня! – закричал граф в рупор. – Сохраняйте заряды для abordaja. Мендоса, ты уверен, что попадешь?

– Дайте мне хотя бы три ядра, – ответил баск.

– Даже шесть, если захочешь.

– Тогда какую-нибудь мачту свалю; пусть все замолчат.

– И даже я? – шутливо спросил дон Баррехо.

– А вы держите язык за зубами больше всех прочих, сеньор гасконец.

Глубокое молчание воцарилось на фрегате, прерываемое только трепетанием парусов и легким посвистыванием бриза в снастях.

Все взгляды обратились на галеон, убегавший к западу, но постоянно готовый повернуть к берегу, который находился на расстоянии не больше шести-семи миль и очень хорошо просматривался.

Мендоса продолжал возиться с прицелом, что-то бормоча и пыхтя, как тюлень.

⁴³ Милья – видимо, имеется в виду морская миля (1852 м).

Известно, что стрельба в море по подвижной цели, при неожиданных толчках, которые испытывает судно при качке, всегда необыкновенно трудна, особенно на парусниках, лишенных абсолютной стабильности из-за внезапных порывов ветра.

Стало быть, перед баском была поставлена нешуточная задача.

Но вдруг сильнейший взрыв сотряс кормовую надстройку «Молниеносного»: кулеврина наконец-то выстрелила.

Мендосу и стоявшего с ним рядом гасконца наполовину окутало густое облако дыма. В то же время граф и его помощник, находившиеся на капитанском мостике, перегнулись и вытянулись вперед, словно хотели устремиться вслед за ядром.

Мендоса не удержался и завопил от досады. Грот-мачта галеона осталась на месте, хотя на палубу грохнулся большой кусок грот-марса-рея, перебитый рядом с марсом.

– Ах ты, мой волчок, ты переломил всего лишь перышко у этой огромной птицы! – сказал граф. – А мне ведь было нужно крыло.

– В моем распоряжении еще пять выстрелов, капитан, – ответил баск.

– Но ты не расстраивайся, потому что и перышко кое-что значит: этот галеон уже не побежит с той же скоростью, как прежде.

Страшный грохот заглушил его слова.

Это галеон разом разрядил все свои орудия левого борта, но пушки его, кроме кулеврин, были явно устаревшими, скорость снарядов оказалась слабой, и ядра упали в воду, не долетев до фрегата.

– Эти люди могут транжирить порох и ядра! – сказал граф. – Может, они хотят просто попугать нас? Ну, мы-то привыкли к подобной музыке, не так ли, сеньор Верра?

– На нас это не произведет впечатления, – ответил помощник капитана, спокойно набивавший свою трубку. – Прежде чем их ядра станут долетать до нас, я успею выкурить трубку.

Тем временем Мендоса с помощью нескольких флибустьеров перезаряжал пушку, потому что вторую он пока не мог использовать из-за неудобного положения галеона.

Во второй раз он стал колдовать над прицелом. Испанцы быстро воспользовались этой передышкой, чтобы снова поднять парус и закрепить его кромку прямо за марс, так как нельзя было и подумать о замене рея.

– Приятель, – сказал гасконец баску, – старайтесь не тратить дублоны, иначе вы не сможете возместить тот, который потеряли в погребях маркизы.

Мендоса не ответил; он продолжал старательно целиться, медленно смещая дуло орудия, чтобы удержать его на пути галеона. Раздался выстрел, который через несколько мгновений встретило громовое «ура!» и крики: «Браво, Мендоса!»

На этот раз ядро, посланное баском, попало не в какой-нибудь рей.

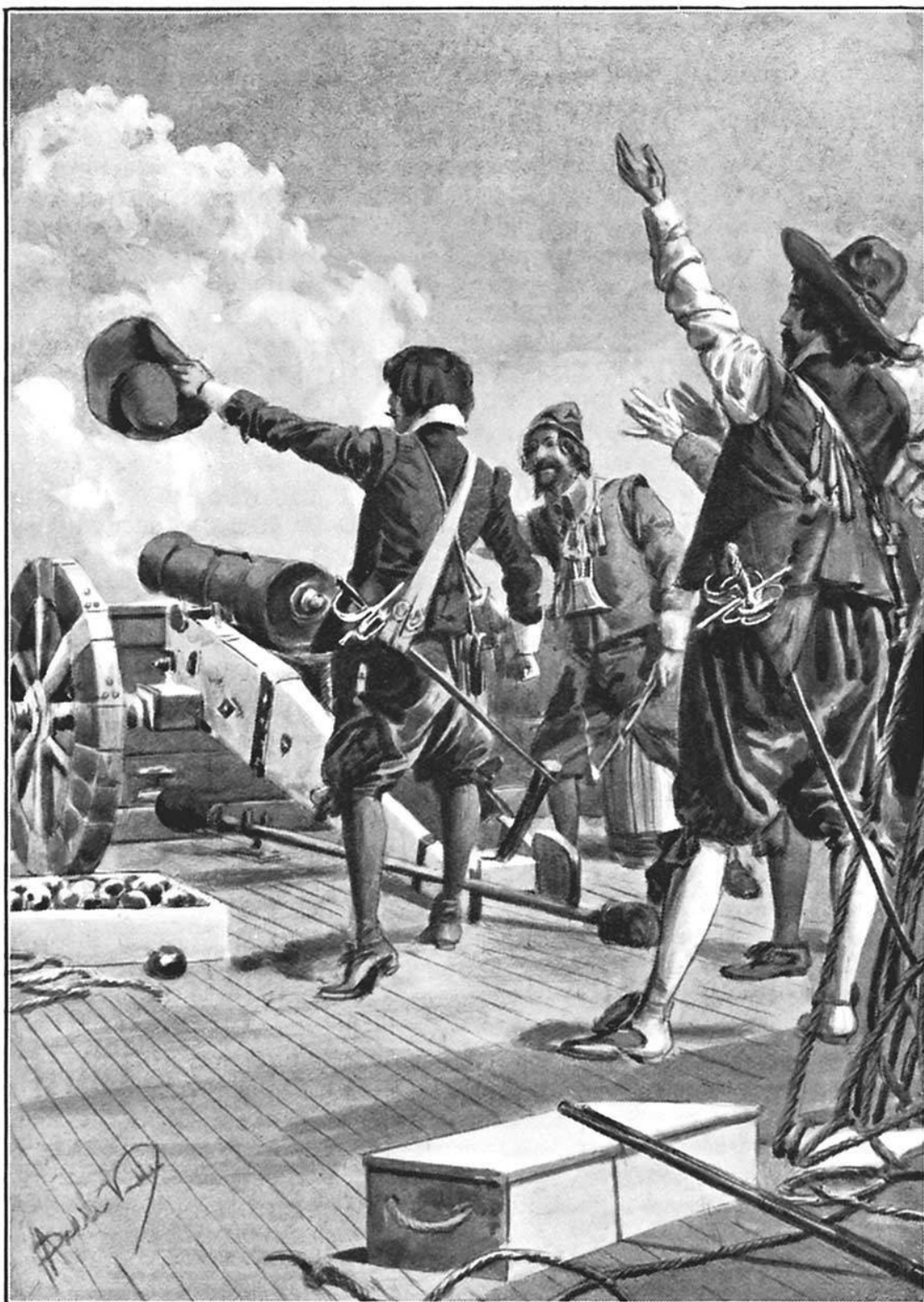
Грот-мачта, срубленная чуть ниже марса, упала поперек палубы галеона, сокрушая своей тяжестью ванты и брасы, после чего галеон сильно накренился на левый борт. Грот и один из косых парусов также полетели вниз, загромоздив палубу и накрыв добрую часть команды.

– Вот это выстрел! – восхитился гасконец. – Теперь мой дублон в безопасности.

– Вы удовлетворены, господин граф? – торжествующе спросил Мендоса.

Вместо ответа сеньор ди Вентимилья выхватил шпагу и закричал громким голосом:

– На abordaj, храбрецы!.. Через десять минут галеон будет у нас в руках!

– Вот это выстрел! – восхитился гасконец. – Теперь мой дублон в безопасности.

XII

Секретарь маркиза де Монтелимара

Галеон, остановившийся в своем полете над волнами, уже не мог избежать атаки фрегата.

Испанцы, пережив первый испуг, быстро принялись освобождать палубу от обломка мачты, который мог затруднять движения команды во время абордажа.

К обломку подступили с пилами и топорами, а в это время матросы, приставленные к пушкам, открыли адский огонь, надеясь не подпустить корсарское судно вплотную.

В свою очередь и «Молниеносный» яростно ошестинился, и не только пушками.

Буканьеры поднялись на верхнюю палубу и не жалели пуль, находя все новые цели на галеоне. Но предпочтительными мишенями были рулевые и офицеры на мостике.

Расстояние быстро таяло, так как фрегат увеличил скорость, чтобы не дать испанцам перегруппироваться.

Пушечные залпы следовали один за другим: то вверх, по парусам, то вниз, чтобы продырявить судно ниже ватерлинии.

Матросы, в задачу которых входило затыкать большими деревянными пробками дыры, проделанные ядрами, трудились не покладая рук и падали без сил на банки.

На верхней палубе во всю лилась кровь, особенно на галеоне, где не было кулеврин, а солдаты-аркебузиры ни в коей мере не могли сравниться в точности стрельбы с неподражаемыми буканьерами.

Не прошло и десяти минут, как «Молниеносный», весь окутанный огромным облаком дыма, подошел к галеону.

Лейтенант, который теперь стоял у руля, направил корабль к корме неприятеля, так что бушприт врезался в ванты и брасы бизань-мачты, а марсовые быстро сбросили многочисленные кранцы, чтобы смягчить удар.

Но последнее удалось лишь в малой мере; удар был таким сильным, что два судна пугающе накренились: одно – на правый борт, другое – на левый.

Голос сына Красного Корсара разносился, словно трубный зов:

– Ко мне, буканьеры! Батарейцы на палубу!

Он устремился на бак, за ним – гасконец, отчаянно вращавший клинком своей длинной шпаги, Мендоса, размахивавший секирой, и буканьеры, уже перезарядившие свои аркебузы.

Тридцать или сорок испанцев, как стрелков, так и матросов, собрались на баке, чтобы оказать яростное сопротивление атакующим; они орали во все горло:

– Смерть корсарам! Охотников в воду!

Граф ди Вентимилья, гасконец и Мендоса первыми пробежали по бушприту и ворвались на испанский корабль, разрядили пистолеты и запрыгнули на бак.

Именно в этот момент ветер начал относить фрегат, который еще не притянули к галеону абордажными крюками, и трое храбрецов остались одни среди врагов.

Момент был трагичным, потому что буканьеры не могли попасть на испанский корабль: для этого пришлось бы перепрыгнуть пропасть шириной в шесть метров, а такое даже для этих бесстрашных и ловких охотников было вещь абсолютно невозможной.

На фрегате поднялся дикий вой:

– Спасем графа!

Испанцы, вооруженные шпагами, секирами и алебардами, устремились к трем смельчакам, уверенные, что без труда справятся с ними. Но они встретились с великолепными шпажистами.

Сеньор ди Вентимилья, несколько не испуганный происшедшим, решительно бросился в схватку, ожидая, что буканьеры и флибустьеры поспешат к нему на помощь.

Достойный племянник Черного Корсара, самый знаменитый фехтовальщик Мексиканского залива, с неудержимым порывом вступил в рискованную схватку с неприятелем.

Гасконец, словно он хотел показать, что дети его родины, славящиеся хвастовством, в то же время тяжелы на руку и полны отваги, последовал за графом, нанося неистовые удары своей драгиной и крича как одержимый:

– Дорогу гасконцам!

Мендоса же со страшной силой рубил секирой, разнося шлемы и кирасы, ломая шпаги и алебарды.

Казалось, это спустили с цепи трех дьяволов.

Посвистывала графская шпага, страшно похрустывали драгинасса гасконца и секира баска.

Однако схватка троих с сотней человек – а испанцев, наверное, и было столько, потому что из люков галеона поспешно появлялись новые матросы и пушкари, – такая неравная схватка не могла долго продолжаться без поддержки буканьеров.

Увидев нависшую над графом опасность, эти чудесные стрелки, выстроившись шеренгой, открыли огонь во фланг испанцам, а в это время марсовые матросы бросали сверху гранаты, не обращая внимания на опасность разрыва снаряда в собственных руках.

Не теряли времени и матросы фрегата. С поразительной быстротой они забросили абордажные крюки через брасы и ванты галеона, соединяя оба судна в тесном, но и опасном объятии.

Граф и оба его товарища уже изнемогали под натиском испанцев, перед их алебардами, шпагами, секирами, когда буканьеры посыпались на бак галеона, не дожидаясь соприкосновения кораблей.

Раздался залп, палуба стала ареной кровавой бойни, защитников оттеснили в пространство между фок- и бизань-мачтой, где сразу же выросла баррикада из бочек, снастей, сменных реев, вышедших из строя пушек, которые теперь использовались только в качестве балласта.

Все защитники галеона собрались в этом месте.

Сын Красного Корсара, вышедший невредимым из первой схватки, быстро перестроил буканьеров, которые оставили свои аркебузы, схватились за короткие и тяжелые абордажные сабли и храбро кинулись в атаку. В это время и флибустьеры в свою очередь попрыгали с дикими криками на бак галеона.

Граф сразу же организовал атаку на баррикаду, но вынужден был отступить, встретив отчаянное сопротивление испанского экипажа, который в основном защищался алебардами, оружием довольно опасным, с которым не всегда справлялись шпаги и сабли.

Но его не обескуражила первая неудача.

Граф подождал, пока соберутся его флибустьеры, а потом во второй раз пошел на приступ, в то время как обе кулеврины обстреливали носовую надстройку галеона, где засели человек двадцать аркебузирова, стрелявших быстро и метко.

Пока буканьеры и флибустьеры в едином порыве продолжали борьбу, артиллеристы обоих кораблей обменивались pistolетными выстрелами через орудийные порты и даже несколькими пушечными, вызывавшими отдельные очаги возгорания, которые могли, однако, привести к большому пожару.

Тем временем за баррикадой сражались с таким же исступлением. Испанцы отчаянно сопротивлялись и не отступали, хотя буканьеры вновь взялись за аркебузы, более полезные в данный момент, чем сабли; стреляли они почти в упор, а марсовые не переставали швырять гранаты.

Сын Красного Корсара вместе с находившимся рядом гасконцем уже три раза взбирался на баррикаду и столько же раз вынужден был отступать, чтобы не пасть под ударами пик и алебард.

– Друзья! – закричал он, обернувшись к флибустьерам, проявлявшим видимое колебание. – Последнее усилие – и галеон наш!

В четвертый раз экипаж фрегата в дикой ярости ринулся на штурм, отчаянно размахивая руками и стреляя из pistolетов. После кровавой рукопашной флибустьеры овладели баррикадой. Правда, и сами они понесли серьезные потери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.